

ISSN 2218-7405 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Основан в 2009 г.
Том 9, № 7, 2018

Главный редактор – **В.Н. Абросимов**
Зам. главного редактора – **Т.А. Магсумов, П.А. Кисляков**
Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**
Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**
Корректор – **Зливко С.Д.**
Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**
Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF EDUCATION AND PSYCHOLOGY

Founded in 2009
Volume 9, Number 7, 2018

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**
Deputy Editors – **T.A. Magsumov, P.A. Kislyakov**
Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**
Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**
Language Editor – **S.D. Zlivko**
Design and Layout – **R.V. Orlov**
Support Contact – **Yu.V. Vyakov**

Красноярск, 2018
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2018

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 9, № 7, 2018, 224 с.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-39175 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2218-7405).

Журнал выходит ежемесячно

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,242.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Russian Journal of Education and Psychology, Volume 9, Number 7, 2018, 224 p.

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77-39175) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2218-7405).

The journal is published monthly

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,242.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Bădicu Georgian – Ph.D., Professor, Transilvania University from Brasov (Брашов, Румыния);

Аминов Тахир Мажитович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация);

Бобкова Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и менеджмента, Самарский филиал Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Самара, Российская Федерация);

Волкова Марина Владиславовна – доктор педагогических наук, директор ЧУ "НИИ Педагогики и Психологии" (Чебоксары, Российская Федерация);

Гайфутдинов Азат Минабутдинович – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе, Набережночелнинский государственный педагогический университет (Набережные Челны, Российская Федерация);

Денисенко Фелицата Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик ФГБОУ ВО "Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева" (Красноярск, Российская Федерация);

Дьячков Алексей Анатольевич – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и прикладной психологии, Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Зосименко Оксана Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой педагогики, специального образования и менеджмента, член-корреспондент Академии международного сотрудничества по креативной педагогике, Сумский областной институт последипломного педагогического образования (Сумы, Украина);

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВО «Ухтинский государствен-

ный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация);

Ившина Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, директор Научно-технической библиотеки КНИТУ-КАИ им.А.Н.Туполева (Казань, Российская Федерация);

Каменский Алексей Михайлович – доктор педагогических наук, доцент, директор ГБОУ лицея №590 Красносельского района Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» (Москва, Российская Федерация);

Мухина Татьяна Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского" (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Наумов Петр Юрьевич – кандидат педагогических наук, помощник начальника отделения правовой работы ФГКУЗ "Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации" (Балашиха, Московская обл., Российская Федерация);

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Синагатуллин Ильгиз Миргалимович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и методики начального образования, Бирский филиал Башкирского государственного университета (Бирск, Российская Федерация);

Соловьев Александр Николаевич – доктор педагогических наук, декан факультета довузовской подготовки, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (Москва, Российская Федерация);

Сорокоумова Светлана Николаевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и реабилитационных технологий, ФГБНУ "Федеральный научно-клинический центр реаниматологии и реабилитологии" (Москва, Российская Федерация);

Трушников Денис Юрьевич – кандидат педагогических наук, зам. по УМР, Государственное автономное общеобразовательное учреждение Тюменской области «Физико-математическая школа» (Тюмень, Российская Федерация);

Тухватуллин Булат Талирович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры автомобилей, бронетанкового вооружения и техники, Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (Новосибирск, Российская Федерация);

Финогенова Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики Института педагогики, психологии и социологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация);

Фролов Илья Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (Липецк, Российская Федерация);

Чернявская Валентина Станиславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса" (Владивосток, Российская Федерация);

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО Нижегородская ГСХА (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шмелева Елена Александровна – доктор психологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Шуйский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Ивановский государственный университет" (Шуя, Российская Федерация).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-6-19

UDC 316.454.3

TOPICAL ASPECTS OF THE RESEARCH OF THE PAST: P. ROSSI'S CONCEPT OF THE CROWD

Gorbatov D.S., Baichik A.V.

The purpose of the study is to identify the main idea of the spontaneous associations concept proposed by Pasquale Rossi, an Italian researcher of the late 19th – early 20th centuries.

Methods or methodology of the work. To study the P. Rossi's concept, the following research methods of the theoretical analysis were applied, i.e. the historical and functional method that focused on studying the ideas of the Italian scientist, taking into account the logic of scientific development of that time; historical and genetic, involving consideration of the scientist's scientific heritage, taking into account the social and historical conditions of the late 19th – early 20th centuries; as well as comparative and historical method aimed at comparing P. Rossi's views with the views of some of his contemporaries, as well as particular provisions of modern psychological science.

Results. The study contains a description of certain methodological errors found by P. Rossi in the concepts proposed by S. Sighele, G. Tarde, G. Le Bon. P. Rossi's contribution to the development of collective psychology is characterized. The study shows the set of reasons that made collective psychology lose its status of an independent science that looks into social associations, specifies certain characteristics of the

street crowd, proposed by Rossi, as well as provides his understanding of demopaedia as a new science of educating the masses. The aspects of P. Rossi's research are noted, their further development being, according to modern scientists, quite promising for tackling topical social and psychological issues.

Practical implications of the results. *The conducted research seems relevant in the context of expanding the subject field of modern psychology of spontaneous social associations, as well as in developing the conceptual foundations of a systematic approach to this phenomenon.*

Keywords: *crowd; crowd concept; P. Rossi's crowd concept; collective psychology; psycho-collective rhythm; leaders of the crowd; demopaedia.*

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОШЛОГО: КОНЦЕПЦИЯ ТОЛПЫ П. РОССИ

Горбатов Д.С., Байчик А.В.

Целью исследования являлось выявление основного содержания концепции стихийных объединений итальянского исследователя конца XIX – начала XX веков Паскуале Росси.

Методы или методология проведения работы. *Изучение концепции П. Росси предусматривало применение следующих методов исследования: теоретического анализа; историко-функционального метода, ориентированного на изучение идей итальянского ученого с учетом логики научного развития того времени; историко-генетического, предполагающего рассмотрение его научного наследия с учетом социально-исторических условий конца XIX – начала XX вв.; сравнительно-исторического, направленного на сопоставление взглядов П. Росси с воззрениями некоторых современников, а также с отдельными положениями современной психологической науки.*

Результаты. *Описываются методологические ошибки, отмеченные П. Росси в концепциях С. Сигеле, Г. Тарда, Г. Лебона. Характеризуется его вклад в развитие коллективной психологии.*

Указывается совокупность причин, по которой коллективная психология утратила статус самостоятельной науки о социальных объединениях. Уточняются некоторые характеристики уличной толпы, предложенные Росси. Излагается его понимание демопедии как новой науки об образовании масс. Отмечаются те аспекты исследований П. Росси, развитие которых современные ученые считают перспективным для решения актуальных социально-психологических проблем.

Область применения результатов. *Проведенное исследование представляется целесообразным в контексте расширения предметного поля современной психологии стихийных социальных объединений, а также при разработке концептуальных основ системного подхода к данному феномену.*

Ключевые слова: *толпа; концепции толпы; концепция толпы П. Росси; коллективная психология; психоколлективный ритм; вожаки толпы; демопедия.*

The crowd as a specific subject of social conflicts has a complex of cognitive, emotive and behavioral characteristics. The study of such characteristics should be recognized as one of the topical tasks of social psychology. The researchers of the crowd of the initial period proposed a number of quite original and well-grounded ideas that corresponded to the needs of the time, which later turned out to be beyond consideration and were almost forgotten. Their explanatory potential, upon being analyzed taking into account the social, cultural and intellectual context of both that time and current period, can be used to tackle the issue of relevant description and forecasting of processes occurring in the crowd.

Descriptions of spontaneous associations that appeared in Western European science at the turn of the 19th – 20th centuries were traditionally accompanied by extremely negative connotations. Thus, S. Sighele described the crowd as “a substratum in which the microbe of evil develops very easily, whereas the microbe of good is highly likely to die without finding suitable living conditions” [4, p. 42]. G. Tarde compared it to a wild animal, “moreover, to a rabid, unrestrained beast, a blind toy

of its instincts and routine habits, [that] sometimes resembles an invertebrate of the lowest order, a monstrous worm ... wriggling in disorderly movements even after the separation of the head" [5, p. 10]. G. Le Bon wrote, "The strength of the crowd is directed only to destruction. The rule of the crowd always indicates the phase of barbarism" [3, p. 157]. "The principle of the beast", "collective madness", "wild savagery", "female character", "propensity to crime," "irrationality of thinking," "obedience to suggestion," "herd instinct" - these are just some of the characteristics attributed at that time to spontaneous associations [1].

From the point of view of modern researchers ([6], [13], [15], etc.), such attitude became an expression of fears of representatives of the ruling classes in response to a drastic change of social and economic realities. The processes of industrialization, accompanied by an increase in the number and activity of the proletarian masses, growth of peasant unrest in central Europe, intensification of the influence of left-wing political parties, activation of the suffragist movement, surge of anarchist terror – all this made it necessary to try and comprehend the issue of mass crimes prosecution and search for efficient ways to control the crowd.

Pasquale Rossi (1867–1905), an Italian researcher, doctor, journalist, socialist and philanthropist, took a fundamentally different position to the psychological nature of the spontaneous associations. Rossi refused to demonize the crowd, to perceive it exclusively in terms of psychopathology, irrationality and delinquency [8], [15]. In his opinion, the crowd knows how to perceive external influences, act and feel, as well as think, being purposefully active. Just like individuals, it needs education in order to replace intelligibility with meaning, shallowness of thought with depth, antisocial orientation with thoughtful prosocial actions [9].

Critique of P. Rossi by first crowd researchers

The idea that the crowd is likely to commit crimes as presented by Sighele, G. Tarde and their numerous followers was thought by P. Rossi to be nothing but a "sophistry of false generalization", expressed in an unjustified transfer of a property inherent only in some kinds of spontaneous associations to all of them. According to P. Rossi [9], [10], the

crowd becomes a criminal one for several reasons. Firstly, it can differ in its specific composition, including a significant number of “inborn” and professional criminals at the time being; second, it can obey the malicious leaders’ suggestion; third, it can imitate the norms imposed by the indiscriminate elite; fourth, it can experience moments of emotional disturbance and moral crisis that make it prone to violating the law. Thus, the criminal principle was in his understanding not an immanent, but a sporadic property of the crowd. Rossi wrote, “The usual actions of the crowd, as a rule, are anticriminal, peaceful or useful. ... The building caught fire, and before the fire fighters and soldiers arrive, an anonymous crowd begins working on extinguishing; there is a misfortune that deeply affects the soul, and the first rescuers stand out of the crowd, ... therefore we can say that it is an exception in regard to the actions of the crowd that it may become a criminal one” [9, p. 18].

A convinced socialist as he was, having been sentenced during his studies at the University of Naples to a six-month prison sentence for participation in mass disorders, the one who later organized a committee to protect victims of government repression, P. Rossi regarded “crime” as the label that the establishment was likely to assign to its political opponents. Rossi perceived the crowd as a subject of social development, capable of defending its interests in the struggle or removing social institutions interfering with progress [9].

“Twelve sane and healthy people are capable of giving a verdict that is completely stupid and meaningless,” S. Siegel wrote about the jurors, “a similar phenomenon occurs at the meetings of numerous commissions – artistic, scientific and industrial ones” [4, p. 10]. “All that is ingenious is individual, even in the case of committing a crime ... social groups are unlikely to have a high mental development ... a well-created mind stands above a whole parliament ...,” G. Tard postulated [16, pp. 350–351]. “In the crowd, people are always levelled, and ... the casting of the votes of forty academicians will not be any better than casting the votes of forty water-carriers,” G. Le Bon echoed to them [3, p. 307].

It is quite obvious for P. Rossi that emotional experiences, upon being expressed, make it difficult to understand issues in complex, but this does

not mean that the ability to think, weigh up decisions and be creative is inherent only in isolated individuals. As he believed, the emergence of such judgments is associated with the “infantile” age of the new science, i.e., collective psychology that it does not always distinguish between the random and the typical due to a lack of empirical data.

Another “teething trouble” of the new branch of psychology was, in his opinion, an underestimation of social factors of the crowd’s activity. Excessive exploitation, poverty and deprivation lead to mass nervous illnesses, weakening of mental abilities and development of pathological suggestibility [11]. He considered a cardinal improving the life of the oppressed masses as a necessary but not exhaustive measure for establishing a relationship of social harmony.

P. Rossi and collective psychology

At the end of the 19th century, a new approach was formed in West European (mostly Italian and French) science that was subsequently called collective psychology. However, its time turned out to be quite short, which is largely due to the specifics of the selection of the research subject. According to the views of adepts of the new science, the subject field of collective psychology should be located between psychology that studies the psyche of individuals and sociology as focused on the structure and functioning of organizations. According to S. Sighele [4], it was assumed that collective psychology is to study temporary, random and dissimilar associations. According to P. Rossi [10], the object of its research is any social association in which a “spiritual unity”, “cumulative soul” was formed, which motivates formerly independent individuals to think, act and feel in the same way.

While developing the key provisions of this approach, Rossi proposed the concept of “psycho-collective fact”, a mechanism for the formation of a community, designated by him as “collective synesthesia” (Italian “sinestesia collettiva”, derived from Greek “co-feeling”). He postulated that the distribution of emotional experience across all the gathered has an outward side, as expressed in exclamations, gestures, facial expressions, etc., as well as an internal one manifested in the unity of per-

ceptions and relationships. At the same time, “collective synaesthesia” is dynamic, its intensity and duration vary depending on the strength of one or another incentive and effects from previous influences, producing a special psycho-collective rhythm [10].

The product of synaesthesia, i.e., the “collective soul”, was not considered by Rossi as a metaphor, but as a real phenomenon, similar to an organism consisting of many coordinated cells.

Having summarized the views of his predecessors, Rossi formulated the basic principles of collective psychology as follows:

- 1) “mental product”: when individuals unite, mental characteristics of the original units do not add to one another (E. Ferri);
- 2) “changes in properties”: the unification of individuals always reduces initial intellect and enhances feelings (S. Sighele);
- 3) “hyperorganic law”: when people are united in a crowd, the atavistic aspect of their psychology is enhanced.

Rossi limited the action of the last principle to the actual crowd as an unorganized and unstructured association, while other principles were recognized to be characteristic of “crowds” of any type [10].

It should be noted that in order to emphasize the similarities of various social communities capable of levelling individual differences, instill the same ideas and push for the same actions, the followers of collective psychology excessively widely used the concept of crowd. They applied it not only to loafers, demonstrators or pogromists, but also to political parties, theatrical public, jury colleges, scientific congresses, military units, religious sects, social classes and even whole nations, if they could, at any time, be attributed as having “spiritual unity”.

The actual ignoring of the differences between social associations of such different types, when they were designated by a term with a fundamentally different content in everyday life, introduced confusion and later was believed to be inappropriate [1].

Distinguishing such “crowds” as research subjects, i.e., associations in the phase of their greatest influence on individuals, deliberately narrowed the scope of collective psychology, depriving it of the opportunity to compete with social psychology. A peculiar subjective derivative of the subject

of this science also played its role. This refers to the involuntary inclination of the supporters of collective psychology to expand the field of research, exaggerating the strength of the group's influence on its members and the extent to which personal changes take place. Thus, G. Le Bon wrote, "The predominance of the unconscious, the same direction of feelings and ideas, determined by suggestion, as well as the desire to immediately turn inspired ideas into action – these are the main features that characterize the individual in the crowd. He already ceases to be himself and becomes an automation, which does not have his own will" [3, p. 170]. It is significant that neither he, nor Rossi, nor any other adherents of this science specified variables that prevent the influence of the crowd on a person.

Limitations in the methods of research became another obstacle in the way of recognition for collective psychology as an independent science. According to P. Rossi [10], the processes of formation of the "collective soul" due to their complexity and the number of subjects are hardly subject to experimental study. Commenting on the observation and analysis of secondary sources, he argued that experiment is possible only with "crowds" of small numbers (a school class, spiritual circle, etc.) and primitive incentives. As for social psychology, it had acquired a distinctly experimental character since the days of F. Allport.

The nature of the street crowd

Arguing about the peculiarities of primitive social associations, P. Rossi paid special attention to leaders who emit "psycho-collective waves" of suggestion and infection. He devoted a separate work to the means of their influence [11], having considered the corresponding arsenal of tragedians, singers and musicians, orators, criminals and soldiers, leaders of informal children's associations, etc. Using in many ways the same methods, leaders are likely to be people with a disturbed psyche, characterized as disharmonious, impulsive and purposeful, who exert a decisive influence on excitable people of weak will who begin to affect others as "multipliers of emotional vibrations" [10, p. 222]. Thus, a "spiritual community" is formed, erasing personal and social differences into emotional experiences and actions.

According to Rossi, the influence of the leader and the crowd is mutual and volatile in terms of the intensity of manifestations. They are connected by a lot of psycho-collective waves and vibrations superimposed on each other. Some of them die out, while others are amplified to such an extent that they cause autosuggestion even in the least hypnotic individuals [9], [11]. The Italian researcher did not quite successfully attempt to describe the results of these processes in the form of the “law of collective psychometry” [11, p. 135], according to which the time for the appearance of a crowd-specific psycho-collective rhythm is due to the time of reaction of each of its members and the density of the association in space and time.

Just like the individual, each crowd, in his opinion, has its own character, age, periods of crisis. Summing up particular feelings, it is capable of formulating and spreading thoughts. Making certain actions the crowd can develop an attitude towards other subjects of social life.

The crowd, as being unstable in its manifestations and undifferentiated in composition, according to his views, is capable of a positive transformation. So, the two aspects in its existence should be distinguished, i.e., the static aspect, corresponding to the current state, and the dynamic one, reflecting the potential of the subsequent development. While the former is characterized by the dominance of emotional and impulsive passion, the latter is distinguished by the collective work of thought, conscious morality, and the stability of relations. Transition to this aspect means that the crowd has become a people [12].

Demopaedia as science on educating masses

While outlining the prospects for the social reforms that were imminent, P. Rossi wrote, “The more well-formed the crowd is, the more culture will penetrate the lower social strata, the more thinking people will participate in the development of ideas, and if the genius ... pinpoints a new field of research, it is the crowd that will give this idea its universality and integration” [9, p. 43]. From his point of view, the main task is not to learn how to successfully manipulate spontaneous associations, but to raise their level of development to the level that is necessary for public welfare [7]. This task was to be handled by a special branch of

science, located between psychology and pedagogy, i.e., demopaedia, that focuses not on the individual, but on the masses.

The impact should be comprehensive, including the adoption of laws that in a fair way regulates the labor of the proletariat, as well as provision of the necessary political freedoms, development of academic training programs for talented people, opening numerous public libraries, theaters and concert halls [12]. Rossi called upon the national elite to rely on a more thoughtful policy on this issue of Belgium, Britain, Germany and other advanced countries. In addition, much depends on those patterns of social morality that can be adopted by the proletariat and the peasantry as examples to follow. The process of further educating the crowd is believed to be impossible without the self-education of the elite.

Contemporaries criticized Rossi for the redundancy of the analogies of the “collective soul” with the individual psyche, as well as emphasized his inconsistency in distinguishing the phenomena of the mass and the crowd, manifestations of psychopathology and irrationality, nature of the spontaneous and social associations [14], nor did they see the fundamental differences between demopaedia and social pedagogy [12].

It should be noted that P. Rossi’s works were not particularly popular. It is significant that only one comprehensive review of his views on the psychology of the leaders of the crowd was ever published in Russian [2], while bibliographic lists of the works of other researchers of this issue of the late 19th century, i.e., G. Le Bon, N.K. Mikhailovsky, G. Tarde include numerous items. However, at present, scientists have taken interest in the principles of P. Rossi’s concept. They have pointed at the potential of P. Rossi’s ideas for solving topical issues of interaction with “crowds back at home”, being characteristic of modern times [15], analysis of the regularities of influence in groups of considerable numbers [6], study of the phenomenon of judgments polarization after discussion [8], defining specifics of political parties and sects [7], identification of social prerequisites in the matter of educating the masses [13]. It should be added that his studies on leadership and charisma, interference of incentives in the crowd, as well as irrational aspects of the behavior of spontaneous associations seem promising for further study.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-013-00302, «Толпа и личность: историко-психологическое исследование теорий XIX – начала XX вв.»

This work is supported by Russian Foundation for Basic Research. The project 18-013-00302. “A crowd and a personality: The historical and psychological research of theories of the 19th – early 20th centuries”

References

1. Gorbatov D.S., Bol'shakov S.N. *Teorii tolpy v rossijskoj psihologicheskoi mysli konca XIX – nachala XX vv* [The theory of the crowd in the Russian psychological thought of the late XIX – early XX centuries]. St. Petersburg: Art-Xpress, 2015, 108 p.
2. E.L. (Lozinskiy E.I.) Vozhdi i tolpa (social'no-psihologicheskij ocherk) [Leaders and the crowd (socio-psychological essay)]. *Vestnik vospitaniya* [Herald of Education], 1908, no. 1, pp. 86–124.
3. Le Bon G. *Psihologija mass* [Psychology of the masses]. *Psihologija narodov i mass* [Psychology of peoples and masses]. St. Petersburg: Publ. F. Pavlenkova, 1896, pp. 149–329.
4. Sighele S. *Prestupnaja tolpa. Opyt kollektivnoj psihologii* [The criminal crowd. The experience of collective psychology]. St. Petersburg: Publ. F. Pavlenkova, 1893, 116 p.
5. Tarde G. *Prestuplenija tolpy* [Crimes of the Crowd]. Kazan': Tipo-lit. Imperat. universiteta, 1893, 44 p.
6. Bosc O. De la folla delinquente à la follacultura : Scipio Sighele et Pasquale Rossi prophètes italiens de la modernité au tournant du siècle. *Laboratoire italien. Politique et société*, 2003, vol. 4, pp. 37–56.
7. Donzelli M. Rossi, Tarde e Le Bon. *Pasquale Rossi e il problema della folla. Socialismo. Mezzogiorno. Educazione*. Ed. T. Cornacchioli, G. Spadafora. Roma: Armando, 2000, pp. 341–358.
8. Mucchi-Faina A. Alcune considerazioni a partire dall'opera psico-collettiva di Pasquale Rossi. *Pasquale Rossi e il problema della folla. Socialismo. Mezzogiorno. Educazione*. Ed. T. Cornacchioli, G. Spadafora. Roma: Armando, 2000, pp. 333–340.

9. Rossi P. *L'animo della folla*. Cosenza: Tip. R. Riccio, 1898, 286 p.
10. Rossi P. *Sociologia e psicologia collettiva*. Roma: C. Colombo, 1904, 239 p.
11. Rossi P. *Les suggesteurs et la foule*. Paris: A. Michalon, 1904, 222 p.
12. Rossi P. La scienza dell'educazione della folla. *Atti del V congresso internazionale di psicologia tenuto in Roma dal 26 al 30 aprile 1905*. Roma: Forzani e c. tip. del Senato, 1906, pp. 652–656.
13. Serpe B. Il problema educativo nella riflessione di Pasquale Rossi. *Mizar. Costellazione di pensieri*, 2016, no. 4, pp. 71–81.
14. Squillace F. Vida y obras de Pasquale Rossi. *Alma Pública. Revista desdisciplinada de psicología social*, 2010, no. 5, pp. 17–36.
15. Stizzo F. Concezione pedagogica, impegno sociale e orizzonte utopistico in Pasquale Rossi. *Quaderni di Intercultura*, 2017, no. 9, pp. 151–162.
16. Tarde G. Foules et sectes au point de vue criminel. *Revue des deux mondes*, 1893, 15 novembre, pp. 349–387.

Список литературы

1. Горбатов Д.С., Большаков С.Н. Теории толпы в российской психологической мысли конца XIX – начала XX вв. СПб.: Art-Xpress, 2015. 108 с.
2. Е.Л. (Лозинский Е.И.) Вожди и толпа (социально-психологический очерк) // Вестник воспитания. 1908. № 1. С. 86–124.
3. Лебон Г. Психология масс // Психология народов и масс. СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1896. С. 149–329.
4. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1893. 116 с.
5. Тард Г. Преступления толпы. Казань: Типо-лит. Императ. университета, 1893. 44 с.
6. Bosc O. De la folla delinquente à la follacultura: Scipio Sighele et Pasquale Rossi prophètes italiens de la modernité au tournant du siècle // Laboratoire italien. Politique et société. 2003. vol. 4, pp. 37–56.
7. Donzelli M. Rossi, Tarde e Le Bon // Pasquale Rossi e il problema della folla. *Socialismo. Mezzogiorno. Educazione* / Ed. T. Cornacchioli, G. Spadafora. Roma: Armando, 2000, pp. 341–358.

8. Mucchi-Faina A. Alcune considerazioni a partire dall'opera psico-collettiva di Pasquale Rossi // Pasquale Rossi e il problema della folla. Socialismo. Mezzogiorno. Educazione / Ed. T. Cornacchioli, G. Spadafora. Roma: Armando, 2000, pp. 333–340.
9. Rossi P. L'animo della folla. Cosenza: Tip. R. Riccio, 1898. 286 p.
10. Rossi P. Sociologia e psicologia collettiva. Roma: C. Colombo, 1904. 239 p.
11. Rossi P. Les suggesteurs et la foule. Paris: A. Michalon, 1904. 222 p.
12. Rossi P. La scienza dell'educasione della folla // Atti del V congresso internazionale di psicologia tenuto in Roma dal 26 al 30 aprile 1905. Roma: Forzani e c. tip. del Senato, 1906, pp. 652–656.
13. Serpe B. Il problema educativo nella riflessione di Pasquale Rossi // Mizar. Costellazione di pensieri. 2016. no. 4, pp. 71–81.
14. Squillace F. Vida y obras de Pasquale Rossi // Alma Pública. Revista desdisciplinada de psicología social. 2010. no. 5, pp. 17–36.
15. Stizzo F. Concezione pedagogica, impegno sociale e orizzonte utopistico in Pasquale Rossi // Quaderni di Intercultura. 2017. no. 9, pp. 151–162.
16. Tarde G. Foules et sectes au point de vue criminel // Revue des deux mondes. 1893. 15 novembre, pp. 349–387.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Горбатов Дмитрий Сергеевич, профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций, доктор психологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
gorbatov.rus@gmail.com

Байчик Анна Витальевна, доцент кафедры международной журналистики, кандидат политических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия
annabaichik@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gorbatov Dmitry Sergeevich, Professor of the Chair of Management
Mass Communications, Doctor of Science in Psychology
Saint-Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russia
gorbatov.rus@gmail.com
SPIN-code: 2959-0458
ORCID: 0000-0002-5232-6083
ResearcherID: K-8629-2013

Baichik Anna Vitalyevna, Associate Professor of the Chair of Interna-
tional Journalism, Candidate of Political Sciences
Saint-Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russia
annabaichik@gmail.com
SPIN-code: 7010-3719
ORCID: 0000-0003-0527-5858
ResearcherID: K-5009-2015

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-20-35
UDC 159.9

SEMANTIC INDICATORS
OF STUDENTS' SELF-REALIZATION
AS SUBJECTIVE MARKERS OF THEIR
PSYCHOLOGICAL WELL-BEING
IN UNIVERSITY TRAINING

*Shutenko E.N., Kanishcheva M.A.,
Lokteva A.V., Sidorchuk K.V.*

The article describes subjectively significant circumstances of students' self-realization, ensuring the necessary level of their psychological well-being in the learning process. It was the students' opinions about possibilities of their self-realization in university education that were studied.

Based on the method of thesaurus analysis of students' stories, the authors disclose semantic indicators of their self-realization within the framework of three key thesauri: thesaurus of the readiness to self-realization; thesaurus of the self-realization measures and actions; thesaurus of self-realization activators.

In accordance with the received data, the following three dominant themes of students' self-realization and their psychological well-being were determined, as follows: the personal involvement into the education process; revealing the hidden capabilities during the education process; the social integration into the university community.

The results of the research can be applied to carry out targeted monitoring of students' psychological well-being in the higher school education sphere.

Keywords: *higher school; students' psychological well-being; self-realization in education; semantic indicators; thesaurus analysis; subjective dominants of psychological well-being in education.*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ КАК СУБЪЕКТИВНЫЕ МАРКЕРЫ ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ВУЗОВСКОМ ОБУЧЕНИИ

*Шутенко Е.Н., Канищева М.А.,
Локтева А.В., Сидорчук К.В.*

В статье описываются субъективно значимые обстоятельства самореализации студентов, обеспечивающие необходимый уровень их психологического благополучия в процессе обучения. Изучены мнения студентов о возможностях их самореализации в университетской среде.

На основе метода тезаурусного анализа высказываний студентов авторы раскрывают семантические индикаторы их самореализации в рамках трех ключевых тезаурусов: тезауруса готовности к самореализации, тезауруса мер и действий для самореализации, тезауруса активаторов самореализации. В соответствии с полученными данными были определены следующие три доминантные темы самореализации студентов и их психологического благополучия: личностная включенность в процесс обучения; раскрытие внутренних способностей в процессе обучения; социальная интеграция в университетское сообщество. Результаты исследования могут быть применены для проведения адресных мониторингов психологического благополучия студентов в образовательной сфере высшей школы.

Ключевые слова: *высшая школа; психологическое благополучие студентов; самореализация в образовании; семантические индикаторы; тезаурусный анализ; субъективные доминанты психологического благополучия в образовании.*

Introduction

The development of a viable young generation is largely determined by the activation of personal patterns and mechanisms of psychologi-

cal health of student youth related to the realization of internal potential [5]. It is known that psychological well-being of a person is inextricably linked with self-realization, especially in youth [9]. In fact, both these phenomena reflect the same process of full and productive existence of the individual in certain socio-cultural conditions [1].

The meaning of self-realization for a young person is the capacity to be a true subject of one's own life, be creative, active, take responsibility, make decisions, pursue goal-setting, etc. [8]. In this regard, the content, process and technology of university training should be focused on stimulating student self-realization in the logic of maintaining their psychological well-being, psycho-emotional stability, and overcoming crisis and destabilizing factors.

In the humanities, the issue of self-realization as a factor of person psychological health has been studied in the framework of several leading scientific traditions: phenomenological tradition (E. Husserl, M. Heidegger, A. Schütz, R.D. Lang, M. Merleau-Ponty, etc.); existential tradition (L. Binswanger, C. Cofer, M. Appley, R. May, J. Bugental, K. Jaspers, M. Buber, V. Frankl, A. Längle, etc.); hermeneutical tradition (F. Schleiermacher, H.-G. Gadamer, V. Dilthey, E. Betty, P. Ricker et al.); personological approach (E. Spranger, V. Shtern, H.A. Murray, S. Maddi, H. Marcuse, E. Mounier, P. Teilhard de Chardin et al.); interactionist approach (Ch. Cooley, G.H. Mead, W.I. Thomas, H. Becker, H. Blumer, J.M. Charon, E. Goffman, J.P. Hewitt etc.); constructivist approach (J. Piaget, G. Kelly, J. Bruner, E. Glasersfeld, T. Luckmann, P.L. Berger, G. Bateson, P. Watzlawick, etc.).

The growth of research in the sphere of self-realization was largely promoted by the ideas of M. Weber's understanding sociology, humanistic psychology (E. Fromm, G.W. Allport, K. Goldstein, A. Angyal, A. Maslow, G. Murphy, C. Rogers etc.); the theory of autopoiesis (H.R. Maturana, F. Varela), the ecological theory of human development by U. Bronfenbrenner, the field theory and concept of the life space by K. Lewin, etc.

In each of these traditions and approaches, self-realization is viewed as the most important ontological condition and attribute of a fully functioning personality.

We carried out this research on the basis of the general provision that self-realization is the result of productive socialization [15], which is started by the internal ontological aspiration for *self-realization* [7]. Being the leading life motivator in the university years, the desire for *self-realization* psychologically inspires and mobilizes the young person, activates his abilities and internal resources in order to express himself, to receive a valuable life experience, to prove himself in learning, science, society, business, culture and so on [13]. When we are dealing with the process and the phenomenon of self-realization of students in university education, it is necessary to clearly understand that this gives us the most reliable indicator of their successful personal and professional development, and at the same time acts as a humanitarian criterion for the productivity and effectiveness of the educational process in the university in general [14]. In planning our research, we proceeded from the fact that the process of students' self-realization is caused by such a construction of educational practice in the university that ensures the full socio-cultural development of students as capable and competent personalities [3].

In the course of researching the psychological appearance of student youth in Russian universities we considered self-realization as the process of the of building up a unique experience of responsible and full life of *the personality* [10; 11; 12], and a process of self-development and realization of the personal capabilities and meaningful attitude towards the world and themselves under present life circumstances [4].

Materials and methods

The object and hypothesis of the research

The object of our study was the higher school information-educational environment as the student youth's self-realization sphere. The main problem of the research consisted in identifying students' notions about their self-realization possibilities and circumstances at the university and detecting the leading educational resources that stimulate these circumstances.

Our study relies on a hypothesis that the process of students' self-realization under the conditions of university training (apart from learning

abilities and favorable learning conditions) depends on the arrangement of cognitive-communicative environment of learning. Besides, this environment should help students design their professional and life way as well as provide them with all the necessary technologies and resources for self-development. Obviously, successful self-realization of students largely depends now on the existence of sustainable and adequate technology “corridor of possibilities”, which is in line with basic cultural norms and values transmitted in educational process [10].

Scientific approach

The possibility to elaborate this hypothesis is provided by applying sociocultural approach to studying the issue of students’ self-realization in higher school, which implies using educational technologies as ways to reveal and realize the essential forces of students who absorb particular historical forms of sociocultural relationships [11]. Being a synthesis of knowledge, skills, aptitudes, talents, etc., as being driven by interests, strivings, expectations and meanings, these essential forces are formed when an individual acquires the experience of culture through the mechanisms of desubjectivation and objectivation of this experience in social practice [12].

The goal and stages of research

In our opinion, a current task of studying the phenomenon of psychological health and well-being of young people is to connect the potentials of applying modern education approaches and technologies with the process of students’ self-realization in university training. Therefore, the main goal of the research is to define the subjectively expressed indicators of students’ self-realization, which reflect various forms and modalities of their psychological health and well-being.

To achieve the set goal, we carried out a research consisting of two stages.

The first stage was aimed at determining subjectively important conditions for students’ self-realization in the domain of university life.

The second stage involved generalizing of the obtained data about the signs and forms of manifestation of students’ self-realization and

defining subjective dominants of students' psychological well-being in the learning process.

Participants of the research

It was through conducting a tentative survey, as well as selective interviewing and focus-groups method that the most subjective-significant conditions of students' self-realization in the modern university were found.

The research was conducted in 2016–2017 academic year, the participants being 502 students from four different Belgorod universities located in the city of Belgorod: the Technological University, the Humanities University, the Economic University, the MIA Higher School of Law.

Method of thesaurus analysis

In the course of the questioning and interviewing students' different opinions, estimations and answers to the following questions were ascertained: «What does the self-realization in the studies and university life mean to you?», «Is it possible to achieve the self-realization in the course of the studying?», «What does students' self-realization depend on?», «What promotes and what prevents your self-realization at the university?», «What is the role of the university in achieving students' self-realization?», «What is required from yourselves for the self-realization at the university?», etc.

The obtained answers and opinions undergo the primary content analysis. Units with the significant content were separated from the received information array, generalized, systematized and grouped into certain thematic communities consisting of inferences being common in terms of focus, context and meaning, which are similar in their narrative and subject line. In this regard, we aimed to omit inessential formal, logical, stylistic, discursive, lexical, grammatical and other differences and nuances. At a first approximation from the students' answers, nine semantic categories reflecting different aspects and self-realization possibilities in education were separated out. Both more advanced semantic processing and thesaurus analysis [6] of the obtained answers categories

included their clusterization based on more versatile coupling of related lexical and thematic-expressive constructions. This allowed us to enlarge and consolidate different answer categories into three overall semantic clusters, which served as a basis for the formulation of three significant conditions of students' self-realization, respectively.

Results and discussion

Semantic indicators of self-realization conditions in education

In the first group of answers included connotations, estimations and statements reflecting respondents' immediate attitudes to the educational activity and training process at the university as well as the importance of this activity in their life. Students' estimations, which were included in this group mainly raised the subject of subjective significance of the education process and education high motivation on the whole. In Table 1, the most widespread semantic indicators of students' statements that were included in the first *thesaurus cluster* of their notions about subjective conditions in terms of the readiness to self-realization in education are outlined in percentage terms (at the rate of 100% mentions per every indicator). The list of indicators is shown in the order of rating.

Table 1.

Semantic indicators of the thesaurus of readiness for self-realization in education

No	Semantic indicators	The frequency of usage (%)
1	Interest in education presence	69
2	Willingness to study at the chosen university	65
3	Satisfaction with education	64
4	Personal significance and value of education	57
5	Absorption in studying and preparation in general	54
6	Willingness to take after teachers	47
7	Tendency to enhance mastering the future profession deeper	42
8	Continuous involvement into the education process	38
9	Other	33

The above-mentioned semantic connotations prevalence indicated the significance of student's personality implication and involvement in

the educational process. We interpreted the opinions spectrum reflecting this circumstance of students' self-realization as *ego involvement* in education process.

The second group of estimations is formed through the selection of students' statements and estimations, in which the degree and completeness of their *personality* revealing in the course of the university preparation (inclinations, individual features, properties, abilities, experience, talents etc.) were reflected.

In Table 2, appropriate semantic indicators showing the importance of students' inner resources revealing as their self-realization initial basis are reflected. These indicators were singled out into the independent cluster in students' estimations general array.

Table 2.

Semantic indicators of thesaurus of the self-realization measures and actions		
No	Semantic indicators	The frequency of usage (%)
1	Students' inner potential activation, their abilities and talents development	73
2	Intensive self-knowledge and perfection in the course of studying at the university	68
3	Increase of subjective-significant utility of the academic training	63
4	The possibility of achieving goals and making their dreams come true through training at the university	60
5	Performing the duty of a social lift by the university	57
6	Stimulation of successes in studying, strengths activation in the course of training	55
7	Versatile self-manifestation and self-expression at the university	52
8	Support of personal efforts in the studying	47
9	Other	35

As the table shows, reflecting certain acmeological sense ideas of self-realization concerning self-perfection possibilities, the personal and professional growth high parameters achievement dominated in the sense field of students' estimations. In general, the noted indicators determined the importance of conditions for students' *abilities realization* in the course of the university preparation ensuring.

The *third group* structure included estimations and opinions that indicate the importance of constant contacts and *social integration* in the course of the university education. In students' opinion, it is impossible to realize oneself as the personality without intensive, friendly communication and joint activity.

The importance of a certain social atmosphere as an environment for the versatile self-knowledge and self-expression presence is noted in answers. The sphere of constant communication, collective life, social acceptance and determination, collaboration and mutual help plays a significant role.

Table 3 shows semantic indicators of students' answers reflecting different modalities of the social support and facilitation significance for the full self-realization at the university. These indicators composed the last thesaurus cluster of students' opinions about self-realization possibilities at the university.

Table 3.

Semantic indicators of thesaurus of self-realization activators

No	Semantic indicators	The frequency of usage (%)
1	Presence of the intensive transpersonal interaction in the university life	74
2	Manifestation of mutual assistance and support in the student environment	70
3	Presence of the social proximity and solidarity in the student environment	67
4	Manifestation of concern and care from the university side	62
5	University's help in the students' problems resolving	59
6	Presence of the atmosphere of confidence and respect	56
7	Intensity and strength of friendly connections	55
8	Real functioning of student collectives in the university life	44
9	Ensuring students' leisure and mode of life qualitative	42
10	Other	34

In general, in our view, the revealed students' subjectively significant notions about self-realization allow to single out particular problems of the university training. Firstly, it is building-up and development of stu-

dents' universal abilities; secondly, it is the productive activity, purposeful and sensible actions in the educational sphere stimulation; thirdly, it is ensuring a wide social context of this activity's realization as both a social filter and this activity's trigger.

The subjective dominants of students' psychological well-being in education

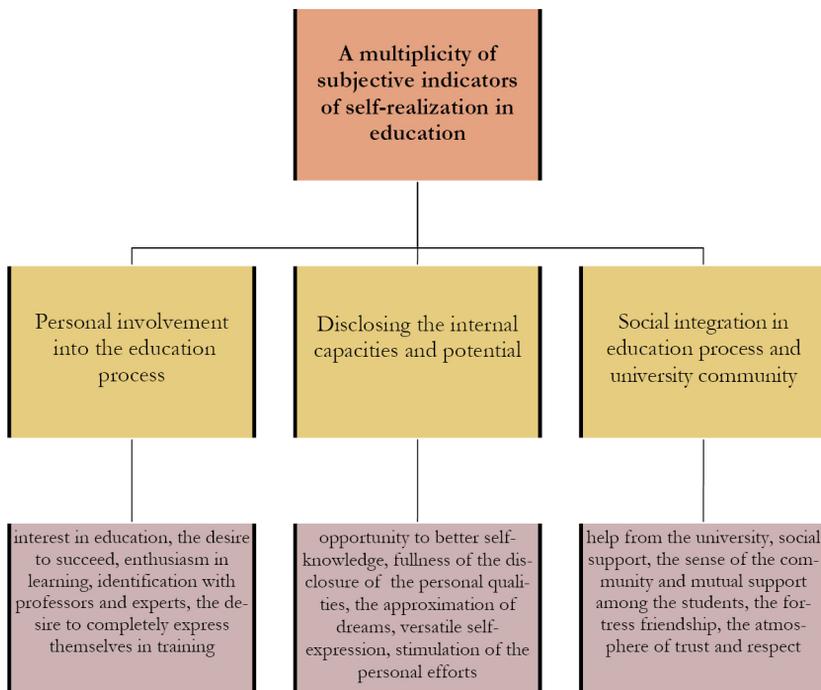
As a result of the psychological and pedagogical analysis of the presented semantic clusters, we have identified the following three main areas of ensuring students' self-realization and psychological well-being:

- personal involvement into the education process;
- disclosing the internal capacities into the education process;
- social integration into the university community.

Figure 1 schematically reflects the content of the trends of psychological well-being, which was obtained on the basis of the analysis of the opinions of the students who participated in research and innovation activities.

The first trend – the personal involvement in the process of university education – means a certain attitude toward learning and working at the university as a leading occupation in the current period of life. This trend is manifested as the students' interest and satisfaction with the training process in the university; as a conviction in the value of the specialty; as a willingness to master the profession and achieve success in their work, as well as a high psychological interest in research and innovation. The high personal involvement of students into the training process and in scientific working are also related to their readiness to take after teachers and representatives of the chosen profession, being eager to comprehend the profession and holistically express and manifest themselves in the academic, scientific and extracurricular fields of activity [12].

The activity aspect of students' self-realization, the degree of the intensity of their work, the interest in training, level of immersion in general, the level of significance, the subjective value of educational, scientific and innovation activities are reflected in the content of the first trend.

Fig.1. The dominant trends of students' psychological well-being university training

The second trend – disclosing the internal capacities into the education process – means development of personal potential of students, their opportunities for self-expression and self-knowledge in the study activities, the realization of the abilities and talents. For complete students' self-realization, first of all, it is necessary to fully disclose their internal qualities and resources, their understanding of themselves as successful and effective subjects, presence of incentives for their efforts in learning and scientific innovation work, their understanding the obvious usefulness of the training in the university and the opportunities of better self-knowledge and self-expression as productive people [14].

This trend reflects the personal aspect of the students' self-realization and presents a central trend their professional, scientific-research and

motivational development, since its content reflects the plan of internal moments of self-development in the profession.

The third trend of the students' self-realization – the social integration into the university community – means the existence of care and attention to the student; availability of assistance from the university in solving not only educational, scientific, labor problems, but also personal ones; a sense of community and acceptance in the corporate environment, the presence of an atmosphere of trust, mutual revenue and support, the existence of strong friendships, respect, etc. [12].

The social aspect of students' self-realization is reflected in the content of this trend. This aspect points to the importance of developing broad social ties and interactions of students not only in the training process, research and study activities, but also in social, creativity and cultural ones in general. For achievement of self-realization, the young person needs to be integrated into the largest possible number of the social groups and communities of different levels and orientations [2].

In general, if universities adopt the above-mentioned trends as working conditions, this will allow to significantly increase the motivational resource and attractiveness of the study-practical activity among students and raise the level of their psychological well-being and health.

Conclusion

The presented research was carried out on the basis of thesaurus analysis method, aimed at revealing the sense constructs of students' self-realization and well-being in the learning process. The essence of the method is the semantic clustering of answers based on a more universal combination of related lexical and thematically expressive constructions. The semantic indicators of self-realization obtained during the application of this method were grouped into three thesaurus modalities – the cluster of readiness for self-realization, cluster of measures and actions for self-realization, cluster of activators of self-realization in university training.

The research results allow us to conclude that there are following subjective-significant conditions of students' self-realization and psy-

chological well-being in the university education. Firstly, it is ego involvement in education, which appears in students' interest to education presence, willingness to study at the chosen university, satisfaction with education, involvement in the education process, sturdy self-identification with teachers and masters of the profession, tendency to holistic self-development in education. Secondly, it is the realization of abilities in education, which means students' personality potential development, their better self-knowledge in education possibility, the approach to their dreams implementation, abilities and talents revealing, focus on the future success and professional growth, on their versatile self-manifestation in education, their efforts in studying facilitation, etc. Thirdly, it is students' social integration that appears in the form of community and mutual assistance friendly connections atmosphere of confidence and respect.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project No 18-013-01151.

References/Список литературы

1. Bradburn N. *The Structure of Psychological Well-Being*. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. 320 p.
2. Conley D. *College knowledge: What it really takes for students to succeed and what we can do to get them ready*. Jossey-Bass, San Francisco, CA, 2005. 384 p.
3. Gasset J. *Misión de la Universidad y otros ensayos sobre educación y pedagogía*. Madrid: Revista de Occidente, 1999, pp. 11–79.
4. Gewirth A. *Self-fulfillment*. New Jersey: Princeton University Press, 1998. 248 p.
5. Li Y. Study on Psychological Health Problems and Countermeasures of University Student. *Creative Education*, 2017, vol. 8, no. 12, pp. 1795–1802.
6. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. *Thesaurus Approach in the Humanities. Knowledge. Understanding. Skill*, 2004, no. 1, pp. 93–100.

7. Maslow A. Motivation and Personality. New York: Addison-Wesley, 1987. 399 p.
8. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review of Psychology*, 2001, no. 52, pp. 141–166.
9. Ryan R.M., Frederick C.M. On energy, personality, and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well-being. *Journal of Personality*, 1997, no. 65, pp. 529–565.
10. Shutenko E., Shutenko A. Sociocultural Constructs of the Higher School's Innovative Potential. *Journal of Psychology and Behavioural Science*, 2015, vol. 3, no. 1, pp. 44–49.
11. Shutenko E., Shutenko A., Sergeev A., Tsareva E., Ryzhkova I., Kuzmicheva T. Self-realization of students in work of small innovative enterprises as factor of strengthening their psychological well-being and health. *Journal of Pharmaceutical Research and Allied Sciences*, 2017, vol. 6, no. 3, pp. 118–126.
12. Shutenko E.N. Motivational and Conceptual Aspects of Student Self-fulfillment in University Education. *Procedia – Social and Behavioural Sciences*, 2015, vol. 214, no. 5, pp. 325–331.
13. Stipek D. (Ed.), Motivation to Learn: From Theory to Practice (3d ed.). Needham Heights, MA: Allyn & Bacon, 1993. 301 p.
14. Tomlinson T. (Ed.), Motivating Students to Learn: Overcoming Barriers to High Achievement. Berkeley, CA.: McCutchan Pub. Corp., 1993, pp. 197–224.
15. Young K. Personality and Problems of Adjustment. London: Routledge and Kegan Paul, 1952. 716 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Шутенко Елена Николаевна, кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и клинической психологии
*ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»*
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
shutenko@bsu.edu.ru

Канищева Марина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
marraj@yandex.ru

Локтева Анна Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
Afanasjeva@bsu.edu.ru

Сидорчук Карина Вячеславовна, студент факультета психологии педагогического института
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
sidorchuck.karina@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Shutenko Elena Nikolaevna, Associate Professor, Department of the General and Clinical Psychology, Ph.D. in Psychology
Belgorod National Research University
85, Pobeda Street, Belgorod, 308015, Russian Federation
shutenko@bsu.edu.ru
SPIN-code: 1351-1189
ORCID: 0000-0002-4499-2756

Kanishcheva Marina Alexandrovna, Assistant Professor, Department of the General and Clinical Psychology, Ph.D. in Psychology
Belgorod National Research University

85, Pobeda Street, Belgorod, 308015, Russian Federation

marraj@yandex.ru

SPIN-code: 7870-9409

Lokteva Anna Vyacheslavovna, *Assistant Professor, Department of the*

General and Clinical Psychology, Ph.D. in Psychology

Belgorod National Research University

85, Pobeda Street, Belgorod, 308015, Russian Federation

Afnasjeva@bsu.edu.ru

SPIN-code: 3447-9576

Sidorchuk Karina Petrovna, *Student of the Faculty of Psychology,*

Pedagogical Institute

Belgorod National Research University

85, Pobeda Street, Belgorod, 308015, Russian Federation

sidorchuck.karina@yandex.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-36-62
УДК 314.7

**ОБРАЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОЛОДЕЖИ
С РАЗНЫМИ МИГРАЦИОННЫМИ НАМЕРЕНИЯМИ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ)**

Бакина А.В., Орлова О.А., Яремчук С.В.

Тема, цель работы. Основной темой нашего исследования выступали особенности эмоционального отношения к людям, объектам и явлениям социально-психологического пространства города г. Комсомольска-на-Амуре у молодежи с разными миграционными намерениями.

Метод и методологию проведения работы. В исследовании приняли участие 130 жителей города в возрасте 16–25 лет, разделенные на три группы: не собирающиеся менять место жительства, намеренные уехать из города при первой возможности и допускающие возможность переезда при определенных условиях. Для оценки эмоционального отношения к различным объектам социально-психологического пространства и изучения его структуры респондентам был предложен проективный модифицированный психогеометрический тест С. Деллингер. Исследование выстроено по типу репертуарной решетки, объектами оценки для респондентов выступали различные структурные компоненты социально-психологического пространства: коммуникативная сфера, возможности профессиональной и личностной самореализации, временные перспективы и территориальная идентичность испытуемых.

Результаты и выводы. Анализ результатов показал, что молодежь с выраженными миграционными намерениями более негативно относится к Дальневосточному региону, его населению и своей настоящей жизни. Данная группа молодежи пространство города рассматривает как неэффективное для самореализации и

саморазвития в настоящем и будущем и не идентифицирует себя с территорией проживания. Молодежь, которая хочет остаться в городе, рассматривает его как эффективное пространство для самореализации и саморазвития, имеет сформированную территориальную идентичность, позитивно относится к своей настоящей жизни, месту проживания и населению города.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере проектирования социальной инфраструктуры, планирования молодежной и миграционной политики при реализации «Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Город Комсомольск-на-Амуре» до 2032 года».*

Ключевые слова: *социально-психологическое пространство; миграционные намерения; молодежь; эффективность социально-психологического пространства города.*

SOCIO-PSYCHOLOGICAL SPACE OF KOMSOMOLSK-ON-AMUR AMONG YOUNG PEOPLE WITH DIFFERENT MIGRATION INTENTIONS

Bakina A.V., Orlova O.A., Yaremtchuk S.V.

The article presents a research of the structure of the socio-psychological space of Komsomolsk-on-Amur among young people with different migration intentions. 130 16–25 year-old residents from Komsomolsk-on-Amur took part in this research. They were divided into three groups: those who were going to change their place of residence, those who intended to leave the city at the first opportunity and those who allowed for the possibility of moving under certain conditions.

To assess attitude of young people toward different socio-psychological space and to study its structure, a projective modified psychological geometric test by S. Dellinger was used. The study is presented in the form of a repertory grid. The objects of assessment for the respondents were various aspects of the socio-psychological space, which characterized its

communicative sphere, possibility of professional and personal self-realization, temporarily prospects and territorial identity of the subjects.

The analysis of the results showed that young people with certain migration intentions had more negative attitude to the Far East region, its population and their own real life. This group of young people considers the space of the city as inefficient for self-realization and self-development in the present and future and does not identify itself with the territory of residence.

Young people who want to stay in the city, consider it as an effective space for self-realization and self-development. They have a formed territorial identity, positive attitude to their real life, to the place of residence and the population of the city.

The results of the research can be applied in the field of youth policy design.

Keywords: socio-psychological space; migration intentions; youth; efficiency of socio-psychological space of the city.

Введение

Социальные и экономические изменения современного мира вызвали интенсификацию процессов миграции. Данное явление, с одной стороны, неизбежно и желательно для решения экономических, демографических и других проблем территорий и самих субъектов переселения. С другой стороны, миграционные процессы несут проблемы и противоречия: одни регионы решают свои проблемы, а другие опустошаются («западный дрейф населения»), что вызывает острые дискуссии в обществе. Дальневосточный федеральный округ отличается среди всех других округов России самыми неблагоприятными тенденциями миграционных процессов, что крайне негативно влияет на развитие данного региона. По этой причине изучение миграционной активности молодежи Дальневосточного региона актуально для прогноза развития и управления миграционными процессами.

Дальний Восток существует в условиях целого ряда объективных негативных факторов: экстремальные природно-климатические

условия, слабая освоенность и отдаленность региона от промышленно-развитых районов страны, труднодоступность большей части территории, бездорожье [24]. Перечисленные выше факторы негативно сказываются и на народонаселении, Дальневосточный федеральный округ отличается от всех других округов России самыми неблагоприятными тенденциями миграционных процессов, что крайне негативно влияет на развитие данного региона [6; 10; 17; 21]. Поэтому не случайно, что на столь обширной территории Дальневосточного федерального округа сегодня проживает меньше человек, чем в Москве. Для разворота этой негативной тенденции или хотя бы её стабилизации необходимо понимать сдерживающие и выталкивающие характеристики социально-психологического пространства жизни для молодёжи Дальнего Востока.

Научная литература, посвященная изучению миграции, сконцентрирована в большей степени на построении экономических моделей миграционных процессов, основанных на экономическом благополучии районов, разнице в экономических возможностях между разными странами и районами, доходами населения в разных регионах. Особый интерес представляют исследования провинциальных районов, из которых жители стремятся уехать в центральные регионы и большие города [5; 10; 30]. Основная причина миграции из провинциальных районов (регионов) в крупные экономические центры связана, по мнению исследователей, с тем, что крупные города имеют диверсифицированные рынки труда, обеспечивающие относительно высокий уровень заработной платы. Развитая социальная инфраструктура обеспечивает более высокий уровень жизни [8; 9; 11; 16; 17; 21].

В качестве основных мотивов миграции в исследованиях выделяют мотивацию власти и достижения [26], стремление к карьерному росту [31; 34; 39], улучшение своего образования, расширение диапазона возможных развлечений [38]. Исследователи, изучающие мотивы миграции, основываются на положении о том, что решение об изменении места жительства принимается в случае, когда люди считают, что могут в большей степени реализовать свои мотивы в

другой стране или в другом регионе [19; 21; 26]. Экономические мотивы не являются приоритетными в решении о миграции для молодежи, которая стремится к переходу к взрослой жизни, соответствующей ее ожиданиям и ценностям.

Многokrратно изучались социальные связи человека как фактор миграции, было обнаружено, что межличностные отношения могут выполнять как сдерживающую, так и мотивирующую функцию в принятии решения о миграции [25; 28; 29; 32; 36; 37]. Близкие связи с людьми в месте проживания, наличие семьи, друзей, высокая ценность имеющихся отношений оказываются факторами, сдерживающими миграционную активность, в то время как наличие семьи и друзей за рубежом или в других регионах побуждает человека обдумывать решение о переезде. Также обнаружено, что знакомые в местах возможной эмиграции становятся источником надёжной информации для осознанного принятия решения [7; 13].

Современные исследования концентрируются на изучении таких информационных факторов, как доступ к знаниям о жизни в другой местности (в другой стране, городе или регионе) и представления людей о мигрантах и миграции. В частности, было установлено, что на возникновение миграционных намерений и принятие решения о переезде влияют социальные сети и знакомство с мигрантами [2; 35]. Исследования [33] показывают, что молодые люди, намеренные мигрировать, считают себя достаточно осведомленными о миграции, лучше относятся к феномену миграции в целом, а также имеют положительный образ мигранта, который может быть как продуктом их воображения, так и представлением, приобретенным в личном контакте.

Исследования последних лет показывают, что гораздо большая доля миграционных процессов объясняется психологическими причинами, нежели экономическими, так как люди могут оставаться даже в регионах с низким уровнем дохода и уезжать из экономически благополучных мест. Поэтому мы считаем, что миграционные намерения (установки) необходимо рассматривать в контексте проблемы «социально-психологического пространства города».

Термины «психологическое» и «социальное» пространство в социологических и психологических работах имеют давнюю традицию (А. Адлер, Э. Богардус, Г. Зиммеля, К. Левин, П. Сорокин, С.Л. Рубинштейн, Т.Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев, В.И. Слободчиков и др.). Предметом современных психологических исследований часто становится множество «...психологических пространств существования человека, как общих, универсальных, так и частных, специализированных видов пространства, выделяемых в результате анализа взаимодействия субъекта с конкретными сферами жизнедеятельности человека...» [3].

Г.В. Щукова [25] понятие социально-психологическое пространство относит к «молодым» (на современном этапе развития науки), в исследованиях оно чаще всего позиционируется через указание и перечисление разнообразных областей жизнедеятельности человека. В числе важной характеристики социально-психологического пространства выделяют его многоаспектный характер: оно включает социальные и персональные поля, пространственные и временные параметры [14]. Поскольку человек является активным субъектом жизнедеятельности, он создает систему позитивно, нейтрально или негативно значимых объектов или явлений (включая его самого) социальной среды. Значимые объекты или явления могут как существовать, так и не существовать в реальном окружающем мире; восприниматься разными людьми принципиально различным образом и выполнять в их жизни совершенно особые функции [3; 4]. Поэтому одни и те же объективные обстоятельства могут по-разному отражаться и означаться субъектом. Следующая особенность заключается в том, что элементы пространства занимают в нем определенное место, «объем», образуя зоны или сферы отношений, которые отличаются не только психологической близостью или удаленностью от субъекта, но и своим положением по различным направлениям (ориентацией по разным «координатным осям» пространства).

Не пытаясь рассмотреть все многообразие определений понятия «социально-психологическое пространство», а также разные подхо-

ды к его анализу, отметим самое существенное для нашего исследования. Под социально-психологическим пространством города мы понимаем множество субъективно сформированных горожанами отношений к значимым людям (в том числе и к себе), группам или явлениям городской жизни. Множество этих субъективных отношений находятся в специфических связях друг с другом. В своем исследовании мы акцентировали внимание на эмоционально окрашенных отношениях субъекта. Поскольку центральными задачами молодежной возрастной группы являются формирование социальной и профессиональной идентичности, жизненных планов, в структуру социально-психологического пространства города были включены специфические для данного возраста сферы и явления: коммуникативная, профессиональная и личностная сферы, временные перспективы и территориальная идентичность.

В современных исследованиях социально-психологическое пространство рассматривают как среда, в которой происходит формирование и развитие личности, ее социализация. Все чаще данный феномен используют в качестве объяснительной модели процессов самоорганизации и саморазвития человека [14; 18; 20; 25]. По мнению А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко, при анализе социально-психологического пространства в контексте изучения самоопределяющегося субъекта важна также оценка и по критерию его влияния на успешность самоопределения или на эффективность жизнедеятельности, с точки зрения самого субъекта. Такими *характеристиками эффективности* пространства могут выступать различные критерии: комфортность/некомфортность, гармоничность/негармоничность, безопасность/опасность, бесконфликтность/конфликтность и т.д. [3, 4, 14]. Социально-психологическое пространство может получить и совокупную оценку по критерию его влияния на успешность самоопределения или эффективность жизнедеятельности, с точки зрения самого субъекта. В этом случае эффективность чаще всего трактуется как достижение поставленных целей с наименьшими затратами времени и ресурсов, т.е. оценка субъектом возможностей реализовать свои потребности,

интересы и цели в предлагаемых условиях. В своем исследовании мы будем оценивать эффективность социально-психологического пространства города с точки зрения возможностей самореализации субъекта в пределах места проживания.

По нашему мнению, миграционная установка базируется на индивидуальной системе оценки возможностей для самореализации социально-психологического пространства города. Место проживания мы анализируем не как географический объект, а как социально-психологическое пространство жизнедеятельности, наполняемое личностным смыслом и воспринимаемое субъектом как условие, способствующее или препятствующее реализации значимых мотивов и целей. Основанием для сравнения являются возможности, которые предоставляют различные места проживания (города, регионы, страны) для самореализации, а результат сравнения, в свою очередь, влияет на миграционное поведение.

Целью исследования является изучение эмоционального отношения к людям, объектам и явлениям социально-психологического пространства города у молодежи с разными миграционными намерениями (на примере города Комсомольска-на-Амуре).

В исследовании проверялась следующая гипотеза: существуют значимые различия в широте круга общения, эмоциональном отношении к различным объектам социально-психологического пространства у молодежи с разными миграционными намерениями.

Задачами исследования выступали: 1) изучить миграционные намерения молодежи города Комсомольска-на-Амуре; 2) выявить значимые различия в широте круга общения у молодежи с разными миграционными намерениями; 3) выявить отношения к различным объектам социально-психологического пространства у молодежи с разными миграционными намерениями.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 130 испытуемых, молодые люди в возрасте 16–25 лет (средний возраст 23,1 года), жители г. Комсомольска-на-Амуре. Исследование проходило в 2016–2017 годах.

На первом этапе исследования с помощью анкеты были изучены миграционные намерения молодежи г. Комсомольска-на-Амуре. Для изучения миграционных намерений респондентам было предложено ответить на прямой вопрос: «Собираетесь ли Вы уезжать из города?». В зависимости от ответа все респонденты были разделены на три группы, условно обозначенные нами как «патриоты» (не собираются менять место жительства), «антипатриоты» (намерены уехать из города) и «прагматики» (указали, что могут уехать при определенных условиях).

Для исследования круга общения молодежи в анкету были включены вопросы о числе друзей в реальной жизни и социальных сетях.

Для оценки эмоционального отношения к различным объектам социально-психологического пространства и изучения его структуры респондентам был предложен проективный модифицированный психогеометрический тест С. Деллингер [15]. Исследование выстроено по типу репертуарной решетки. Объектами оценки для респондентов выступали следующие аспекты социально-психологического пространства: коммуникативная сфера (друзья, семья, мы); профессиональная и личностная самореализация (работа, профессиональная карьера, самореализация, образование, возможности); временные перспективы (будущее, настоящее) и территориальная идентичность (комсомольчанин, Комсомольск-на-Амуре, Дальний Восток, «Они»). Категория «Я» служит для обозначения говорящим самого себя.

Отношение к предложенным явлениям определялось рангом категории в ряду предпочтения психогеометрических фигур, ассоциирующихся с данным явлением. Более высокий ранг указывает на более негативное отношение субъекта к данному явлению и наоборот. Шкала оценки варьирует от одного до пяти баллов, где 1 – максимально положительное отношение, 5 – максимально отрицательное отношение.

Для оценки связи между объектами социально-психологического пространства города использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ). Значимость различий между выборками определялась с помощью критерия Манна-Уитни с использованием программы STATISTICA 10.

Результаты и обсуждение

Миграционные намерения молодежи города. Результаты исследования показали, что 26% молодых людей не собираются менять место жительства, 22% респондентов заявили, что намерены уехать из города, 52% молодежи указали, что могут уехать при определенных условиях. Полученные результаты схожи с данными Сигаревой Е.П., Сивоплясовой С.Ю., полученными на молодежной выборке. В процессе опроса молодежи о миграционных намерениях они выявили три группы респондентов: «прагматики», «патриоты» и «антипатриоты». Опрос зафиксировал, что в общей совокупности респондентов значительную часть составляют «прагматики», то есть те, чьи намерения не связаны с определенной территорией, а обусловлены наличием благоприятных условий [23]. Большая часть (52 %) молодых комсомольчан также входят в условную группу «прагматиков», т.е. они не исключают возможности своей жизни в городе, но при определенных условиях.

Поскольку при изучении миграционных процессов неоднократно отмечалась важность общения с другими людьми, которое может выступать как сдерживающим, так и стимулирующим фактором смены места жительства, в нашем исследовании осуществлялось сравнение интенсивности реального и виртуального общения молодежи с разными миграционными намерениями (таблица 1).

Таблица 1.

Средние показатели интенсивности общения разных групп молодежи, и их сравнительная характеристика

Показатели	Средние показатели по группам			Значение коэффициент Манна-Уитни (U)		
	«Антипатриоты» (1)	«Патриоты» (2)	«Прагматики» (3)	между 1 и 2	между 1 и 3	между 2 и 3
Реальные друзья	2,3	2,4	2,3	471,5	1168,0	898,0
Общение в социальных сетях	2,1	1,7	1,9	364,0*	1003,0	893,5

Примечание.

* – значимые различия между выборками по критерию Манна-Уитни (для $p \leq 0,05$)

Интенсивность общения в реальной жизни у всех выделенных групп примерно одинаковая, а активность в социальных сетях имеет значимые различия: молодежь, которая хочет уехать из города более интенсивно общается, чем группа «патриотов» ($U=364$, значимо для $p \leq 0,05$). Видимо, молодые люди используют социальные сети для общения со сверстниками из других регионов или знакомыми, сменившими место жительства (например, учатся в другом городе), которые часто высказывают гипертрофированные и даже ложные оценки о полученных выгодах, выкладывают красивые фотографии и т.д., не акцентируя внимания на минусах переезда и проблемах адаптации. Это формирует у молодых людей завышенные ожидания от миграции и усиливает мотивацию на переезд.

Л. Фестингер считает, что в ситуациях отсутствия объективных стандартов индивиду требуется социальное сравнение для оценки своего положения, и в этом случае он прибегает к сравнению себя с похожими на него людьми [27]. В современном обществе люди для познания и получения информации часто используют не собственный опыт, а опыт других людей, который они получают через глобальные информационные системы.

Отношение к социально-психологическому пространству города Комсомольска-на-Амуре у молодежи с разными миграционными намерениями. В данном исследовании место жительства мы анализируем не просто как географический объект, а как пространство жизнедеятельности, которое наполняется личностным смыслом и приобретает эмоциональную окраску. Результаты изучения эмоционального отношения респондентов к различным аспектам жизни в городе у разных групп молодежи представлены в таблице 2.

Для всех групп молодежи характерно наиболее позитивное отношение к самим себе и категориям, отражающим межличностные отношения: своим друзьям, семье и группе, к которой они себя относят (категория «Мы»).

Наиболее негативное отношение «антипатриоты» и «прагматики» демонстрируют к категориям территориальной идентичности

(Комсомольску-на-Амуре, его жителям, Дальнему Востоку в целом) и своему настоящему. В отличие от них, негативное отношение к предложенным категориям у молодежи, не стремящейся покинуть город, выражено в меньшей степени, чем у двух остальных групп. Наиболее негативно «патриоты» оценивают аутизм (категория «Они»), свое образование. Они более позитивно относятся к категориям «Мы» и «Настоящее»: значимо лучше относятся к ингруппе, чем «антипатриоты» ($U=365$, при $p \leq 0,05$) и значимо лучше оценивают свое настоящее, чем «прагматики» ($U=695,5$, при $p \leq 0,05$).

Таблица 2.

Средние значения рангов отношения молодежи к различным жизненным явлениям

Категории	Средние показатели по группам		
	«Антипатриоты»	«Патриоты»	«Прагматики»
<i>Коммуникативная сфера</i>			
Я	1,7	1,9	1,9
Друзья	1,9	2,5	2,5
Семья	2,1	2,0	2,1
Мы	2,5*	1,8*	2,1
<i>Профессиональная и личностная самореализация</i>			
Работа	2,9	2,8	2,9
Профессиональная карьера	2,6	2,9	2,8
Самореализация	2,9	2,7	2,6
Образование	2,9	3,0	2,9
Возможности	2,9	2,8	2,9
<i>Временные перспективы</i>			
Будущее	3,0	2,7	3,2
Настоящее	3,1	2,6*	3,3*
<i>Территориальная идентичность</i>			
Комсомольчанин	3,1	2,8	3,1
Комсомольск-на-Амуре	3,4	2,9	3,1
Дальний Восток	3,1	2,9	3,2
Они	3,2	3,3	3,6

Примечание.

* значимые различия между выборками по критерию Манна-Уитни (для $p \leq 0,05$)

Таким образом, для молодежи, стремящейся уехать, является характерным негативное отношение к региону и его населению и

своей настоящей жизни, что является отражением их миграционной установки и предпосылкой для намерения сменить место жительства. Для молодежи, желающей остаться в регионе, предложенные категории в целом оказываются более позитивно окрашенными, в том числе их настоящее, место проживания и население города.

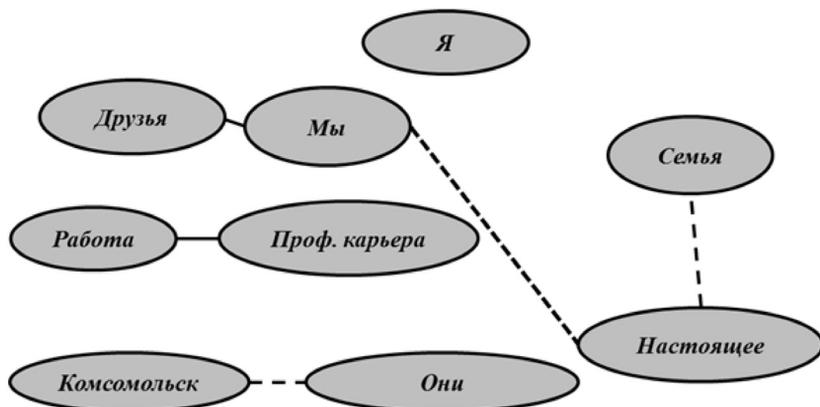
На рисунках 1, 2, 3 представлены результаты корреляционного анализа отношения молодежи к предложенным категориям. Представленные в рисунках категории расположены по эмоциональному отношению к ним респондентов: в верхней части располагаются самые позитивно оцениваемые, а в нижней – с самыми негативными оценками. Анализ полученных данных осуществлялся в соответствии с основными структурными составляющими социально-психологического пространства: содержание и структурность (жизненные явления и значимые связи между ними); временная перспектива (настоящее и будущее, связанные с ними явления); территориальная идентичность (связь категорий «Комсомольск-на-Амуре» и «комсомольчанин» с другими явлениями и категорией «Я»).

По мнению Г.М. Андреевой, у человека в процессе жизни формируется специфическая идентичность с окружающей средой, которую на уровне обыденной психологии принято называть «жизненной средой», к которой можно отнести географический район его проживания, тип поселения (город или деревня), природные и климатические характеристики своей местности и многое другое [1]. И.Ю. Кузнецов и С.А. Кузнецова данный феномен называют «территориальное самоопределение» [12], И.С. Самошкина – «территориальная идентичность» [22].

Корреляционный анализ показал, что молодежь, не определившись с местом жительства («прагматики»), по содержанию выделяет следующие сферы жизнедеятельности (рис. 1): коммуникативную (друзья, мы, семья) и профессиональную (профессиональная карьера, работа).

Межличностные отношения данных респондентов являются самыми представленными, но данная сфера для респондента является биполярной: с одной стороны, она включает друзей, ингруппу

«Мы» и семью, явно значимых и референтных других, с другой стороны, обозначенные группы опосредованно связаны через отрицательную корреляцию с категорией «Настоящее». Скорее всего, этот факт указывает на то, что сложившиеся межличностные отношения являются важными и значимыми, но в настоящем они не устраивают самого субъекта.

Условные обозначения: ----отрицательная связь; — положительная связь

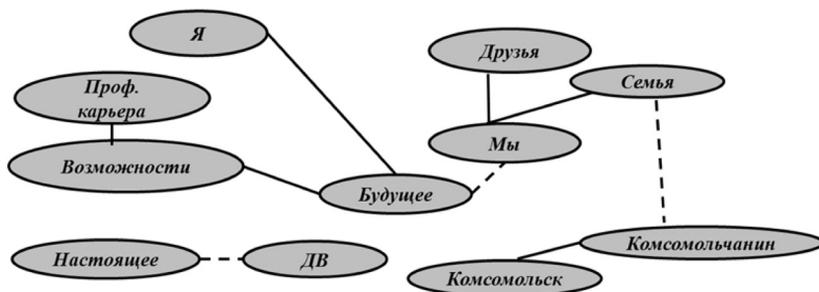
Рис. 1. Социально-психологическое пространство города Комсомольска-на-Амуре в представлении молодежи, неопределившей с местом проживания

Сфера профессионального саморазвития представлена только категориями работа и профессиональная карьера, что указывает на значимость данной сферы, а отсутствие связи с другими категориями – на ее неопределенность (отсутствует связь с местом и временем и не представлена стратегия профессионального развития).

Территория проживания (Комсомольск-на-Амуре) отрицательно связана с аутгруппой «Они», субъект («Я») дистанцирован и не идентифицирует себя с городом проживания и его жителями, что указывает на отсутствие территориальной идентичности.

В целом анализ показал, что социально-психологическое пространство города Комсомольска-на-Амуре для неопределившей молодежи рассматривается как разреженное, плохо структуриро-

ванное, неэффективное для самореализации и саморазвития в настоящем и будущем. Необходимо отметить, что отношение к городу Комсомольску-на-Амуре как к месту проживания неоднозначное.

Условные обозначения: ---отрицательная связь; — положительная связь

Рис. 2. Социально-психологическое пространство города Комсомольска-на-Амуре в представлении молодежи с выраженными миграционными намерениями

В социально-психологическом пространстве молодежи, стремящейся поменять место жительства («антипатриоты»), выделяются те же сферы жизнедеятельности (коммуникативная, профессиональная, временная и территориальная), но они имеют другую структуру (рис. 2). Центральной категорией в данной структуре является временная характеристика «Будущее» (имеющая наибольшее число значимых связей), которая, с одной стороны, имеет положительную связь с категорией «Я» и с профессиональной самореализацией, а с другой стороны, отрицательно связана со значимыми другими: «Мы» (семья, друзья), горожанами и городом в целом. Данный блок указывает на стремление субъекта в будущем к реализации возможностей и построению профессиональной карьеры, а межличностные отношения, значимые другие и территория проживания воспринимаются респондентами как сдерживающий фактор, который мешает реализовать задуманное. Настоящее отрицательно связано с регионом проживания и не связано с самим субъектом.

В целом анализ показал, что социально-психологическое пространство города Комсомольска-на-Амуре для молодежи, имеющей миграционные намерения, рассматривается как неэффективное для

территориальной идентичности. Таким образом, социально-психологическое пространство города Комсомольска-на-Амуре для этой группы респондентов рассматривается как эффективное для самореализации и саморазвития в настоящем и будущем.

Обобщая полученные данные, можно утверждать, что для молодежи, стремящейся уехать из города, характерным является негативное отношение к региону, его населению и своей настоящей жизни. Город рассматривается ими как неэффективное социально-психологическое пространство для жизни, что и определяет их миграционную активность. Для молодежи, желающей остаться в регионе, город воспринимается как эффективное пространство для жизнедеятельности, что оказывает сдерживающее воздействие. Необходимо отметить, что в целом все оцениваемые элементы пространства оказываются для них более позитивно окрашенными, в том числе их настоящее, место проживания и население города. Полученные результаты указывают на позитивную территориальную идентичность данной группы молодежи.

Заключение

Наше исследование было направлено на изучение специфики социально-психологического пространства города Комсомольска-на-Амуре у молодежи с разными миграционными намерениями. В исследовании было обнаружено, что большая часть молодежи (52%) не определилась с местом проживания, 26% молодых людей не собираются менять место жительства, 22% респондентов намерены уехать из города.

Нами выявлено, что социально-психологическое пространство города Комсомольска-на-Амуре имеет содержательные и структурные особенности у молодежи с разными миграционными намерениями.

Интенсивность общения в реальной жизни у всех выделенных групп молодежи одинаковая, однако, молодежь, которая хочет уехать из города, значительно интенсивнее общается в социальных сетях. Молодежь с выраженными миграционными намерениями более негативно относится к Дальневосточному региону, его населению и своей настоящей жизни. Молодежь, желающая остаться в регионе,

позитивно относится к своей настоящей жизни, месту проживания и населению города.

Анализ социально-психологического пространства города Комсомольска-на-Амуре для молодежи с разными миграционными намерениями показал, что для неопределившейся и желающей уехать из города молодежи данное пространство рассматривается как неэффективное для самореализации и саморазвития в настоящем и будущем. Респонденты обеих групп не идентифицируют себя с территорией проживания. Необходимо отметить, что те, кто хочет уехать, не связывают свое будущее и возможности профессионального саморазвития с городом, но видят возможности самореализации в будущем. Молодежь с неопределенными миграционными намерениями дистанцирует свое «Я» от всех других объектов социально-психологического пространства.

Молодежь, которая хочет остаться в городе, рассматривает его как эффективное пространство для самореализации и саморазвития в настоящем и будущем, имеет сформированную территориальную идентичность.

Учитывая существенную долю «прагматиков» (готовых уехать при определенных условиях) в составе молодежи г. Комсомольска-на-Амуре, можно говорить о необходимости формирования территориальной идентичности, что невозможно без создания эффективного пространства для самореализации и саморазвития молодежи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, проект № №142/2018Д «Социальные и психологические факторы миграции молодежи города Комсомольска-на-Амуре».

Список литературы

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.

2. Гуревич А.М. Мотивация эмиграции. СПб.: Речь, 2005. 272 с.
3. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основания исследования // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 10–18.
4. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 62–95.
5. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 130 с.
6. Зайончковская Ж.А. Миграции и демографическое будущее Сибири и Дальнего Востока // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 479–490.
7. Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.А. Миграционная подвижность населения России и ее территориальная дифференциация (по результатам обследования в 10 городах) // Демографические перспективы России. Материалы международной научно-практической конференции «Демографическое будущее России: проблемы и пути решения» (Москва, 19-21 сентября 2008 г.) / Редакторы-составители С.В. Рязанцев и Р.В. Маньшин. М.: Academia, 2008. С. 397–402.
8. Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социального опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98–111.
9. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центр-периферийные соотношения // Вопросы географии. География населения и социальная география / Ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. С. 82–107.
10. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002) // Географическое положение и территориаль-

- ные структуры: памяти И. М. Маергойза / Сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: «Новый хронограф», 2012. С. 688–707.
11. Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука, 1982. 192 с.
  12. Кузнецов И.Ю., Кузнецова С.А. Самоопределение личности на жизненном пути. Магадан: Кордис, 2003. 216 с.
  13. Лебедева Н.М. Социальная психология этнической миграции. М.: Российская академия наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1993. 196 с.
  14. Марцинковская Т.Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ // Психологические исследования. 2013. № 6 (30). URL: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2013v6n30e/864-martsinkovskaya30e.html> (дата обращения: 14.07.2018).
  15. Методика оценки сформированности гражданской идентичности коллективного субъекта. Свидетельство о регистрации НОУ-ХАУ №2016-01.7 / Шмакова В.А., Опевалова Е.В., Махова И.Ю., Яремчук С.В., Бакина А.В. Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «АмГППУ», 2016.
  16. Миграция и демографический кризис в России / Под ред. Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2010. 112 с.
  17. Мкртчян Н.В. Миграция в России: западный дрейф // Информационный бюллетень Центра демографии и экологии ИНИ РАН. 2004. № 87.
  18. Мунгалов В.Н. Психологическое пространство человека: содержание и объяснительные возможности понятия // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 3. С. 140–143.
  19. Павленко В.Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. М.: Изд-во «Смысл», 2001. С. 25–39.
  20. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 312 с.
  21. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с.

22. Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 29 с.
23. Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Некоторые аспекты миграционной мотивации российской молодежи // Народонаселение. 2014. № 2. С. 65–71.
24. Трубецкой В. Хронические болезни Дальнего Востока. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=114823&tid=41393> (дата обращения: 14.07.2018).
25. Шукова Г.В. Особенности социально-психологического пространства молодых специалистов-практических психологов // Психологические исследования. 2014. 7 (33). URL: <http://psystudy.ru/num/2014v7n33/938-shukova33.html> (дата обращения: 14.07.2018).
26. Achievement, power, and affiliation motives as clues to (e)migration desires: A four-countries comparison / Boneva B.S., Frieze I.H., Ferligoj A., Jarosova E., Pauknerova D., Orgocka A. // *European Psychologist*. 1998. vol. 3(4), pp. 247–254.
27. Festinger L. A theory of social comparison processes // *Human Relations*. 1954. № 7, pp. 117–140. Festinger L. *Human Relations*, 1954, vol. 7, pp. 117-140.
28. Frieze I.H., Hansen S.B., Boneva B. The migrant personality and college students' plans for geographic mobility // *Journal of Environmental Psychology*. 2006. vol. 26, pp. 170–177. doi: 10.1016/j.jenvp.2006.05.001
29. Hidalgo M.C., Hernandez B. Place attachment: Conceptual and empirical questions // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. vol. 21(3), pp. 273–281. doi: 10.1006/jevp.2001.0221
30. International Migration Report 2017: Highlights. New York: United Nations, 2017. 30 p.
31. Mak A.S. Career relocation issues and repatriation dilemma: skilled Hong Kong immigrants to Australia // *Experiences of transnational Chinese migrants in the Asia-Pacific* / Eds. D. Ip, R. Hibbins and W.H. Chui. New York: Nova Science publishers, 2006, pp. 103–116.

32. Manchin M., Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate. Centro Studi Luca d'Agliano // Development Studies Working Paper. 2016. vol. 409, pp. 1–50. doi: 10.2139/ssrn.2974097
33. Neto F., Silva C. Intention of emigrating among Portuguese adolescents: a study of associations // Migration: A European Journal of International Migration and Ethnic Relations. 1995. vol. 25, pp. 51–78.
34. Reasons for leaving home: Comparing predictors of wanting to migrate and travel in Croatian undergraduates / Li M., Frieze, I.H., Horvat, J., Mijoč, J., Olson, J. // Migracijske Teme (Migration and Ethic Themes). 2012. vol. 28 (1), pp. 7–27.
35. Roman M., Vasilescu M.D. Explaining the migration intentions of Romanian youth: Are teenagers different? // Romanian Statistical Review. 2016. vol. 64 (4), pp. 69–86.
36. Skilled German migrants and their motives for migration within Europe / Verwiebe R., Mau S., Seidel N., Kathmann T. // Journal of International Migration and Integration. 2010. vol. 11 (3), pp. 273–293. doi: 10.1007/s12134-010-0141-9
37. Theodori A.E., Theodori, G. L. The influences of community attachment, sense of community, and educational aspirations upon the migration intentions of rural youth in Texas // Community Development. 2015. vol. 46 (4). P. 380–391. doi: 10.1080/15575330.2015.1062035
38. Todaro M.P. Internal migration in developing countries: A survey // Population and Economic Change in Developing Countries Volume / Ed. A. Easterlin. Chicago: University of Chicago Press, 1980, pp. 361–402.
39. Wiskow C. Health worker migration flows in Europe: overview and case studies in selected CEE countries – Romania, Czech Republic, Serbia and Croatia. Geneva: International Labour Organization, 2006. 114 p.

References

1. Andreeva G.M. *Psihologija social'nogo poznanija* [Psychology of social cognition]. M.: Aspekt Press, 2000, 288 p.
2. Gurevich A.M. *Motivacija jemigracii* [Motivation for emigration]. SPb.: Rech', 2005, 272 p.

3. Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2012, no. 2, pp. 10–18.
4. Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B. *Psihologija adaptacii i social'naja sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy* [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2007, pp. 62–95.
5. Zajonchkovskaja Zh.A. *Demograficheskaja situacija i rasselenie* [Demographic situation and resettlement]. M.: Nauka, 1991, 130 p.
6. Zajonchkovskaja Zh.A. *Rossija i ee regiony v XX veke: territorija – rasselenie – migracii* [Russia and its regions in the 20th century: territory – resettlement – migration]. Moscow: Publ. OGI, 2005, pp. 479–490.
7. Zajonchkovskaja Zh.A., Nozdrina N.A. *Demograficheskie perspektivy Rossii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii “Demograficheskoe budushhee Rossii: problemy i puti reshenija” (Moskva, 19–21 sentjabrja 2008 g.)* [Demographic prospects of Russia. Materials of the International Scientific and Practical Conference “The Demographic Future of Russia: Problems and Solutions” (Moscow, September 19–21, 2008)]. M.: Academia, 2008, pp. 397–402.
8. Zajonchkovskaja Zh.A., Nozdrina N.N. *Problemy prognozirovanija* [Studies on Russian Economic Development], 2008, no. 4, pp. 98–111.
9. Karachurina L.B., Mkrтчjan N.V. *Voprosy geografii. Geografija nasele-nija i social'naja geografija* [Questions of geography. Geography of the population and social geography]. M.: Izd. dom «Kodeks», 2013, pp. 82–107.
10. Karachurina L.B., Mkrтчjan N.V. *Geograficheskoe polozenie i territorial'nye struktury: pamjati I. M. Maergojza* [Geographical location and territorial structures: the memory of I.M. Maergoiz]. M.: «Novyj hronograf», 2012, pp. 688–707.
11. Korel L.V. *Peremeshchenie naseleniya mezhdu gorodom i selom v uslovi-yakh urbanizatsii* [Population movements between urban and rural areas in terms of urbanization]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982, 192 p.
12. Kuznecov I.Ju., Kuznecova S.A. *Samoopredelenie lichnosti na zhiznen-nom puti* [Self-determination of the person on the path of life]. Magadan: Kordis, 2003, 216 p.

13. Lebedeva N.M. *Social'naja psihologija jetniceskoj migracii* [Social psychology of ethnic migration]. M.: Rossijskaja akademija nauk, 1993, 196 p.
14. Martsinkovskaya T.D. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological Studies], 2013, vol. 6, no. 30. <http://psystudy.ru/index.php/eng/2013v6n30e/864-martsinkovskaya30e.html> (accessed July 14, 2018).
15. Shmakova V.A., Opevalova E.V., Mahova I.Ju., Jaremtchuk S.V., Bakina A.V. *Metodika ocenki sformirovannosti grazhdanskoj identichnosti kollektivnogo sub#ekta* [Assessment of civil identity of collective subject]. Komsomol'sk-na-Amure: FGBOU VO «AmGPGU», 2016.
16. Zajonchkovskaja Zh.A., Tjurjukanova E.V. (Eds.) *Migracija i demograficheskij krizis v Rossii* [Migration and demographic crisis in Russia]. M.: MAKS Press, 2010, 112 p.
17. Mkrtrchjan N.V. *Informacionnyj bjulleten' Centra demografii i jekologii INP RAN* [Information Bulletin of the Center for Demography and Ecology of Institute of Economic Forecasting, RAS], 2004, no. 87.
18. Mungalov V.N. *Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoj akademii* [BULLETIN of Baikal State University], 2013, no. 3, pp. 140–143.
19. Pavlenko V.N. *Psihologija bezhencev i vynuzhdennyh pereselencev: opyt issledovanij i praktičeskoj raboty* [Psychology of refugees and internally displaced persons: experience of research and practical work]. M.: «Smysl», 2001, pp. 25–39.
20. Prigozhin I., Stengers I. *Porjadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of chaos: Man's new dialogue with nature]. M.: Jeditorial URSS, 2000, 312 p.
21. Rybakovskij L.L. *Migracija naselenija (voprosy teorii)* [Migration of population (theory issues)]. M.: ISPI RAN, 2003, 238 p.
22. Samoshkina I.S. *Territorial'naja identichnost' kak social'no-psihologičeskij fenomen* [Territorial identity as a socio-psychological phenomenon]. M., 2008, 29 p.
23. Sigareva E.P., Sivopljasova S.Yu. *Narodonaselenie* [Population], 2014, no. 2, pp. 65–71.

24. Trubeckoj V. *Hronicheskie bolezni Dal'nego Vostoka* [Chronic diseases of the Far East Russia]. <https://www.vesti.ru/doc.html?id=114823&tid=41393> (accessed July 14, 2018).
25. Shukova G.V. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological Studies], 2014, vol. 7, no. 33. <http://psystudy.ru/num/2014v7n33/938-shukova33.html> (accessed July 14, 2018).
26. Boneva B.S., Frieze I.H., Ferligoj A., Jarosova E., Pauknerova D., Orgocka A. *European Psychologist*, 1998, vol. 3 (4), pp. 247–254.
27. Festinger L. *Human Relations*, 1954, vol. 7, pp. 117–140.
28. Frieze I.H., Hansen S.B., Boneva B. *Journal of Environmental Psychology*, 2006, vol. 26, pp. 170–177. doi: 10.1016/j.jenvp.2006.05.001
29. Hidalgo M.C., Hernandez B. *Journal of Environmental Psychology*, 2001, vol. 21 (3), pp. 273–281. doi: 10.1006/jevp.2001.0221
30. *International Migration Report 2017: Highlights*. New York: United Nations, 2017, 30 p.
31. Mak A.S. *Experiences of transnational Chinese migrants in the Asia-Pacific*. New York: Nova Science publishers, 2006, pp. 103–116.
32. Manchin M., Orazbayev S. *Development Studies Working Paper*, 2016, vol. 409, pp. 1–50. doi: 10.2139/ssrn.2974097
33. Neto F., Silva C. *Migration: A European Journal of International Migration and Ethnic Relations*, 1995, vol. 25, pp. 51–78.
34. Li M., Frieze, I.H., Horvat, J., Mijoč, J., Olson, J. *Migracijske Teme (Migration and Ethic Themes)*, 2012, vol. 28 (1), pp. 7–27.
35. Roman M., Vasilescu M.D. *Romanian Statistical Review*, 2016, vol. 64 (4), pp. 69–86.
36. Verwiebe R., Mau S., Seidel N., Kathmann T. *Journal of International Migration and Integration*, 2010, vol. 11 (3), pp. 273–293. doi: 10.1007/s12134-010-0141-9
37. Theodori A.E., Theodori G. L. *Community Development*, 2015, vol. 46 (4), pp. 380–391. doi: 10.1080/15575330.2015.1062035
38. Todaro M.P. *Population and Economic Change in Developing Countries Volume*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, pp. 361–402.
39. Wiskow C. *Health worker migration flows in Europe: overview and case studies in selected CEE countries – Romania, Czech Republic,*

Serbia and Croatia. Geneva: International Labour Organization, 2006, 114 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Бакина Анна Владимировна, доцент кафедры психологии образования, кандидат психологических наук, доцент
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
ул. Кирова, 17/2, г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край,
681000, Российская Федерация
bakina_anna@mail.ru

Орлова Ольга Александровна, доцент кафедры психологии образования, кандидат психологических наук, доцент
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
ул. Кирова, 17/2, г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край,
681000, Российская Федерация
olga_shishmareva@mail.ru

Яремчук Светлана Владимировна, доцент кафедры психологии образования, кандидат психологических наук, доцент
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
ул. Кирова, 17/2, г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край,
681000, Российская Федерация
svj@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Bakina Anna Vladimirovna, Associate Professor at the Department of Education Psychology, Ph.D. in Psychology, Associate Professor
Amur State University of Humanities and Pedagogy
17/2, Kirova St., Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Krai, 681000,
Russian Federation

bakina_anna@mail.ru
SPIN-code: 7261-1748
ORCID: 0000-0002-6772-3743

Orlova Olga Aleksandrovna, Associate Professor at the Department of Education Psychology, Ph.D. in Psychology, Associate Professor
Amur State University of Humanities and Pedagogy
17/2, Kirova St., Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Krai, 681000, Russian Federation
olga_shishmareva@mail.ru
SPIN-code: 3095-8858
ORCID: 0000-0002-9080-0129

Yaremtchuk Svetlana Vladimirovna, Associate Professor at the Department of Education Psychology, Ph.D. in Psychology, Associate Professor
Amur State University of Humanities and Pedagogy
17/2, Kirova St., Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Krai, 681000, Russian Federation
svj@rambler.ru
SPIN-code: 1673-8024
ORCID: 0000-0003-1036-6826
ResearcherID: A-3599-2017
Scopus Author ID: 56111955900

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-63-75
УДК 159. 9 (045)

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СТУДЕНТОВ, АКТИВНО ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ СОЦИАЛЬНЫМИ СЕТЯМИ

Белова Т.А., Кечина М.А.

***Предмет исследования.** Психологические характеристики студентов, активно пользующихся социальными сетями.*

***Тема работы.** Исследование психологических характеристик студентов, активно пользующихся социальными сетями.*

***Цель.** Статья посвящена актуальной в условиях современной общественной реальности теме нехимических зависимостей. Предметом анализа выступают личностные характеристики студентов, активно пользующихся социальными сетями. Авторы ставят цель раскрыть особенности личности студентов, предрасположенных к зависимостям от сетей, разработать психолого-педагогические рекомендации по снижению риска возникновения зависимости.*

***Метод или методология проведенной работы.** Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме зависимости, диагностика личностных факторов «риска», повышающих предрасположенность к возникновению зависимости от социальных сетей.*

***Результаты.** Полученные данные свидетельствуют о том, что у большинства студентов выявлена высокая и средняя активность личности в виртуальном общении. Авторы утверждают, что чаще виртуальному общению склонны студенты, характеризующиеся неуверенностью в себе, имеющие трудности в общении и самораскрытии. На основании проведенного исследования авторами разработаны психолого-педагогические рекомендации по профилактике факторов «риска» возникновения зависимости от социальных сетей.*

Область применения результатов. *Результаты проведенной работы могут быть востребованы в организациях высшего образования, в социальной и воспитательной работе со студентами вуза.*

Выводы. *Эмпирическое исследование показало, что у большинства студентов, участвующих в эксперименте, выявлена высокая и средняя активность личности в виртуальном общении. Чаще виртуальному общению склонны студенты, имеющие такие особенности личности, как неуверенность в себе, трудности в общении и самораскрытии.*

Ключевые слова: *психологические характеристики; студенты; социальные сети.*

INVESTIGATION OF PERSONAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS, ACTIVE USED BY SOCIAL NETWORKS

Belova T.A., Kechina M.A.

Subject of research. *Psychological characteristics of students actively using social networks.*

Topic. *Research of psychological characteristics of students actively using social networks.*

Summary. *The article presents an experimental study of the personal characteristics of students who often use social networks, also reveals the specifics of the formation of young people's dependence on social networks. The developed psychological and pedagogical recommendations for students in order to prevent Internet addiction are presented.*

Purpose. *The article is devoted to the topic of non-chemical dependencies relevant in the conditions of modern social reality. The subject of the analysis are the personal characteristics of students actively using social networks. The author aims to reveal the features of the personality of students prone to dependence on networks, to develop psychological and pedagogical recommendations to reduce the risk of addiction.*

Methodology. *Analysis of psychological and pedagogical sources on the problem of research, comparative analysis of identifying personal*

risk factors that increase the predisposition to the emergence of dependence on social networks.

Results. *The data obtained show that the majority of students have high and average activity of personality in virtual communication. The authors argue that more often virtual communication is prone to students, characterized by self-doubt, having difficulties in communication and self-disclosure. On the basis of the study the authors developed psychological and pedagogical recommendations for the prevention of “risk” factors of dependence on social networks.*

Practical implications. *The results of this work can be in demand in higher education institutions, in social and educational work with students of the University.*

Conclusions. *The Empirical study showed that the majority of students participating in the experiment, revealed a high and average activity of the individual in virtual communication. More often, virtual communication tend to students with such personality traits as self-doubt, difficulties in communication and self-disclosure.*

Keywords: *psychological characteristics; students; social networks.*

Введение

Современный человек, находясь в условиях быстро меняющейся реальности, преобразует свой образ жизни, личностное восприятие, смысложизненные ориентиры. С каждым днем скорость этих социально-экономических и общественных изменений существенно возрастает. Одним из значимых факторов, преобразующих личность, в настоящее время является ее активное общение в социальных сетях. Появление социальных сетей привело к расширению коммуникативного потенциала личности, существенно изменило характер общения и межличностного взаимодействия. Современный мир насыщен разнообразием оружия информационного характера, направленного на сознание и психику человека [2, с. 128].

Социальные сети – это «онлайн сервис, предназначенный для создания, организации и отражения всестороннего общения между реальными людьми в интернете» [5, с. 12]. Чрезмерное увлечение

социальными сетями может негативно отразиться на психологическом благополучии личности, о чем пишут, как отечественные ученые (А.Е. Богомолова [1], А.Е. Войскунский [3], Н.П. Козлова [5], Д.Г. Рыбалтович [7], так и зарубежные Dolan С.А. [10], Diener E. [11], Ostvik K. [12], Lonnqvist J.E. [13], Ry С. [14], Chaldini R. [15].

Социальные сети привлекают молодых людей из-за возможности анонимного общения, можно не показывать, кем ты являешься на самом деле, особенно в случае присутствия у личности массы комплексов, которые возможно скрыть благодаря социальным сетям [4]. Наиболее распространенными сетями являются «Одноклассники», «В контакте», «Twitter», «Tambler», «Instagram». С каждым днем разработчики сетей трудятся над более новыми обновлениями, тем самым, привлекая все большее количество пользователей [6]. В ракурсе этой проблемы необходимо отметить, что в процессе «организации обучения студентов когнитивным способам саморегуляции и рациональным приемам управления эмоциональными состояниями осуществляется развитие социального мышления» [4, с. 22]. Ряд ученых видят решение данной проблемы посредством развития позитивного мышления, которое выполняет ряд функций в развитии личности: оздоровления, адаптации к новым условиям и формирования активной гражданской жизненной позиции [8]. Психологическая безопасность рассматривается как «защищенность личности, предполагающую наряду с внешними условиями безопасности, еще и внутренние» [4].

На основе выше сказанного, можно отметить, что в современных условиях социальные сети занимают существенную часть времени среди молодых людей. Профилактика зависимости от социальных сетей должна реализовываться посредством межведомственного взаимодействия различных государственных и общественных структур. Профилактика зависимости должна начинаться с раннего выявления психологических факторов возникновения зависимости, разработку и реализацию психоразвивающих и психопрофилактических программ, направленных на устранение негативного влияния на молодых людей различных социальных сетей.

Описание исследования

Для исследования личностных характеристик студентов, активно пользующихся социальными сетями, мы использовали: опросник «Активность личности в виртуальной социальной сети» Е.И. Богомоловой [1, с. 94–96], направленный на выявление активности личности студентов в виртуальном общении, и опросник «Диагностика самоактуализации личности» [6, с. 192–196], направленный на изучение самоактуализации личности студентов как важнейшего психологического ресурса, препятствующего формированию зависимости.

Участниками исследования явились студенты физической культуры направления подготовки Педагогическое образование Профиль Физическая культура. Безопасность жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева».

Результаты исследования личностных характеристик студентов, активно пользующихся социальными сетями, отражены в таблицах 1–2.

Таблица 1.

Показатели активности студентов в виртуальной социальной сети

Уровни активности студентов в виртуальном общении	Показатели активности студентов в виртуальном общении	
	Абс.	%
Высокая активность личности в виртуальном общении	10	40
Средняя активность личности в виртуальном общении	8	32
Низкая активность личности в виртуальном общении	7	28

Анализ полученных результатов, представленных в таблице 1, показывает, что у большинства испытуемых выявлена высокая и средняя активность личности в виртуальном общении.

Анализ полученных результатов показывает, что у 3 (16,7%) испытуемых выявлен высокий уровень шкалы ориентации во времени, у 5 (27,8%) испытуемых – средний уровень, у 10 (55,5%) испытуемых – низкий уровень.

Таблица 2.

Показатели самоактуализации студентов, часто пользующихся социальными сетями

Шкалы самоактуализации студентов	Показатели самоактуализации студентов					
	Высокий уровень		Средний уровень		Низкий уровень	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Шкала ориентации во времени	3	16,7	5	27,8	10	55,5
Шкала ценностей	4	22,2	6	33,3	8	44,5
Взгляд на природу человека	8	44,5	6	33,3	4	22,2
Высокая потребность в познании	5	27,8	7	38,9	6	33,3
Стремление к творчеству или креативность	8	44,5	6	33,3	4	22,2
Автономность	4	22,2	6	33,3	8	44,5
Спонтанность	8	44,5	6	33,3	4	22,2
Самопонимание	5	27,8	6	33,3	7	38,9
Аугосимпатия	5	27,8	7	38,9	6	33,3
Шкала контактности	8	44,5	6	33,3	4	22,2
Шкала гибкости в общении	4	22,2	6	33,3	8	44,5

Как показывают исследования, высокий уровень шкалы ориентации во времени характерен для студентов, хорошо ориентирующихся во времени, ценящих свое время, предпочитаемых реальное общение виртуальному. Студенты, имеющие низкие показатели, отличаются погруженностью в себя, мнительностью и неуверенностью, комплексами в себе, предпочитающие виртуальное общение.

У 4 (22,2%) испытуемых выявлен высокий уровень шкалы ценностей, у 6 (33,3%) испытуемых – средний уровень, у 8 (44,5%) испытуемых – низкий уровень. Студенты, имеющие высокие показатели, обладают такими ценностями самоактуализирующейся личности, как: доброта, жизнелюбие, креативность, самодостаточность. Студенты, имеющие низкие показатели, отличаются стремлением к дисгармоничному бытию, нарушением установления позитивных межличностных отношений.

У 8 (44,5%) испытуемых выявлен высокий уровень (положительный взгляд на природу человека), у 6 (33,3%) испытуемых – средний уровень, у 4 (22,2%) испытуемых – низкий уровень (отрицательный

взгляд на природу человека). Студенты, обладающие высоким показателем по данной шкале, умеют выстроить гармоничные межличностные отношения. Испытуемые, обладающие низким показателем, имеют предпосылки для установления агрессивных неконструктивных межличностных отношений, предпочитают в большей степени общение в социальных сетях.

У 5 (27,8%) испытуемых выявлена высокая потребность в познании, у 7 (38,9%) испытуемых – средний уровень, у 6 (33,3%) испытуемых – низкий уровень. Студенты, имеющие высокую потребность в познании, всегда открыты новым впечатлениям, знакомствам и общению в реальной жизни.

У 8 (44,5%) испытуемых выявлен высокий уровень стремления к творчеству, у 6 (33,3%) испытуемых – средний уровень, у 4 (22,2%) испытуемых – низкий уровень. Студенты, имеющие высокие показатели стремления к творчеству, отличаются творческим отношением к жизни, предпочитают «живое» общение, занимаются активным социальным проектированием.

У 4 (22,2%) испытуемых выявлен высокий уровень автономности, у 8 (44,5%) испытуемых – средний уровень, у 6 (33,3%) испытуемых – низкий уровень. Студенты, имеющие высокие показатели автономности, представляют собой как самоактуализирующиеся личности, прежде всего в реальном межличностном общении.

У 8 (44,5%) испытуемых выявлен высокий уровень спонтанности, у 6 (33,3%) испытуемых – средний уровень, у 4 (22,2%) испытуемых – низкий уровень. Студенты, имеющие низкие показатели, обладают неуверенностью в себе, не доверяют к окружающему миру.

У 5 (27,8%) испытуемых выявлен высокий уровень самопонимания, у 6 (33,3%) испытуемых – средний уровень, у 7 (38,9%) испытуемых – низкий уровень. Высокий показатель по этой шкале свидетельствует об осознанной рефлексии своих чувств, потребностей, мотивации. Низкий балл по шкале самопонимания свойственен студентам с заниженной самооценкой, неуверенных в собственных силах, возможностях. Такие студенты часто становятся объектом манипулирования в социальных сетях.

У 5 (27,8%) испытуемых выявлен высокий уровень аутосимпатии, у 6 (33,3%) испытуемых выявлен средний уровень, у 7 (38,9%) испытуемых низкий уровень. Студенты, имеющие низкие показатели, являются тревожными, неуверенными в себе. Студенты, имеющие высокие показатели, обладают осознаваемым позитивным «Я-образом».

У 8 (44,5%) испытуемых выявлен высокий уровень контактности, у 6 (33,3%) испытуемых – средний уровень, у 4 (22,2%) испытуемых – низкий уровень. Студенты, имеющие высокие показатели, обладают общительностью, способностью к установлению прочных и доброжелательных отношений с окружающими.

У 4 (22,2%) испытуемых выявлен высокий уровень гибкости в общении, у 6 (33,3%) испытуемых – средний уровень, у 8 (44,5%) испытуемых – низкий уровень. Студенты, имеющие высокие показатели, имеют положительный опыт взаимодействия с окружающими, способность к самораскрытию, ориентированы на самопознание. Низкие показатели характерны для студентов, не уверенных в себе.

Таким образом, у большинства испытуемых выявлена высокая и средняя активность личности в виртуальном общении. Чаще виртуальному общению склонны студенты, характеризующиеся неуверенностью в себе, имеющие трудности в общении и самораскрытии.

На основе проведенного исследования мы разработали следующие психолого-педагогические рекомендации:

1. Прежде чем зайти в любую социальную сеть, спросите себя, зачем Вы это делаете. Необходимо поставить перед собой конкретную задачу и не отвлекаться на другие.
2. Установите временной лимит на свое пребывание в социальных сетях. Обычно для того, чтобы ответить на вопросы, просмотреть фотографии и прочитать новости достаточно 20 минут.
3. Если Вы оправдываете свое «зависание» в Одноклассниках необходимостью снятия усталости, необходимо найти настоящему эффективный способ релаксации, например, приобрести абонемент на занятия йогой либо в бассейн.

4. Нужно помнить, что никакая социальная сеть не заменит живое общение. Введите традицию в определенный день недели встречаться с друзьями, при этом договоритесь на время встречи отключать свои мобильные телефоны и смартфоны.
5. От любой вредной привычки очень трудно избавиться. Для прекращения или уменьшения времени своего пребывания в виртуале, необходимо обратиться за помощью к специалисту.

Заключение

1. В настоящее время социальные сети занимают большую часть времени среди студентов.
2. Общение в социальных сетях – это один из значимых факторов, преобразующих личность студента.
3. Эмпирическое исследование показало, что у большинства студентов, участвующих в эксперименте, выявлена высокая и средняя активность личности в виртуальном общении.
4. Чаще виртуальному общению склонны студенты, имеющие такие особенности личности, как неуверенность в себе, трудности в общении и самораскрытии.
5. Профилактика от Интернет-зависимости должна реализовываться посредством взаимодействия различных государственных и общественных структур, реализовываться посредством формирования психологических ресурсов личности, препятствующие возникновению зависимости.

Информация о конфликте интересов. Исследование не имеет конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет и Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева) по теме «Психолого-педагогические условия профилактики зависимости студентов вуза от социальных сетей».

Список литературы

1. Богомолова А.Е. Взаимосвязь личностных характеристик с особенностями активности пользователей социальных сетей Интернета: автореф. дис. ... канд. пед. науки: 19.00.01 / А. Е. Богомолова; Моск. город. пед.ун-т. М., 2015. 25 с.
2. Варданян Ю.В. Профессиональная психологическая подготовка как фактор психологической безопасности / Ю.В. Варданян, О.М. Воробьева // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 7. С. 127–132.
3. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета / А.Е. Войскунский // Психологический журнал, 2004. С. 90–100.
4. Вдовина Н.А. Развитие социального мышления и профессионально-ценностных ориентаций бакалавров направления подготовки Педагогическое образование в процессе изучения курсов по выбору / Н.А. Вдовина, С.В. Сергунина // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 1. С. 20–24.
5. Козлова Н.П. Негативное влияние социальных сетей на формирование личности / Н.П. Козлова, Э.Я. Гаджалиева // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 23. С. 33–36.
6. Лызь Н.А. Развитие безопасной личности в образовательном процессе вуза: монография. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. 305 с.
7. Рыбалтович Д.Г. Интернет-зависимость: реальная патология или норма развития информационного человечества? / Д.Г. Рыбалтович, В.В. Зайцев // Вестник психотерапии. 2011. № 40 (45). С. 25–44.
8. Сергунина С.В. Особенности позитивного мышления студентов-волонтеров / С.В. Сергунина, А.А. Чалмаева // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 11. С. 296–302.
9. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. С. 45–90.
10. Dolan C.A., Ender M.G. The coping paradox: Work, stress, and coping in the U.S. Army // Military Psychology. 2008. V. 20(3), pp. 156–178.

11. Diener E., Diener C. Most people are happy // Psychological Science. № 7. 1996, pp. 187–189.
12. Ostvik K., Rudmin F. Bullying and hazing among Norwegian army soldiers: Two studies of prevalence, context, and cognition // Military Psychology. 2001. V. 13(1), pp. 42–44.
13. Lonnqvist J.-E., Verkasalo M., Haukka J. et al. Premorbid personality factors in schizophrenia and bipolar disorder: Results from a large cohort study of male conscripts // Journ. of Abnormal Psychology. 2009. V. 118(2), pp. 419–427.
14. Ry C., Singer B. Know yself and Become What You Are: A Eudaimonic Approach to Psychological Well-Being // Journal of Happiness Studies. March 2008. № 9(1), pp. 52–67.
15. Чалдини Р. Психология влияния. Убеждай, воздействуй, защищайся. СПб.: Питер, 2010. 336 с.

References

1. Bogomolova A.E. *Vzaimosvyaz' lichnostnykh kharakteristik s osobennostyami aktivnosti pol'zovateley sotsial'nykh setey Interneta* [The relationship of personal characteristics with the peculiarities of the activity of users of social networks on the Internet]; Mosk. gorod. ped.un-t. M., 2015. 25 p.
2. Vardanyan Yu.V., Vorob'eva O. M. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 7. S. 127–132.
3. Voyskunskiy A.E. *Psikhologicheskiy zhurnal*, 2004, pp. 90–100.
4. Vdovina N.A., Sergunina S.V. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2014. № 1, pp. 20–24.
5. Kozlova N.P., Gadzhaliyeva E.Ya. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. 2016. № 23, pp. 33–36.
6. Lyz' N.A. *Razvitie bezopasnoy lichnosti v obrazovatel'nom protsesse vuza* [The development of a safe personality in the educational process of the university]. Taganrog : Izd-vo TRTU, 2005. 305 p.
7. Rybaltovich D.G., Zaytsev V.V. *Vestnik psikhoterapii*. 2011. № 40 (45), pp. 25–44.
8. Sergunina S.V., Chalmaeva A.A. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2017. № 11, pp. 296–302.

9. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuylov G.M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personal development and small groups]. M.: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2002, pp. 45–90.
10. Dolan C.A., Ender M.G. The coping paradox: Work, stress, and coping in the U.S. Army. *Military Psychology*. 2008. V. 20(3), pp. 156–178.
11. Diener E., Diener C. Most people are happy. *Psychological Science*. № 7. 1996, pp. 187–189.
12. Ostvik K., Rudmin F. Bullying and hazing among Norwegian army soldiers: Two studies of prevalence, context, and cognition. *Military Psychology*. 2001. V. 13(1), pp. 42–44.
13. Lonnqvist J.-E., Verkasalo M., Haukka J. et al. Premorbid personality factors in schizophrenia and bipolar disorder: Results from a large cohort study of male conscripts. *Journ. of Abnormal Psychology*. 2009. V. 118(2), pp. 419–427.
14. Ry C., Singer B. Know yself and Become What You Are: A Eudaimonic Approach to Psychological Well-Being. *Journal of Happiness Studies*. March 2008. № 9(1), pp. 52–67.
15. Cialdini R.B. *Ubezhdai, vozdeystviy, zashchishchaysya* [Influence. Science and Practice]. SPb.: Piter, 2010. 336 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Белова Татьяна Александровна, кандидат психологических наук.
доцент кафедры психологии
Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева
ул. Студенческая, 11а, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация
tabelova79@yandex.ru

Кечина Марина Александровна, старший преподаватель кафедры психологии
Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева

*ул. Студенческая, 11а, г. Саранск, Республика Мордовия, Рос-
сийская Федерация
kechina22@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Belova Tatyana Aleksandrovna, Candidate of Psychological Sciences,
Docent of the Department of Psychology
*Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseyev
11а, Studencheskaya Str., Republic of Mordovia, Saransk, 430007,
Russian Federation
tabelova79@yandex.ru
SPIN-code: 2781-7987
ORCID: 0000-0002-0578-3476*

Kechina Marina Aleksandrovna, Senior Lecturer, Department of Psy-
chology
*Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseyev
11а, Studencheskaya Str., Republic of Mordovia, Saransk, 430007,
Russian Federation
kechina22@rambler.ru
SPIN-code: 2996-0468
ORCID: 0000-0002-5049-5932*

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-76-89
УДК 316.628.23

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СНИЖЕНИЯ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА ПОД ВЛИЯНИЕМ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Борисова И.И.

Цель исследования. Статья посвящена изучению внешних психологических условий, снижающих мотивацию работника к осуществлению профессиональной деятельности. Задачами исследования являются: изучение отрицательного влияния внешних факторов на трудовые мотивы и описание негативных психологических особенностей условий снижения эффективности мотивационных воздействий.

Методология проведения работы. Произведен анализ литературы и использованы эмпирические методы в процессе исследования. Метод исследования – тестирование испытуемых. После проведения тестирования полученные результаты подверглись статистической обработке в программе R.

Результаты. Выявлена корреляция между внешней мотивацией и психологическими факторами. Сделаны выводы о негативном воздействии внешних психологических факторов на снижение мотивации к осуществлению эффективной профессиональной деятельности.

Определены психологические условия, снижающие мотивацию работника, и предложены рекомендации для руководителей компаний.

Область применения результатов. Результаты могут быть использованы управленческим аппаратом компаний.

Ключевые слова: профессиональная деятельность; внешняя положительная мотивация; психологические факторы; персонал; руководитель.

THE PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF EFFICIENCY OF EXTERNAL MOTIVATION

Borisova I.I.

Research objective. *The article is devoted to studying the external psychological conditions reducing the motivation of the worker to an implementation of professional activity. Research problems are: studying of the negative influence of external factors on labour motives and description of negative psychological features of conditions of a decrease in efficiency of motivational influences.*

The methodology of the work. *The analysis of literature is made and empirical methods in the course of the research are used. A research method – testing of examinees. After conducting testing the received results have undergone statistical processing in the program R.*

Results. *The correlation between external motivation and psychological factors is revealed. Conclusions are drawn on the negative impact of external psychological factors on a decrease in motivation to an implementation of effective professional activity. Psychological conditions that decrease motivation of a worker are defined and recommendations for heads of the companies are offered.*

The scope of results application. *Results can be used by administrative personnel of the companies.*

Keywords: *professional activity; external positive motivation; psychological factors; personnel; leader.*

Введение

В современных условиях осуществления профессиональной деятельности для работников остается важным не только высокий и справедливый уровень заработной платы и соблюдение трудового законодательства, но и психологические аспекты, такие как: самореализация, признание, социальный статус, свобода, стабильность, комфортные условия труда, а также одобрение и поддержка со стороны руководителя. Руководители современных компаний осозна-

ют, что нужно побуждать работников к эффективной деятельности как материально, так и нематериально, но не все знают, какие психологические ошибки в процессе управления могут нивелировать внешнее положительное стимулирование. Поэтому необходимо не только знать, но и устранять негативные факторы, снижающие мотивацию персонала.

На сегодняшний день существуют множество теорий, отражающих концепции влияния на мотивацию профессиональной деятельности человека, к ним относятся: иерархическая теория мотивации А. Маслоу, «теория X» и «теория Y» Д. Мак-Грегора, теория справедливости С. Адамса, теория ожиданий В. Врума, двухфакторная мотивационно-гигиеническая теория Ф. Герцберга и другие [2]. Эти теории легли в основу эмпирических и теоретических исследований вопроса мотивации человека в процессе осуществления профессиональной деятельности в работах отечественных ученых: Гордеева Т.О. [1], Дубовик Ю.В. [3], Котов С.В. [5], Мингалёва Ж.А., Депутатова Л.Н. [6], Пырьева Е.А. [7] и других. Исследование данного вопроса проводились также современными зарубежными исследователями: L. George [14], A. Elliot и M. Church [12], D. Popescu, I. Bulei и V. Mihalciou [13], B. Kuvaas, R. Buch, A. Weibel, A. Dysvik и C. Nerstad [15]. Среди этих исследований не рассматриваются факторы, оказывающие негативное влияние на мотивацию к осуществлению профессиональной деятельности. Изучение факторов, оказывающих негативное влияние на мотивацию, позволяет находить, обосновывать средства и методы, применяемые в процессе составления мотивационной системы, но и исследовать психологические особенности поведения человека и отношений в некомфортных условиях работы.

Организация, выборка и методика исследования

С целью изучения психологических условий, оказывающих негативное влияние на снижение мотивации к осуществлению эффективной профессиональной деятельности работниками различных компаний, проведено эмпирическое исследование психологиче-

ских внешних факторов. Объект исследования – человек, работающий на предприятии, обладающий профессиональными навыками и умениями, а также имеющий соответствующую квалификацию и специальность. Предмет исследования – психологические условия, оказывающие негативное воздействие на мотивацию профессиональной деятельности. Гипотеза исследования: к психологическим условиям, снижающим эффективность внешней мотивации, относятся несправедливо установленный уровень заработной платы, отношение руководителя к выполняемым функциям работника, условия психологического давления на сотрудника и ограничения, нарушение условий и режима труда, отсутствие возможности к росту и развитию.

Эмпирическое исследование психологических условий негативного воздействия на работников проводилось в коммерческих организациях. В исследовании принимали участие 50 испытуемых в возрасте от 22 до 57 лет, работающих в организациях различных сфер. Группа испытуемых была сформирована по соответствию с заданным критерием – осуществление профессиональной деятельности. Выборка является репрезентативной и совокупной.

Для исследования связи внешних негативных психологических условий и мотивации осуществления профессиональной деятельности применены следующие методики: методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса; методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса; методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной; методика «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир; методика «Выявление потребности отдельных лиц и выявления мотивационных пластов в организации»; методика диагностики «Рейтинг ценностно-потребностях ориентаций персонала» [4]; методика диагностики самооценки мотивации одобрения (шкала лживости) Д. Марлоу и Д. Крауна; методика «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильман; методика диагностики направленности личности Б. Басса (ориентационная анкета) [9, 11].

Результаты исследования

По итогам проведенной батареи методик произведено распределение полученных результатов по шкалам, данные приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Распределение результатов батареи методик по шкалам

Методика	Шкалы	Низкий балл, %	Средний балл, %	Высокий балл, %
1	2	3	4	5
Стремление к успеху Т. Элерс	Стремление к успеху	5	69	26
Избегание неудач Т. Элерс	Избегание неудач	5	64	31
Методика изучения мотивации профессиональной деятельности Замфир	Внутренняя мотивация	5	59	36
	Внешняя положительная мотивация	10	57	33
	Внешняя отрицательная мотивация	29	31	40
Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкина	Ориентация на процесс	2	79	19
	Ориентация на результат	7	79	14
	Ориентация на альтруизм	19	57	24
	Ориентация на эгоизм	43	24	33
	Ориентация на труд	29	61	10
	Ориентация на свободу	5	76	19
	Ориентация на власть	45	36	19
Выявление потребностей отдельных лиц и выявления мотивационных пластов в организации	Материальные потребности	26	45	29
	Потребности в безопасности	24	45	31
	Социальные (межличностные) потребности	40	20	40
	Потребности в признании	31	38	31
	Потребности в самовыражении	31	31	38

Окончание табл. 1.

Методика диагностики «Рейтинг ценностно-потребностных ориентаций персонала»	Ценностно-потребностные ориентации	36	19	45
Методика диагностики самооценки мотивации одобрения (шкала лживости) Д. Марлоу и Д. Крауна	Мотивация одобрения	40	39	21
Диагностика мотивационной структуры личности Мильван	Жизнеобеспечение	21	53	26
	Комфорт	21	58	21
	Социальный статус	29	38	33
	Общение	26	43	31
	Общая активность	26	45	29
	Творческая активность	24	52	24
	Социальная полезность	29	47	24
Методика диагностики направленности личности Т. Басса	Я (Направленность на себя)	33	31	36
	О (Направленность на общение)	40	27	33
	Д (Направленность на дело)	19	57	24

После обработки ответов испытуемых определены показатели средних значений по группе.

Приведенные в таблице 1 результаты отображают, что для группы испытуемых характерен средний уровень мотивации к достижению успеха и избегания неудач. Преобладает большой процент испытуемых в группе (57%) с баллом по шкале «избегание неудач». Он выше, чем по шкале стремления к успеху. Это определяет характерное для преобладающей части группы испытуемых желание избежать неудачи, наказания, санкций, чем стремление достичь успеха в своей профессиональной деятельности. Данный факт подтверждает высокое количество экстремально высоких значений по шкале «Внешняя отрицательная мотивация» (40%).

По шкалам методики диагностики Потемкиной максимальный процент экстремально малых значений включает в себя следующую

щие показатели: Ориентация на власть (45%), Ориентация на эгоизм (43%). Экстремально высоких значений шкал данной методики среди ответов испытуемых не обнаружено.

Среди шкал методики выявления потребности отдельных лиц и выявления мотивационных пластов в организации определены следующие экстремально низкие значения показателей по шкале «Социальные (межличностные) потребности» (40%), так и экстремально высокие по данной шкале (40%).

По методике Рейтинг ценностно-потребностных ориентаций персонала выявлено 45% испытуемых с экстремально высокими значениями. Кроме того, по шкале «Самооценка мотивации одобрения методики диагностики самооценки мотивации одобрения (шкала лживости)» Д. Марлоу и Д. Крауна зафиксировано 40% испытуемых с экстремально высокими показателями по группе.

По методике диагностики направленности личности Т.Басса экстремально высоких значений не обнаружено, но выявлены экстремально низкие значения среди испытуемых в группе (40%).

Различий между мужской и женской выборкой не обнаружено.

По коэффициентам корреляции Спирмена и г-критерия Пирсона, рассчитанным с использованием программы R, определены связи между внешней мотивацией и психологическими факторами, оказывающими влияние на профессиональную деятельность человека. Выявленные значимые связи приведены в таблице 2 [8, 10].

Таблица 2.

Показатели корреляции между внешней положительной мотивацией и психологическими факторами

Фактор	r	p
Социальные (межличностные) потребности	-0,54	0,00
Потребность в жизнеобеспеченья	0,52	0,00
Стремление достижения успеха	0,42	0,01
Внешняя отрицательная мотивация	0,31	0,04
Ориентация на власть	0,47	0,00
Ориентация на деньги	0,31	0,04
Социальный статус	0,46	0,00

Выводы по задачам исследования

Определена сильная отрицательная связь внешней положительной мотивации и шкалой «Социальные (межличностные) потребности» ($r=-0,54$; $p<0,00$). Чем сильнее оказывается негативное воздействие со стороны руководителя на подчиненного, тем больше он стремится к социальной защите путем смены работы или поиска поддержки со стороны коллег, друзей и семьи. В результате отрицательного воздействия на сотрудника снижается мотивация к профессиональной деятельности, но увеличивается желание к жизнедеятельности вне компании, а также возникают конфликты внутри подразделений и между ними. К данной категории негативного воздействия со стороны работодателя можно отнести: чрезмерный надзор за деятельностью работника, неуважительное отношение, нарушение субординации, психологическое ограничение свободы в решениях и деятельности сотрудника, вмешательство в его личную жизнь, слежка, запугивание.

Определена сильная положительная связь внешней положительной мотивации и потребности в жизнеобеспечении ($r=0,52$; $p<0,00$). Низкое жизнеобеспечение оказывает отрицательное воздействие на мотивацию сотрудника к осуществлению эффективной профессиональной деятельности. Уровень своей жизнеобеспеченности человек определяет по отношению к уровню других сотрудников компании, а также коллег, работающих на других предприятиях в такой же или аналогичной должности. К данной категории негативного воздействия со стороны работодателя можно отнести: несправедливое установление заработной платы среди сотрудников, несправедливое распределение должностных обязанностей и нагрузки, предоставление некомфортных условий труда, нарушение режима трудового дня.

Определена умеренная связь стремления достижения успеха и внешней положительной мотивации ($r=0,42$; $p<0,01$). При успешном выполнении поставленной задачи сотрудник ожидает похвалы и поощрения со стороны руководителя за свой результат труда. В случае, если он не получает ожидаемого, то при выполнении следующего поручения мотивация к эффективной деятельности и успешному выполнению задачи будет снижена. К данной категории негатив-

ного воздействия со стороны работодателя можно отнести: отсутствие положительного подкрепления, стимулирования, похвалы и поддержки со стороны компании или руководителя

Определена умеренная связь внешней отрицательной и внешней положительной мотивации ($r=0,31$; $p<0,04$). Чем сильнее влияние внешней положительной мотивации, тем эффективнее воздействие внешней отрицательной мотивации на эффективность профессиональной деятельности работника. Соответственно при низком уровне внешней положительной мотивации и высоком внешней отрицательной мотивации стремление к осуществлению эффективной профессиональной деятельности у сотрудника снижается, появляется чувство неудовлетворенности и состояние напряжения. В результате работник психологически отделяет себя от компании, начинает искать другое место для работы, желает компании кризисного финансового состояния, а также может возникнуть желание навредить работодателю. При низкой внешней отрицательной мотивации и высокой внешней положительной влияние последней будет снижаться, так как у работника будет происходить психологическое привыкание, соответственно будет снижаться эффективность профессиональной деятельности. К данной категории негативного воздействия со стороны работодателя можно отнести: злоупотребление санкциями, публичные выговоры и порицания, высокая текучесть кадров из-за увольнений по инициативе компании по причине низкой эффективности работника.

Определена умеренная связь ориентации на власть и внешней положительной мотивации ($r=0,47$; $p<0,00$). Чем ниже уровень внешней положительной мотивации, тем меньше работник стремится к власти и не желает расширять свою область компетенции. К данной категории негативного воздействия со стороны работодателя можно отнести: отсутствие возможности карьерного роста, рамочное ограничение процесса осуществления профессиональной деятельности сотрудником, отсутствие возможности творческого подхода к работе.

Определена умеренная связь ориентации на деньги и внешней положительной мотивации ($r=0,31$; $p<0,04$). При высоком уровне

ориентации на деньги работник ожидает, что чем больше он усилий вкладывает в решение той или иной задачи, тем больше он заработает. Соответственно, если этот баланс не будет соблюдаться, сотрудник потеряет интерес к работе и будет выполнять текущие задачи менее эффективно. К данной категории негативного воздействия со стороны работодателя можно отнести: отсутствие системы премий и поощрений в компании.

Определена умеренная связь шкалы «Социальный статус» и внешней положительной мотивации ($r=0,46$; $p<0,00$). Работнику, ориентированному на достижение социального статуса, важно получить признание со стороны коллег и руководства, занимать положение «гуру» в их профессиональной сфере. Посредственное отношение к выполняемым сотрудником функциям приведет к снижению эффективности его профессиональной деятельности. К данной категории негативного воздействия со стороны работодателя можно отнести: занижение или завышение значимости выполняемых функций среди сотрудников и отделов.

Таким образом, основными факторами негативного воздействия являются чрезмерный надзор, нарушение субординации, психологическое ограничение свободы и давление, вмешательство в личную жизнь, несправедливое установление заработной платы и распределения нагрузки, некомфортные условия труда, нарушение режима трудового дня, отсутствие внешнего положительного стимулирование, злоупотребление санкциями, публичные выговоры и порицания, отсутствие карьерного роста и развития, а также пренебрежительное отношение руководителя к труду работника. Из чего следует, что наша гипотеза исследования подтвердилась.

Практические рекомендации

Чтобы избежать снижения мотивации к осуществлению эффективной профессиональной деятельности персонала необходимо соблюдать рекомендации.

Осуществлять справедливое установление уровня заработной платы среди сотрудников путем составления штатного расписания

согласно фактической структуре компании, уровню сложности и вида выполняемой работы, квалификации и области ответственности.

Соблюдать требования охраны труда, среди которых важным является оборудование рабочего места всем необходимым для эффективного и безопасного выполнения определенных для сотрудника служебных функций, а также соблюдение режима рабочего дня.

В трудовых взаимоотношениях важно соблюдать субординацию и уважительно относиться к каждому сотруднику независимо от занимаемой им должности и статуса. Руководителю необходимо взаимодействовать с подчиненными с использованием личностного подхода, с соблюдением этических норм и законов, при этом недопустимо отношение к сотрудникам как к ресурсу обогащения предприятия. Кроме того, руководителю необходимо поддерживать равный уровень значимости всех структурных подразделений в хозяйственной деятельности компании.

С целью стимулирования мотивации к осуществлению эффективной профессиональной деятельности сотрудниками необходимо использовать широкую систему премирования, которая будет в себя включать показатели эффективности деятельности работника, основанные на различных критериях оценки: производительность, инновационность, вовлеченность, ответственность, успешное выполнение поставленных задач и так далее.

Сотрудникам необходимо предоставлять возможность карьерного роста и развития внутри компании. Для этого рекомендуется направлять работников на обучение, семинары и тренинги, связанными с функциями, осуществляемыми в процессе профессиональной деятельности того или иного сотрудника. При этом необходимо предоставлять работникам возможность творческого подхода к решению задач путем вынесения предложений и рекомендаций по изменению или улучшению процесса на рассмотрение вышестоящему руководителю. Желательно разбивать долгосрочные задачи на этапы выполнения, при успешном выполнении каждого этапа осуществлять психологическое поощрение сотрудника за хорошо выполненную работу путём похвалы и закреплением достигнутого результата.

Список литературы

1. Гордеева Т.О. Базовые типы мотивации деятельности: потребностная модель // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. №3. С. 63–78.
2. Гуров В. И., Сукманов Э. В. Эволюция теорий мотивации // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2008. №2.
3. Дубовик Ю.В. Демотивация как обратный эффект мотивации: зарубежная и Российская практика // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. №2.
4. Замфир К. Удовлетворенность трудом. М.: Политиздат, 1983.
5. Котов С.В. Психологические детерминанты позитивной мотивации // ИСОМ. 2014. №6-1. С. 196–199.
6. Мингалёва Ж.А., Депутатова Л.Н. Двойственность мотивации интеллектуального труда работников // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. №2.
7. Пырьев Е.А. Эмоциональные отношения в структуре мотивации человека // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. №155. С. 53–61.
8. Роберт И. Кабаков. R в действии. Анализ и визуализация данных в программе R / Пер. с англ. Полины А. Волковой. М.: ДМК Пресс, 2016.
9. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. Изд-во Института Психотерапии, 2002.
10. Шелехова Л.В. Математические методы в психологии и педагогике: в схемах и таблицах: Учебное пособие. СПб.: Издательство «Лань», 2015.
11. Энциклопедия психодиагностики. Психодиагностика взрослых. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2009.
12. Andrew J. Elliot and Marcy A. Church. A Hierarchical Model of Approach and Avoidance Achievement Motivation. *Journal of Personality and Social Psychology* 1997, Inc. 0022-3514/97, Vol. 72, No. 1, pp. 218–232.
13. Delia Mioara Popescu, Ioana Bulei, Viorel Mihalcioiu. The impact of professional identity factors on employee motivation. *Proceedings of the*

- 8th international management conference “Management challenges for sustainable development”, November 6th-7th, 2014, Bucharest, Romania, pp. 907–915.
14. Lazaroiu George. Employee Motivation and Job Performance. Linguistic and Philosophical Investigations, ISSN 1841-2394, Vol. 14, 2015, pp. 97–102.
15. Bard Kuvaas, Robert Buch, Antoinette Weibel, Anders Dysvik, Christina G.L. Nerstad. Do intrinsic and extrinsic motivation relate differently to employee outcomes? Journal of Economic Psychology, Vol. 61, 2017, pp. 244–258.

References

1. Gordeyeva T.O. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*. 2014. №3, pp. 63–78.
2. Gurov V.I. Sukmanov E.V. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy selskokhozyaystvennoy akademii*. 2008. №2.
3. Dubovik Yu.V. *Elektronnyy vestnik Rostovskogo sotsialno-ekonomicheskogo instituta*. 2016. №2.
4. Zamfir K. *Udovletvorennost' trudom* [Job satisfaction]. M.: Politizdat. 1983.
5. Kotov S.V. *ISOM*. 2014. №6–1, pp. 196–199.
6. Mingaleva Zh.A., Deputatova L.N. *Vestnik PNIPU. Sotsialno-ekonomicheskiye nauki*. 2016. №2.
7. Pyryev E.A. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 2013. №155, pp. 53–61.
8. Robert I. Kabakov. *R v deystvii. Analiz i vizualizatsiya dannykh v programme R* [R in action. Analysis and visualization of data in the program R]. M.: DMK Press. 2016.
9. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuylov G.M. *Sotsialno-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personal development and small groups]. M. Izd-vo Instituta Psikhoterapii. 2002.
10. Shelekhova L.V. *Matematicheskiye metody v psikhologii i pedagogike: v skhemakh i tablitsakh* [Mathematical methods in psychology and pedagogy: in charts and tables]. SPb.: Izdatelstvo «Lan». 2015.

11. *Entsiklopediya psikhodiagnostiki. Psikhodiagnostika vzroslykh* [Encyclopedia of psychodiagnosics. Psychodiagnosics of adults]. Samara.: Izdatelskiy dom «Bakhrakh-M». 2009.
12. Andrew J. Elliot and Marcy A. Church. A Hierarchical Model of Approach and Avoidance Achievement Motivation. *Journal of Personality and Social Psychology* 1997, Inc. 0022-3514/97, Vol. 72, No. 1, pp. 218–232.
13. Delia Mioara Popescu, Ioana Bulei, Viorel Mihalcioiu. The impact of professional identity factors on employee motivation. *Proceedings of the 8th international management conference “Management challenges for sustainable development”*, November 6th-7th, 2014, Bucharest, Romania, pp. 907–915.
14. Lazaroiu George. Employee Motivation and Job Performance. *Linguistic and Philosophical Investigations*, Vol. 14, 2015, pp. 97–102.
15. Bard Kuvaas, Robert Buch, Antoinette Weibel, Anders Dysvik, Christina G.L. Nerstad. Do intrinsic and extrinsic motivation relate differently to employee outcomes? *Journal of Economic Psychology*, Vol. 61, 2017, pp. 244–258.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Борисова Ирина Ивановна, аспирант кафедры гуманитарных дисциплин

Таганрогский институт управления и экономики.

ул. Петровская, 45, г. Таганрог, Ростовская обл., 347900, Российская Федерация

barsik2022@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Borisova Irina Ivanovna, Postgraduate Student of the Department of Humanities

Taganrog Management and Economics Institute

45, Petrovskay Str., Taganrog, Rostov Region, 347900, Russian Federation

barsik2022@yandex.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-90-104

УДК 1 (159.9)

РОЛЬ ОБЩЕНИЯ В АДАПТАЦИИ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА К УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ В СТАЦИОНАРЕ

Валиуллина Г.Г., Ермолаева Т.Н., Туйгунова И.Р.

Цель. Одна из исходных функций общения состоит в организации совместной с другими людьми деятельности для активного приспособления к окружающему миру, то есть адаптации и социализации. Нами также определено, что адаптация в стационаре не может быть исследована вне связи с функционированием общественных отношений в целом. Условиями, обеспечивающими социально-психологическую адаптацию являются адаптивность, статусная и ролевая определенность в новом обществе. Пожилые люди с высокой степенью потребности в общении имеют высокие адаптивные способности. Данные проживающие дома-интерната достаточно легко адаптируются к новым условиям жизнедеятельности, быстро входят в новый коллектив, достаточно легко и адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения.

Метод или методология работы. Исследование проводилось с использованием диагностических методик: методика «Потребность в общении» Ю.М. Орлова; многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина; наблюдение; анализ и сравнение результатов диагностики. Статистическая обработка данных проводилась с помощью *t*-коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты. Результаты вносят вклад в изучение механизмов адаптации пожилых людей, поступивших на постоянное место жительства в стационарное учреждение. Обнаруженная взаимосвязь степени потребности в общении и адаптивности углубляет

представления о специфике социальной адаптации пожилого человека в стационаре. Практическая значимость исследования данной работы состоит в том, что нами рассматриваются вопросы адаптации пожилого человека в новых условиях жизнедеятельности, осуществляется поиск новых методов и способов существенно облегчить протекание этот процесса.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в практике психологического консультирования, будут иметь большую практическую значимость для специалистов, работающих с пожилыми людьми.*

Ключевые слова: *общение; адаптация; роль; пожилые люди; старость.*

THE ROLE OF COMMUNICATION IN ADAPTING AN ELDERLY PERSON TO LIFE CONDITIONS IN HOSPITAL

Valiullina G.G., Ermolaeva T.N., Tuigunova I.R.

Purpose. *One of initial functions of communication lies in the organization of co-operation with other people for active adaptation to the social environment, i.e. adaptation and socialization. We also found out that adaptation in a hospital cannot be investigated without connection with functioning of the social relations in general. The conditions providing social and psychological adaptation are adaptability, status and role certainty in the new society. Elderly people with high need for communication have high adaptive abilities. These residents of the nursing home rather easily adapt to new life conditions, quickly join a new group, rather easily and adequately orient in the situation, quickly develop strategy of their behavior.*

Methodology of research. *The research was conducted with use of diagnostic techniques: technique "Need for communication" by Yu.M. Orlov; multilevel personal questionnaire "Adaptability" (MLO-AM) A.G. Maklakov and S.V. Chermyanin; observation; analysis of products of activity;*

analysis and comparison of results of diagnostics. Processing of statistic data was carried out by means of Pearson coefficient of correlation.

The results. *Results make a contribution to studying of mechanisms of adaptation of elderly people permanently residing in in-patient care. We found interrelation of degree of need for communication and adaptability which deepens ideas of specific nature of social adaptation of the elderly person in hospital. The practical importance of the research presented is that we consider questions of adaptation of an elderly person in new life conditions, search for new methods and ways to facilitate this process significantly.*

Sphere of implementation of the results. *Results of the research can be applied in practice of psychological consultation, they can have great practical importance for experts working with elderly people.*

Keywords: *communication; adaptation; role; elderly people; old age.*

Введение

Необходимость сохранения активной жизни в пожилом возрасте – одна из актуальных тем современных научных исследований в области психологии старости и старения, социальной геронтологии.

При полном психическом здоровье старость воспринимается личностью как совершенно естественный отрезок, период жизни, приходящий на смену детства, молодости и зрелости. Многообразие же личностных типологий восприятия старости скорее представляется результатом тех разнообразных соматических, психических и социальных патологий и воздействий, которые накапливаются в течение всей жизни, а личностные особенности – это та почва, на которой преломляются все отрицательные внутренние и внешние моменты, избирая ответственной за все старость [1].

Ученые утверждают, что широкий круг общения снижает у пожилых людей риск возникновения когнитивных расстройств. Общение положительно влияет на поддержание нормального уровня интеллекта в пожилом возрасте [6].

Общение – процесс полифункциональный, одна из исходных функций общения состоит в организации совместной с другими людьми

деятельности для активного приспособления к окружающему миру, то есть адаптации и социализации. Адаптация в стационаре не может быть исследована вне связи с функционированием общественных отношений в целом. Условиями, обеспечивающими успешную адаптацию пожилого человека в стационаре являются адаптивность и статусная и ролевая определенность в новом обществе.

Обзор литературы

В современной психогеронтологии наиболее активно проводятся исследования такими учеными как Л.И. Анцыферова, Т.В. Карсаевская, О.В. Краснова, А.Г. Лидерс, Т.Н. Марцинковская, О.Н. Молчанова, С.Г. Максимова, У.Б. Поднебесная, М.М. Тульчинский, И.В. Шаповаленко, А.Т. Шаталова, Н.Ф. Шахматов, Н.А. Коротчик и др. [8].

Исследованы психологические особенности возраста и различные формы жизнедеятельности и активности людей в пожилом возрасте (Дементьева, Лидерс 2000; Поднебесная, 2002; Филатова, Беседина, 2003; Холостова Е.И., 2003; Черносвитов, 2000, Шаповаленко И.В. 1999; Атапина, Кисилева, 2003, Шавкова, 2001 и др.), отношение к людям пожилого возраста, их социально-психологические и личностные особенности и психические состояния (Альперович, 200; Краснова, 2002, 2003; Поднебесная, 2002; Тукумцев, Юсупова, 2002; Воронина, 1999; Минигалиева, 2000 и др.), условия и качество жизни пожилых людей и проблемы оказания им психологической помощи (Бондаренко, Морозов, Пушина, Гудков, 2001; Ермолаева, 2002; Лапина, 2001; Краснова, 2001; Филозоф, 2002, 2003 и др.); представления о пожилых людях и старости (Альдохина, 2002; Минигалиева, 2003; Салтыкова, 2003; Татищева А.И., 1998; Шилова Л.С., 2000; Краснова, 2001 и др.). Выполнен ряд интересных диссертационных исследований по различным проблемам психологии старения (Коротчик, 1995; Краснова, 1996; Липовая, 1985; Панина, 1980; Тульчинский, 1996; Роцак, 1990 и др.) [7].

Очень важные открытия в этой области были сделаны американскими специалистами [9; 10]. На основе многолетних лонгитюдных

исследований они показали, что старость – это взаимодействие многих биологических, психологических и социальных процессов, и это оказывает множественный эффект на развитие. В то время когда активность одних функций ухудшается, в других функциях могут иметь место процессы развития и компенсации [4].

Организация, методы и методики исследования

Нами было проведено эмпирическое исследование роли общения в адаптации пожилых людей, проживающих в «ГКСУ АО Астраханский ДИПИ» (Государственное казенное социальное учреждения Астраханской области Астраханский дом-интернат для престарелых и инвалидов) с использованием методики Ю.М. Орлова «Потребность в общении» и Многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина. В нем приняли участие 85 человек – 28 мужчин и 57 женщин от 61 года до 74 лет. Подавляющее большинство обследуемых соглашалось взаимодействовать с психологом и относилось к процедуре психодиагностики положительно. Исследование было индивидуальным, пролонгированным, поэтапным, проводилось в течение двух дней, а затем через 6 месяцев. В первый день предлагалось выполнить обследование по методике Ю.М. Орлова «Потребность в общении». Во второй – по Многоуровневому личностному опроснику «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина. Согласно методике оказания социально- психологических услуг в «ГКСУ АО Астраханский ДИПИ» период адаптации пожилых людей к новым условиям жизнедеятельности длится в течение полугода. Весь этот период времени пожилые граждане находились под наблюдением, также осуществлялись беседы и психологическое сопровождение испытуемых.

Потребность в общении с себе подобными – одно из важнейших качеств нашей психики. Но степень выраженности этой потребности у разных людей неодинакова. Методика Ю.М. Орлова: «Потребность в общении» позволяет определить уровень этой потребности. Чем выше полученные показатели, тем сильнее человек стремится к дру-

гим людям, активнее идет на контакты, старается постоянно быть в окружении друзей, предпочитает трудиться в коллективе и т.п. [3].

Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) разработанный А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным, предназначен для оценки адаптационных возможностей личности с учетом социально-психологических и некоторых психофизиологических характеристик, отражающих обобщенные особенности нервно-психического и социального развития. Данный метод исследует адаптивные способности, нервно-психическую устойчивость, коммуникативные особенности, моральную нормативность [5].

Результаты исследования

На рис. 1 представлены результаты обследования испытуемых с учетом их пола по методике Ю.М. Орлова: «Потребность в общении». Выявлено, что женщины, проживающие в доме-интернате, имеют более высокую степень выраженности потребности в общении, чем мужчины. Данные таблицы 2 позволяют нам разделить испытуемых пожилых людей на 3 группы: 1-я – высокая степень выраженности потребности в общении, 2-я – средняя степень выраженности потребности в общении и 3-я – низкая выраженности потребности в общении.

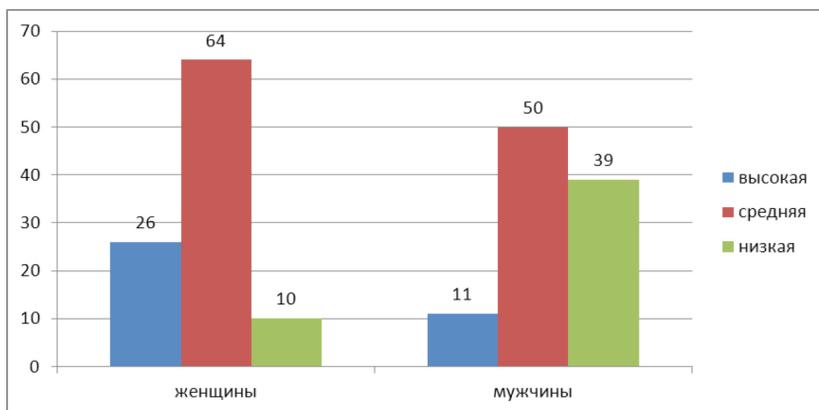

Рис. 1. Результаты обследования по методике «Потребность в общении» испытуемых пожилых людей с учетом их пола в процентном выражении (%)

Для дальнейшего исследования с помощью Многоуровневого личностного опросника «Адаптивность (МЛО-АМ)» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина интерес представляли две группы: 1) с высокой степенью выраженности потребности в общении; 2) с низкой степенью выраженности потребности в общении. Группа со средним уровнем далее не обследовалась, так как для выявления роли общения в адаптации пожилого человека к условиям жизни в стационаре средние показатели не являются информативными. Было установлено, что «Личностный адаптивный потенциал» в группе с высокой степенью выраженности потребности в общении у 85% пожилых людей проживающих в доме-интернате выше среднего, у 15% средний. То есть преобладают показатели выше среднего. Это говорит о том, что пожилые люди из этой группы обладают высокой и нормальной адаптивностью. Лица этих групп достаточно легко адаптируются к новым условиям жизнедеятельности, быстро входят в новый коллектив, достаточно легко и адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения; как правило, не конфликтны, обладают высокой эмоциональной устойчивостью.

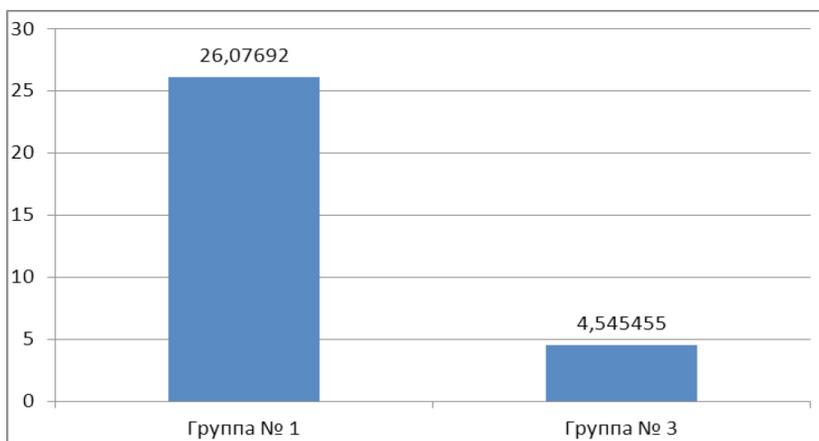
Так как «Коммуникативные способности» являются компонентом коммуникативной стороны общения [2], то, на наш взгляд, чрезвычайно важно было выявить связь этой шкалы со степенью выраженности потребности в общении. Для этого показатели коммуникативных способностей пожилых людей из группы с высокой степенью выраженности потребности в общении переводились в стены и далее вычислялся коэффициент корреляции Пирсона между стенами и показателями степени выраженности потребности в общении данной группы. Коэффициент корреляции Пирсона между показателями шкалы «Коммуникативные способности» и степенью выраженности потребности в общении в группе с высокой степенью выраженности потребности в общении составляет 0,637274 – почти высокую степень корреляции (0,7).

В группе с низкой степенью выраженности потребности в общении было проведено аналогичное исследование, которое показало, что «Личностный адаптивный потенциал», у 92% пожилых людей,

проживающих в ГКСУ Астраханский ДИПИ, ниже среднего, у 8% – средний. То есть значительно преобладают значения ниже среднего. Это говорит, о том, что лица этой группы обладают признаками явных акцентуаций характера и некоторыми признаками психопатий, а психическое состояние можно охарактеризовать, как пограничное. Возможны нервно-психические срывы. Пожилые люди этой группы обладают низкой нервно-психической устойчивостью, конфликтны, могут допускать асоциальные поступки. Требуют наблюдения психолога и врача (невропатолога, психиатра).

Значение коэффициента корреляции Пирсона между показателями шкалы «Личностный адаптивный потенциал» и степенью выраженности потребности в общении в группе с низкой степенью выраженности потребности в общении является положительным и составляет 0,677296 (соответствует высокой степени корреляции), что говорит о прямой зависимости «Личностного адаптивного потенциала» от степени выраженности потребности в общении.

Данные средних показателей степени выраженности потребности в общении в группах пожилых людей с высокой (группа № 1) и низкой (группа № 3) степенью выраженности потребности в общении представлены на рис. 2.

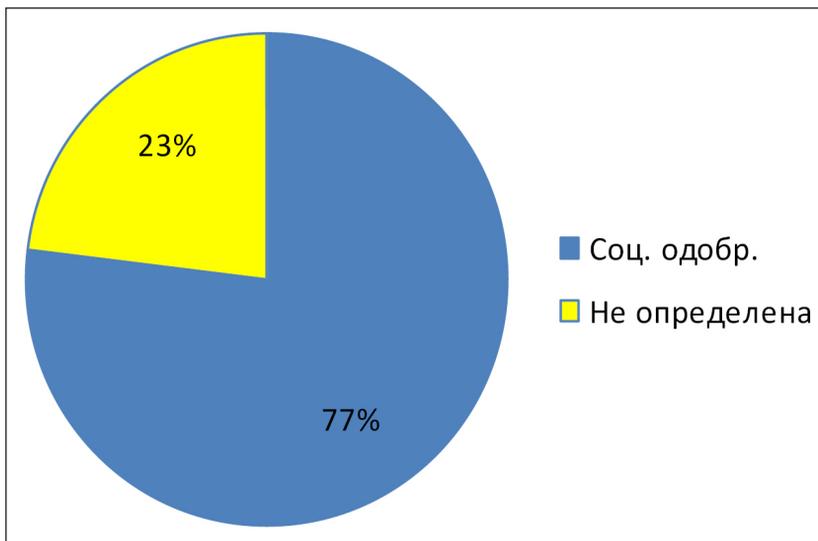
Рис. 2. Средние показатели в группах с высокой (группа № 1) и низкой (группа № 3) степенью выраженности потребности в общении

В группе с высокой степенью потребности в общении диагностируются высокие показатели Личностного адаптивного потенциала и коммуникативных способностей, а в группе с низкой степенью потребности в общении диагностируются низкие показатели Личностного адаптивного потенциала и коммуникативных способностей.

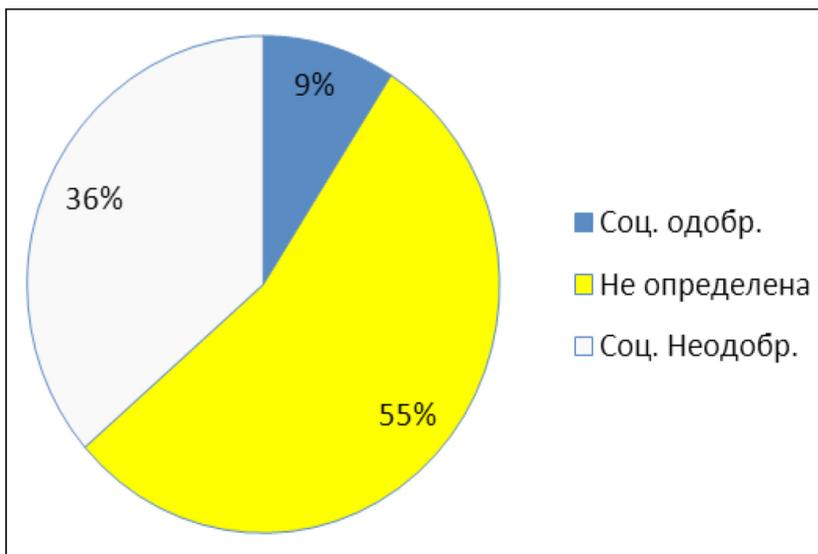
После первичной диагностики проживающие проходили период адаптации, под наблюдением психолога, который завершился через полгода после поступления пожилых людей в дом-интернат. По истечении этого времени мы провели индивидуальные беседы с обследуемыми пожилыми людьми с целью самоопределения их статусно-ролевой позиции. Также анализировались личные дела, медицинские карты, протоколы собраний.

Статус и роль входят в набор личностных характеристик индивида и взаимодополняют друг друга. Основным критерием при определении статуса коммуниканта является его позиция в социальной системе, определяемая по ряду признаков (экономических, профессиональных, этнических, семейно-возрастных и других). Статусные отношения постоянны в отличие от ролевых отношений, которые всегда соотнесены с ситуацией и варьируются вместе с ней. «Статусные параметры реализуются через ролевые отношения в определённой обстановке общения, что обуславливает необходимость обращения к ситуативному контексту. В процессе общения коммуниканты ориентируются не столько на саму социальную роль, сколько на её социальный статус, определяемый также как социальный престиж роли.

В качестве социально-одобряемых ролей выступали роли, подразумевающие любые формы активной общественной, творческой, трудовой деятельности. Пожилые граждане, входящие в культурно-бытовую комиссию и другие проживающие дома-интерната, приносящие общественную пользу, оценивались как исполняющие положительную роль. Таким образом, что в группе с высокой степенью потребности в общении 77% пожилых людей играют в социальной среде дома-интерната социально-одобряемые роли. У 23% роль не определена (см. рис.3).

Рис. 3. Статусно-ролевые позиции пожилых людей в группе с высокой степенью потребности в общении

Рис. 4. Статусно-ролевые позиции пожилых людей в группе с низкой степенью потребности в общении

На рис. 4 видна совершенно другая картина. В группе с низкой степенью потребности в общении социально-одобряемые роли играют только 9% пожилых людей проживающих дома-интерната. Более чем у половины обследуемых пожилых людей из этой группы – у 55% – роли не определены, и у существенной доли – 36% – присутствуют социально не одобряемые роли.

При обработке результатов с использованием непараметрического критерия U-Манна-Уитни выявлены достоверные, на высоком уровне значимости ($p \leq 0,01$), различия в группах с высокой и низкой степенью потребности в общении по показателям: инициативность, преобладающий эмоциональный фон, характер участия в действиях партнера, степень эмоциональной вовлеченности в действия партнера.

Заключение

В результате всего исследования установлено, что количество пожилых людей, исполняющих социально-одобряемые роли в социуме дома-интерната в группе с высокой степенью выраженности потребности в общении в 8,5 раз больше, чем в группе с низкой степенью выраженности потребности в общении.

Диагностируя степень выраженности потребности в общении, мы определили, что эта потребность у пожилых людей выражена не одинаково.

Нами были получены как очень высокие показатели, так и низкие, но 60% обследуемых пожилых людей имеет среднюю степень выраженности потребности в общении.

Адаптивные способности пожилых людей так же существенно различаются. Эти способности определяются суммой таких показателей как «Нервно-психическая устойчивость», «Коммуникативные способности» и «Моральная нормативность», причем степень выраженности потребности в общении взаимозависима и с адаптивными и с коммуникативными способностями.

Пожилые люди, проживающие в условиях стационара и имеющие высокую степень выраженности потребности в общении

имеют больше возможностей исполнить социально одобряемую роль в социуме дома-интерната, чем пожилой человек, имеющий низкую степень выраженности потребности в общении. Кроме того пожилые люди из группы с низкой степенью выраженности потребности в общении испытывают сложности с определением своей роли или играют социально неодобряемые роли.

У пожилых женщин, по сравнению с пожилыми мужчинами степень выраженности потребности в общении выше, а это значит, что пожилые женщины адаптируются в условиях стационара лучше, чем мужчины.

Полностью подтвердилась гипотеза исследования – пожилые люди, имеющие высокую степень выраженности потребности в общении, более успешно адаптируются в условиях стационара.

В итоге мы можем с уверенностью сказать, что общение как многофункциональный процесс – это «инструмент» для успешной адаптации и социализации пожилого человека в стационаре. От того, насколько умело человек воспользуется возможностями общения, будут зависеть его моральная нормативность, коммуникативные способности, нервно-психическая устойчивость, а от этих личных качеств, в свою очередь, зависит успешность адаптации пожилого человека в стационаре.

Список литературы

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Институт психологии РАН, 2006. 413 с.
2. Батаршев А.В. Диагностика способности к общению. СПб.: Питер, 2006. 176 с.
3. Грецов А.Г., Азбель А.А. Узнай себя. Психологические тесты для подростков. СПб.: Питер, 2006. 176 с.
4. Ермолаева М.В. К вопросу о потенциалах развития личности в старости // Мир психологии. 2008. № 2. С. 244–255.
5. Маклаков А.Г. Практическая психодиагностика. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. 640 с.

6. Палагина Н.Н. Психология развития и возрастная психология. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. 288 с.
7. Чавычалова В.В. Индивидуально-психологические особенности адаптации человека к старости. URL: <http://www.dslib.net/obwaja-psixologia/individualno-psihologicheskie-osobennosti-adaptacii-cheloveka-k-starosti.html> (дата обращения: 11.03.2018).
8. Чуева Е.Н. Психологические подходы к исследованию развития личности на поздних этапах онтогенеза. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs2/index-597279.html?page=32> (дата обращения: 05.02.2018).
9. Sheldon K.M. Creativity and self-determination in personality // *Creativity Research Journal*. 1995. Vol. 8, pp. 25–36.
10. Waterman A.S. Two conceptions of happiness: Contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 64, pp. 678–691.

References

1. Antsyferova L.I. *Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii* [Personality development and gerontopsychology problems]. М.: Institut psikhologii RAN, 2006. 413 p.
2. Batarshhev A.V. *Diagnostika sposobnosti k obshcheniyu* [Diagnosis of the ability to communicate]. SPb.: Piter, 2006. 176 p.
3. Gretsov A.G., Azbel' A.A. *Uznay sebya. Psikhologicheskie testy dlya podrostkov* [Know yourself. Psychological tests for teenagers]. SPb.: Piter, 2006. 176 p.
4. Ermolaeva M.V. *Mir psikhologii*. 2008. № 2, pp. 244–255.
5. Maklakov A.G. *Prakticheskaya psikhodiagnostika* [Practical psychodiagnosics]. Samara: Izdatel'skiy Dom «BAKhrAKh-M», 2001. 640 p.
6. Palagina N.N. *Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya* [Developmental and developmental psychology]. М., 2005. 288 p.
7. Chavychalova V. V. *Individual'no-psikhologicheskie osobennosti adaptatsii cheloveka k starosti* [Individual psychological characteristics of a person's adaptation to old age]. <http://www.dslib.net/obwaja-psixologia/>

- individualno-psihologicheskie-osobennosti-adaptacii-cheloveka-k-starosti.html
8. Chueva E.N. *Psikhologicheskie podkhody k issledovaniyu razvitiya lichnosti na pozdnikh etapakh ontogeneza* [Psychological approaches to the study of personality development in the late stages of ontogenesis]. <http://rudocs.exdat.com/docs2/index-597279.html?page=32>
  9. Sheldon K.M. Creativity and self-determination in personality. *Creativity Research Journal*. 1995. Vol. 8, pp. 25–36.
  10. Waterman A.S. Two conceptions of happiness: Contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 64, pp. 678–691.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Валиуллина Гульнара Гайсаевна, доцент кафедры общей и когнитивной психологии, кандидат психологических наук
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, г. Астрахань, Астраханская область,
414056, Российская Федерация
ullina2005@yandex.ru

Ермолаева Татьяна Николаевна, доцент кафедры общей и когнитивной психологии, кандидат медицинских наук
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, г. Астрахань, Астраханская область,
414056, Российская Федерация
ermolaevatn@mail.ru

Туйгунова Ирина Раисовна, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей, кандидат психологических наук
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, г. Астрахань, Астраханская область,
414056, Российская Федерация
skybeauty@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Valiullina Gulnara Gaisaevna, associate professor of Department of General and Cognitive Psychology, Ph.D. in Psychology
Astrakhan State University
20a, Tatyscheva St., Astrakhan, Astrakhan oblast, 414056, Russian Federation
ullina2005@yandex.ru

Ermolaeva Tatyana Nikolaevna, associate professor of Department of General and Cognitive Psychology, Ph.D. in Medicine, Docent
Astrakhan State University
20a, Tatyscheva St., Astrakhan, Astrakhan oblast, 414056, Russian Federation
ermolaevatn@mail.ru

Tuigunova Irina Raisovna, associate professor of Department of English for humanitarian specialties, Ph.D. in Psychology
Astrakhan State University
20a, Tatyscheva St., Astrakhan, Astrakhan oblast, 414056, Russian Federation
skybeauty@mail.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-105-115
УДК 159.9:796(045)

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ
СПОРТСМЕНОВ ВЫСОКОГО КЛАССА,
СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ В СИЛОВЫХ
ВИДАХ СПОРТА**

Власова В.П., Майдокина Л.Г.

***Цель.** В статье рассматривается проблема проявления психофизиологических состояний спортсменов высокого класса, специализирующихся в силовых видах спорта. Цель исследования – изучить особенности проявления психофизиологических состояний спортсменов высокого класса, специализирующихся в силовых видах спорта: тяжёлая атлетика и пауэрлифтинг. Комплексное исследование проведено на базе Регионального научно-практического центра физической культуры и здорового образа жизни МГПИ, в котором приняли участие спортсмены, специализирующиеся в тяжёлой атлетике и пауэрлифтинге, группы высшего спортивного мастерства, имеющие спортивные звания мастера спорта Российской Федерации, заслуженного мастера спорта, мастера спорта международного класса.*

***Метод или методология проведения работы.** В исследовании применялся комплекс методов, включающий: анализ и обобщение психологической и педагогической литературы; психологическое тестирование; педагогическое и психологическое наблюдения; эксперимент (констатирующий).*

***Результаты.** В результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности проявления психофизиологических состояний спортсменов высокого класса, специализирующихся в тяжёлой атлетике и пауэрлифтинге: спортсменам данной спортивной квалификации присуща ярко выраженная экстравертиро-*

ванность, средний уровень нейротизма, изменчивое настроение, низкий уровень реактивной тревожности, умеренный уровень выраженности личностной тревожности, слабая нервно-психическая напряженность. Общее функциональное состояние и работоспособность нервной системы достаточно высокие и стабильные, даже в условиях утомления в посттренировочный период.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы тренерами при планировании и организации индивидуальной траектории спортивной подготовки воспитанников.

Ключевые слова: спортсмен высокого класса; тяжелая атлетика; пауэрлифтинг; психофизиологические состояния; экстраверсия; интроверсия; нейротизм; реактивная тревожность; личностная тревожность; нервно-психическое напряжение; самочувствие; активность; настроение.

PECULIARITIES OF PSYCHO-PHYSIOLOGICAL STATE OF SPORTSMEN OF HIGH CLASS, SPECIALIZING IN ENDURANCE SPORTS

Vlasova V.P., Maydokina L.G.

Purpose. *The article deals with the problem of manifestation of psychophysiological States of high-class athletes specializing in power sports. The purpose of the study is to study the features of manifestation of psychophysiological States of high – class athletes specializing in power sports: weightlifting and powerlifting. A comprehensive study was conducted on the basis of the Regional scientific and practical center of physical culture and healthy lifestyle of MSPI, which was attended by athletes specializing in weightlifting and powerlifting, groups of higher sports skills with sports titles of master of sports of the Russian Federation, honored master of sports, master of sports of international class.*

The method or methodology of the work. *The study used a set of methods, including: analysis and generalization of psychological and*

pedagogical literature; psychological testing; pedagogical and psychological observation; experiment (ascertaining).

Results. *As a result of the study, the following features of the manifestation of psychophysiological States of high-class athletes specializing in weightlifting and powerlifting can be identified: athletes of this sports qualification are characterized by a pronounced extroversion, the average level of neuroticism, changeable mood, low level of reactive anxiety, moderate level of expression of personal anxiety, weak neuro-psychic tension. The General functional state and performance of the nervous system are quite high and stable, even in conditions of fatigue in the post-training period.*

The scope of the results. *The results of the study can be used by coaches in the planning and organization of individual trajectory of sports training of pupils.*

Keyword: *high-class athlete; weightlifting; powerlifting; psychophysiological States; extroversion; introversion; neuroticism; reactive anxiety; personal anxiety; neuropsychiatric stress; self-feeling; activity; mood.*

Введение

В настоящее время многочисленные международные спортивные соревнования демонстрируют недостаточную психологическую подготовку спортсмена. С уст тренеров и их воспитанников все чаще звучат фразы, что спортсмен не выдержал высокого психологического давления соперника, «эмоционально сгорел», недооценил возможности соперника, сформулировал неправильную установку на предстоящий старт и др. [7, с. 59].

Данная ситуация диктует необходимость проведения целенаправленных психолого-физиологических исследований, с целью определения эффективных способов и средств психофизиологической подготовки спортсменов с учетом вида спорта и спортивной квалификации.

Особое место в отечественных исследованиях отведено проблеме формирования психологии победителя спортсмена, которое

подразумевает набор психофизиологических характеристик личности, способствующих достижению высокого спортивного результата. Проведенное авторами эмпирическое исследование позволило определить основные личностные свойства, присущие спортсменам-победителям: активность, энергичность, коммуникабельность, старательность, добросовестность, сильный характер, настойчивость, ответственность, упорство, стойкость, решительность, настойчивость в достижении цели, стремление доминировать, желание выделиться [5, 10].

Анализ отечественных исследований в области спорта показал, что в настоящее время особое внимание в спорте высоких достижений уделено вопросам психологической подготовки спортсменов, а также комплексной психофизиологической диагностике с учетом спортивной квалификации и специализации [1, 2, 4, 6, 9].

Существенное влияние на достижение высокого спортивного результата оказывает психофизиологическое состояние спортсмена, и, в особенности, функциональное состояние центральной нервной системы.

По мнению Э. Р. Хакимова, важным фактором, обеспечивающим результативность тренировочного процесса и достижение высоких спортивных результатов, является уровень психического напряжения. Его основу составляет эмоционально-волевая сфера спортсмена, вегетативные механизмы, самочувствие, активность и настроение. При психическом перенапряжении достичь высоких спортивных результатов практически невозможно [8, с. 469].

Цель исследования – изучить особенности проявления психофизиологических состояний спортсменов высокого класса, специализирующихся в силовых видах спорта: тяжелая атлетика и пауэрлифтинг.

Материалы и методы

Комплексное исследование проведено на базе Регионального научно-практического центра физической культуры и здорового образа жизни МГПИ, в котором приняли участие спортсмены, специализирующиеся в тяжелой атлетике и пауэрлифтинге, группы высшего

спортивного мастерства, имеющие спортивные звания мастера спорта Российской Федерации, заслуженного мастера спорта, мастера спорта международного класса ГБУ РМ «Комплексная спортивная школа олимпийского резерва» г. Саранск [3, с. 15].

Общая численность выборки составила 10 человек, средний возраст – $22,8 \pm 1,31$ лет. Спортсмены, принявшие участие в исследовании, являются победителями и призерами крупнейших международных турниров по тяжелой атлетике и пауэрлифтингу. Вследствие этого такая выборка является вполне репрезентативной, так как выдающихся спортсменов в любом виде спорта около пяти процентов от всех, кто им занимается.

В соответствии с логикой исследования применялся комплекс методов исследования, включающий психологическое тестирование с помощью опросника Г. Айзенка, методик «Самочувствие, активность, настроение», «Шкала самооценки реактивной и личностной тревожности» (Ч. Спилберг), «Шкала нервно-психического напряжения» (Т.А. Немчин); исследование психофизиологических особенностей работоспособности и анализ функционального состояния центральной нервной системы проведен на аппаратно-программном комплексе «Здоровье-Экспресс» программного модуля СКУС (система контроля и управления стрессом) с помощью методик «Простая зрительно-моторная реакция» (ПЗМР), оценки общего функционального состояния, реакции различения предъявляемых стимулов, числа ошибок опережения.

Результаты исследования и их обсуждение

Проанализируем полученные данные диагностики. Согласно данным, полученным по опроснику Г. Айзенка, следует отметить, что всем спортсменам, участвующим в исследовании, присуща ярко выраженная экстрровертированность. Такие спортсмены характеризуются склонностью к широким социальным контактам, демонстративностью поведения. Данная выраженность свойств темперамента типична для спортсменов высокого класса, поскольку они являются победителями и призерами многочисленных турниров.

Также данный опросник исследовал такое свойство темперамента как нейротизм. Результаты диагностики показали, что у большинства спортсменов высокого класса (70%), специализирующихся в тяжелой атлетике и пауэрлифтинге, выявлен средний уровень нейротизма, у 30% респондентов выявлен умеренный уровень нейротизма.

Согласно данным, полученным по методике «Самочувствие, активность, настроение», следует отметить, что большинству спортсменам (60%) присуще изменчивое настроение, 40% респондентов оценивают свое настроение, активность и самочувствие как хорошее.

Данные, полученные с помощью методики «Шкала самооценки реактивной и личностной тревожности» (Ч. Спилберг) показывают, что у большинства спортсменов высокого класса (80%), специализирующихся в тяжелой атлетике и пауэрлифтинге выявлен низкий уровень реактивной тревожности, у 20% спортсменов, участвующих в эксперименте, выявлен умеренный уровень реактивной тревожности. Также данная методика направлена на диагностику личностной тревожности. Результаты исследования показали, что преимущественная часть спортсменов 60% характеризуются умеренным уровнем выраженности личностной тревожности, 40% респондентов имеют низкий уровень личностной тревожности.

Настоящее исследование также предполагает исследование нервно-психического напряжения спортсменов высокого класса. Данные, полученные по методике «Шкала нервно-психического напряжения» (Т.А. Немчин) показывают, что у всех респондентов, участвующих в эксперименте, диагностирована слабая нервно-психическая напряженность, которая характеризуется незначительно выраженным состоянием дискомфорта, психической активностью адекватной ситуации, готовностью действовать в соответствии с условиями ситуации.

Психофизиологическое исследование включало мониторинг общих показателей нейродинамических свойств нервной системы, отражающих функциональную работоспособность (возбудимость, лабильность, реактивность) головного мозга спортсменов высокого класса в начале и в конце тренировочных сборов (таблица 1).

Таблица 1.

Результаты психофизиологического исследования
спортсменов высокого класса

Показатели	Перед тренировочными сборами, $M_1 \pm m_1$	В конце тренировочных сборов, $M_2 \pm m_2$	P_{1-2}
ПЗМР, мс	142,39±4,89	157,29±7,09	<0,05
Функциональный уровень системы, с ⁻²	151,76±0,17	149,89±0,67	>0,05
Устойчивость реакций, с ⁻¹	9,01±0,97	8,09±0,41	>0,05
Уровень функциональных возможностей, с ⁻²	58,67±0,13	53,88±0,61	>0,05
Число ошибок опережения	0,56±0,76	2,14±0,11	<0,05

Примечание. Достоверность изменений: $-p < 0,05$.

Анализ значений мониторинга общего функционального состояния ЦНС спортсменов проведено в сравнении со средними величинами диагностических шкал. Полученные показатели свидетельствует о достаточно хорошей работоспособности нервной системы спортсменов перед тренировочными сборами. Незначительное равномерное снижение нейродинамических показателей после тренировочных сборов свидетельствует об утомлении и, одновременно, стабильности психофизиологических параметров у исследуемой группы спортсменов.

Заключение

В результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности проявления психофизиологических состояний спортсменов высокого класса, специализирующихся в тяжелой атлетике и пауэрлифтинге: спортсменам данной спортивной квалификации присуща ярко выраженная экстровертированность, средний уровень нейротизма, изменчивое настроение, низкий уровень реактивной тревожности, умеренный уровень выраженности личностной тревожности, слабая нервно-психическая напряженность.

Общее функциональное состояние и работоспособность нервной системы достаточно высокие и стабильные, даже в условиях утомления в посттренировочный период.

Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (МГПИ–ЮУрГГПУ). Тема: «Психофизиологическая характеристика индивидуально-типологических показателей работоспособности спортсменов».

Список литературы

1. Ахтариева Р.Ф., Жесткова Ю.К., Шапирова Р. Р., Шарифуллина С.Р. Исследование психофизиологических параметров у бадминтонистов // Теория и практика физической культуры. 2018. № 3. С. 21–23.
2. Бухарин В.А., Торшин Г.С., Улицкая Т.И., Куликов В.С., Афанасьева И.А., Ветош А.Н., Ткачук М.Г. Способы мониторинга и коррекции функционального состояния и работоспособности спортсменов в период тренировочной и соревновательной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2016. № 10. С. 68–71.
3. Власова В.П., Пожарова Г.В., Федотова Г.Г., Гераськина М.А. Обучение студентов методологии мониторинга функционального состояния здоровья обучающихся // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 3 (31). С. 14–20.
4. Германов Г.Н. Психофизиологические особенности в проявлении мышечной асимметрии у фехтовальщиков и теннисистов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 3 (121). С. 224–228.
5. Жуина Д.В., Зазыкин В.Г., Майдокина Л.Г. Психолого-акмеологические аспекты психологии победителя // Теория и практика физической культуры. 2015. № 4. С. 46–48.
6. Крикуха Ю.Ю. Психофизиологический статус квалифицированных борцов греко-римского стиля // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2015. № 3. С. 77–82.

7. Майдокина Л.Г., Кокурин А.В., Корнишина Р.В. Психологическая подготовка борцов греко-римского стиля на этапе высшего спортивного мастерства // Теория и практика физической культуры. 2018. № 6. С. 59–61.
8. Хахимов Э.Р. Изменение психофизиологических показателей и психоэмоционального состояния боксеров высокой квалификации на фоне применения Бос-технологий // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52-1. С. 463–469.
9. Шаяхметова Э.Ш., Хахимов Э.Р., Гайнуллина А.Ф., Линтварев А.П. Повышение эффективности системы психофизиологической подготовки высококвалифицированных боксеров // Теория и практика физической культуры. 2017. № 12. С. 56–58.
10. Zhuina D.V., Zazykin V.G., Maydokina L.G. Empirical Study of the Psychology of the Winner (On the Example of the Republic of Mordovia Athletes) // Modern Applied Science, 2015, No. 5, Vol. 9, pp. 211–218.

References

1. Akhtarieva R.F., Gestkova Y.K., Shapirova R.R., Sharifullina S.R. The Study of psychophysiological parameters of badminton players. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical culture]. 2018. № 3, pp. 21–23.
2. Bukharin A.V., Torshin G.S., Ulitskaya, T.I., Kulikov S.V., Afanaseva I.A., Vetosh A.N., Tkachuk M.G. Methods of monitoring and correction of functional state and working capacity of the sportsmen in the period of training and competition activity. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical culture]. 2016. № 10, pp. 68–71.
3. Vlasova V.P., Pozharova G.V., Fedotov G.G., Geraskina M.A. Teach students the methodology of monitoring of the functional status of the health of students. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and education]. 2017. № 3 (31), pp. 14–20.
4. Germanov G.N. Psychophysiological features in the manifestation of muscle asymmetry in fencers and tennis players. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific notes of the University]. P.F. Lesgaft. 2015. № 3 (121), pp. 224–228.

5. Zhuina D.V., Zazykin V.G., Maydokina L.G. Psychological and acmeological aspects of the psychology of a winner. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical culture]. 2015. № 4, pp. 46–48.
6. Krikukha Y.Y. Psychophysiological status of qualified Greco-Roman wrestlers. *Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika* [Physical culture, sport-science and practice]. 2015. № 3, pp. 77–82.
7. Maydokina L.G., Kokurin A.V., Kornishina R.V. Psychological preparation of the wrestlers of Greco-Roman wrestlers at the stage of higher sports skills. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical culture]. 2018. № 6, pp. 59–61.
8. Khakimov E.R. Changes in psychophysiological indicators and psycho-emotional state of highly qualified boxers against the background of Biofeedback Technologies. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2016. № 52-1, pp. 463–469.
9. Shayakhmetova E., Khakimov E.R., Gainullina A.F., Lintvarev A.P. Improving the efficiency of the system of psychophysiological training of highly qualified boxers. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical culture]. 2017. № 12, pp. 56–58.
10. Zhuina D.V., Zazykin V.G., Maydokina L.G. Empirical Study of the Psychology of the Winner (On the Example of the Republic of Mordovia Athletes). *Modern Applied Science*, 2015, No. 5, Vol. 9, pp. 211–218.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Власова Валентина Павловна, профессор кафедры физического воспитания и спортивных дисциплин, доктор медицинских наук, доцент

Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева

ул. Студенческая, 11а, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация

vvp1991@yandex.ru

Майдоккина Людмила Геннадьевна, доцент кафедры физического воспитания и спортивных дисциплин, кандидат психологических наук, доцент

Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева

ул. Студенческая, 11а, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация

lyda_maydokina84@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vlasova Valentina Pavlovna, Professor of Physical Education and Sports, Doctor of Medical Sciences, Associate Professor

Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev

11a, Studencheskaya Str., Republic of Mordovia, Saransk, 430007, Russian Federation

vvp1991@yandex.ru

Maydokina Ludmila Gennadievna, Associate Professor of Physical Education and Sports, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev

11a, Studencheskaya Str., Republic of Mordovia, Saransk, 430007, Russian Federation

lyda_maydokina84@mail.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-116-139

УДК 31 (316.334.52)

ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА: ОПЫТ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Горбачева Е.И., Губина Н.К., Натробица О.В.

В статье представлены результаты межпоколенческого анализа социального оптимизма и источников его сохранения в условиях регионального социума. Социальный оптимизм рассматривается как позитивное определение важнейших измерений социального бытия индивидов и их групп. Конкретизированы и представлены в специально разработанной анкете компоненты социального оптимизма – позитивное самочувствие, причастность к общественной жизни региона, удовлетворенность властью, вера в завтрашний день, позитивное отношение к переменам, позитивная оценка социальной инфраструктуры, удовлетворенность своим социальным окружением. Показано, что процесс развития социального оптимизма в поколенческих группах имеет свои особенности и поддерживается разными ресурсными характеристиками. В группе «дети перестройки» источниками сохранения и наращивания социального оптимизма служат интернальный локус контроля, региональная идентичность и социальный капитал. Для «детей нулевых» приобретают больший вес такие источники, как диспозиционный оптимизм и уровень экономических притязаний. В группе «дети застоя» важную роль играют информированность о положительных явлениях в жизни и реалистичность уровня экономических притязаний. Главными источниками оптимизма в группе «дети Победы» служат социальный капитал и региональная идентичность. Результаты проведенного исследования указывают, что выработка мер по формированию социального оптимизма должна опираться на дифференцированный подход, который должен учитывать: а) особенности выраженности компонентов социального оптимизма и их структуры в поколенческих группах; б) анализ конкретных источни-

ков, питающих оптимизм в поколенческих группах, и обеспечивающих сохранение его на оптимальном уровне.

Ключевые слова: *социальный оптимизм; межпоколенческий подход; источники оптимизма.*

SOURCES OF SOCIAL OPTIMISM: THE INTERGENERATIONAL ANALYSIS

Gorbacheva E.I., Gubina N.K., Natrobina O.V.

The article presents the results of the intergenerational analysis of social optimism and the sources of its preservation in the conditions of regional socium. Social optimism is viewed as a positive definition of the most important dimensions of the social life of individuals and their groups. The components of social optimism are formulated and presented in a specially designed questionnaire – positive self-image, involvement in community life, satisfaction with authorities, confidence in tomorrow, a positive attitude towards change, a positive assessment of social infrastructure, satisfaction with social environment. It is shown that the process of development of social optimism in generational groups has its own characteristics and is supported by different resource characteristics. In the group of “children of perestroika”, the sources of preservation and escalating social optimism are the internal locus of control, regional identity and social capital. For “children of 2000’s” acquire more weight such sources as dispositional optimism and the level of economic aspirations. In the “children of stagnation” group, awareness of positive events in life and the realistic level of economic claims play an important role. The main sources of optimism in the “Victory children” group are social capital and regional identity. The results of the study indicate that the development of measures for the formation of social optimism should be based on a differentiated approach, which should take into account: a) the features of the expression of the components of social optimism and their structure in generation groups; b) analysis of specific sources feeding optimism in generational groups.

Keywords: *social optimism; intergenerational analysis; sources of optimism.*

Обзор литературы

Понятие «оптимизм» было введено в научный оборот в середине восемнадцатого века немецким философом Г. Лейбницем. Во второй половине двадцатого века этот феномен начали изучать представители многих гуманитарных наук – антропологи [Л. Тайгер, 1995] психологи [К. Левин, Дж. Келли, Дж. Роттер], социологи. Наиболее глубоко проблемы социального оптимизма были рассмотрены в психологии, где сложились два основных подхода к анализу оптимизма. В психологии оптимизм рассматривается или как атрибутивный стиль, в когнитивных категориях, таких как цель, каузальная атрибуция или как диспозиционный оптимизм, связанный с категорией ожидания [3;4]. В настоящее время психологи исследуют оптимизм как часть психологического капитала или личностного потенциала, который представляет собой создание положительной установки, стремления следовать к успеху в настоящем и в будущем [5; 11;12;13]. В экономической психологии ученые выделили феномен необоснованного оптимизма (нереальный, смещенный или сравнительный оптимизм) [15]. Он представляет собой разницу между оценкой риска человеком для себя и оценкой риска, предложенной соответствующими объективными стандартами. Необоснованный оптимизм проявляется также при сравнении себя с другими в неоправданно благоприятном свете. В качестве причин могут быть рассмотрены мотивационные факторы, желание уменьшить ущерб, или когнитивные процессы, склонность к позитивному смещению, эгоцентрическое мышление или чрезмерное использование эвристики репрезентативности [10, с. 142].

Современные российские психологи в своих исследованиях оптимизма опираются на сложившиеся в зарубежной психологии подходы и теории таких ученых, как М. Селигмен, Ч. Шейер, М. Карвер [6, 9, 14].

В отечественной социологии оптимизм начал изучаться еще в СССР конце 1920-х, начале 30-х годов, затем в 60-е годы интерес к нему возродился в рамках советской эмпирической социологии [7]. В качестве индикатора оптимизма использовались показатели,

связанные с удовлетворенностью нынешней ситуацией: работой, семьей, досугом, действиями власти и др. В настоящее время проблемы социального оптимизма в российской социологии рассматривают такие ученые как Е.В. Балицкий [1], С.К. Боташова [2], Темницкий [8].

Постановка задачи

Проведенное нами исследование рассматривает социальный оптимизм с позиций межпоколенческого подхода, что позволяет расширить знания об источниках социального оптимизма.

Оперирование понятием «*социальный оптимизм*» как ключевым конструктом исследования потребовало его дополнительного пояснения и обоснования. Термин «социальный оптимизм» конвенционально употребляется для обозначения уровня удовлетворенности актуальным и ожидаемым благополучием, для оценки общего позитивного восприятия жизни у индивидов и их групп. Соответственно, выделяются показатели, отражающие как удовлетворенность нынешней ситуацией (работа, семья, досуг и пр.), так и отношение к ожидаемому будущему. Этот последний показатель, характеризующий «веру в завтрашний день», получил самое широкое распространение вследствие его регулярного использования для измерения индексов социальных настроений в общероссийских и региональных социологических опросах.

В настоящем исследовании социальный оптимизм рассматривается в более широком концептуальном ключе. Это вера в эффективность социальных преобразований и готовность в них участвовать, видение будущего своего региона, себя, свою семью, свой бизнес в этом будущем.

Среди *показателей социального оптимизма* будут рассмотрены следующие. «*Эмоциональный настрой*» отражает доминирующую эмоцию (радость, удовлетворение, надежду, гнев, отчаяние), испытываемую индивидами в отношении собственного будущего. Показатель «*позитивные ожидания*» характеризует содержание временной перспективы, ее наполняемость приятными событиями. Показатель

«причастность к общественной жизни региона» раскрывает широкий спектр планируемых индивидом действий по улучшению жизни (в форме социального предпринимательства, электорального поведения, гражданской активности и пр). Показатель «удовлетворенность властью» отражает веру в эффективность власти и ее способность позитивно влиять на актуальный и перспективный уровни общественной жизни. Показатель «вера в завтрашний день» раскрывает возможность индивида увидеть себя, свою семью, свое дело, свое территориальное образование в будущем и принять это будущее как желанное и осуществимое. Показатель «позитивное отношение к переменам» указывает на готовность принять и одобрить осуществляющиеся нововведения в социальной и экономических сферах. Показатель «удовлетворенность социальной инфраструктурой» свидетельствует о степени переживаемого комфорта в повседневных условиях жизни в своем городе (или селе). Показатель «социальное самочувствие» традиционно рассматривается как индикатор благополучия и счастья индивида, результат наиболее полного удовлетворения своих фундаментальных потребностей в качестве члена социальной общности. И, наконец, показатель «удовлетворенность социальным окружением» свидетельствует о позитивном восприятии среды межличностного взаимодействия.

Под источником социального оптимизма понимаются такие ресурсные характеристики индивида, которые обеспечивают оптимальный уровень социального оптимизма, сохраняя и поддерживая его. В качестве одного из ведущих источников может выступить так называемый *диспозиционный оптимизм*. Это стабильная личностная характеристика, отражающая позитивные ожидания индивида относительно будущего и его готовность реагировать на трудности и неудачи в адаптивной манере, увеличивая усилия и настойчивость при стремлении достичь цели.

Другим источником социального оптимизма может служить внутренний *локус контроля*, свидетельствующий об интернальной атрибуции ответственности. Те, кто осознает преимущественно собственную ответственность за судьбу более инициативны и рас-

считывают, в первую очередь, на собственные усилия в достижении поставленной цели.

В число источников, поддерживающих оптимизм, правомерно включить *социальный капитал*, а именно способность устанавливать доверительные и взаимовыгодные связи как внутри своей общности, так и за ее пределами.

Информированность о положительных явлениях жизни является таким ресурсом, который обеспечивает заинтересованный информационный обмен между индивидом и социальной средой.

Региональная идентичность как приверженность месту своего проживания, местный патриотизм может рассматриваться как несомненно мощный источник, «питающий» социальный оптимизм.

Такой источник социального оптимизма, как *уровень экономических притязаний* характеризует масштаб и степень трудности достижения целей, которые ставит перед собой индивид в отношении повышения своего благосостояния или осуществления потребительских практик. Близкий к высокому и высокий уровни притязаний расширяют пространство целеполагания, наполняют его аффективно заряженными смыслами.

Реалистичность притязаний как источник социального оптимизма действует противоположным образом, а именно помогает ему держаться в оптимальных границах. Благодаря этому минимизируется опасность резкого падения оптимизма в неожиданно изменившихся и неблагоприятных экономических и политических условиях.

В данной статье представлены результаты социологического исследования источников социального оптимизма. В качестве исходного методологического принципа построения исследования был взят *поколенческий подход*. Под «поколением» здесь имеется в виду совокупность людей, родившихся в определенном интервале времени. За точку отсчета границ поколения принимается историческое событие, оставшееся в памяти данного поколения.

Методическую основу исследования составил анализ социального оптимизма четырех поколенческих групп. Дадим их краткую характеристику.

Воздействие советского менталитета на характеристики общественного сознания наиболее ярко выражены у старшего поколения (старше 60 лет). Их личностные диспозиции были сформированы институциональными условиями СССР и опирались на приоритет общественных ценностей над индивидуальными.

У поколения (40–60 лет) личностные диспозиции на начальном этапе (советский период) формировались под воздействием институциональных норм социалистического общества, но сила их была значительно ослаблена внешней декларативностью провозглашаемых ценностей, утратой веры в идеалы коммунистического будущего.

Поколение, которому сейчас от 26-ти до 40 лет, формировалось под массивным воздействием ценностей рыночной экономики. Главной ценностью выступало материальное обогащение. Этические нормы утратили свое значение, оказалось размыто различие между добром и злом.

Период первичной социализации группы 18–25 лет пришелся на первое десятилетие XXI века. Главными факторами, повлиявшими на характеристики общественного сознания представителей этой группы, стали сужение сферы гражданского общества, рост коррупции, декларирование амбициозных проектов и экономических целей на фоне уменьшения возможности для самореализации, распространение ценностей общества массового потребления

На основе указанных выше критериев нами были выделены четыре поколенческие группы для исследования социального оптимизма: «дети Победы» (старше 61 года), время рождения – 1945–1950 гг., время реализации поколения – 1970–1985 гг.; «дети застоя» (41–60 лет), время рождения – 1960–1970 гг., время реализации поколения – 1985–2000 гг.; «дети перестройки» (25–40 лет), время рождения – 1980–1985, время реализации поколения – 2005–2015 гг., «дети нулевых» время рождения – 1987–1992 гг., время реализации 2012–2027 гг.

Проверке подлежали следующие исследовательские гипотезы.

1. Уровень социального оптимизма будет по-разному представлен в различных поколенческих группах: более высокий уро-

вень социального оптимизма покажет старшая молодежная группа «дети перестройки», самый низкий уровень – «дети Победы».

2. Каждая из поколенческих групп обладает своеобразной структурой социального оптимизма.
3. Характер зависимости социального оптимизма от различных источников будет иметь свои особенности в каждой из поколенческих групп.
4. Для каждой поколенческой группы может быть выявлен свой состав источников социального оптимизма.

Проверка этих гипотез потребовала решения следующих задач.

1. Определение феномена социального оптимизма.
2. Обоснование показателей и источников социального оптимизма.
3. Разработка методических инструментов на основе выделенных конструктов.
4. Проведение опроса на выборочной совокупности представителей четырех поколений.
5. Выявление источников формирования социального оптимизма в различных поколенческих группах

Описание исследования

Характер поставленных задач определил содержание и основные шкалы специально разработанной исследовательской методики. Анкета включает следующие шкалы: шкала показателей социального оптимизма; шкала источников социального оптимизма; Анкета содержит 115 вопросов, позволяющих получить необходимую для анализа информацию о показателях социального оптимизма: «эмоциональный настрой», «позитивные ожидания», «планы на будущее», «гражданская активность», «электоральная активность», «протестная активность», «социальная предприимчивость», «вклад в создание институциональной инфраструктуры», «социальное самочувствие», «уровень удовлетворенности властью», «удовлетворенность социальным окружением», «информационная активность», «вера в за-

взрашний день», «позитивное отношение к изменениям», «уровень удовлетворенности социальной инфраструктурой».

Следующая шкала анкеты позволила получить информацию об источниках социального оптимизма: «диспозиционный оптимизм», «информированность о положительных явлениях жизни», «региональная идентичность (местный патриотизм)», «локус контроля», «социальный капитал», «уровень экономических притязаний», «реалистичность притязаний».

Была сформирована выборочная совокупность. Численность каждой из субгрупп составляла 125 человек. Объем выборки был достаточен для выявления влияния как внутренних условий, так и внешних детерминант, определяющих специфику проявления социального оптимизма.

Перейдем к обсуждению результатов исследования социального оптимизма поколенческих групп.

Анализ среднегрупповых показателей социального оптимизма продемонстрировал следующее.

1. В поколенческих группах «дети нулевых», «дети перестройки» и «дети застоя» проявился умеренный позитивный настрой. У представителей этих групп преобладают такие эмоции как радость, надежда, удовлетворение. Исключением является группа «дети Победы», где часто встречаются упоминание об «обиде» и «отчаянии».
2. Показатель «позитивные ожидания» имеет самые высокие оценки в первой и второй группах, самые низкие – в четвертой группе. Надо отметить, что эта группа («дети Победы»), оказалась самой неоднородной по степени выраженности этого показателя (величина минимальных и максимальных значений и дисперсии здесь значительно отличаются от аналогичных величин в других поколенческих группах).
3. В отношении показателя «причастность к общественной жизни» все группы продемонстрировали одинаково невысокие результаты, при этом наименьшую веру в позитивные изменения и желание что-то изменить в своем окружении показали «дети нулевых».

4. Средние показатели «социального самочувствия» лежат в зоне умеренно высоких результатов и значимо не различаются, представители практически всех поколенческих групп связывают свои положительные эмоции с семейными отношениями. Более пессимистическими у респондентов всех субгрупп являются мысли о жилищных условиях и материальном положении.
5. Оценка показателя «удовлетворенность властью» в составе социального оптимизма оказалась наиболее противоречивой. Уверенность в эффективности областной власти продемонстрировала только группа «дети застоя», представители остальных поколенческих групп были настроены более критично в своих оценках по этому показателю, особенно это проявилось в группе «дети нулевых».
6. Показатель «вера в завтрашний день» получил неоднозначную оценку в субгруппах. Наибольшей уверенностью в перспективах положительных изменений в краткосрочном периоде отличались две молодежные группы, их оценки оказались значимо выше по сравнению с оценками этого показателя представителями старших поколений.
7. Оценка показателя «позитивное отношение к изменениям» (имеется в виду изменение облика городов, районных центров, поселков), «нововведения в социальной и экономической сферах» оказалась практически одинаково выраженной во всех поколенческих группах. Наибольший разброс в оценках выявлен в молодежной выборке «дети нулевых», что свидетельствует о неоднородности адаптационного ресурса данной субгруппы.
8. Ни одна из поколенческих групп не продемонстрировала высокую или хотя бы умеренную удовлетворенность социальной инфраструктурой. Наименьший оптимизм вызвали сфера ЖКХ, здравоохранение и система дошкольного образования.
9. Во всех поколенческих группах показатели удовлетворенности социальным окружением находятся в зоне умеренно высоких результатов. Более критичными в отношении своего социального окружения оказались представители группы «дети Победы».

Среднегрупповые показатели указывают на тенденции в межпоколенческих различиях в уровне социального оптимизма. Эти данные требуют дополнительного изучения и анализа. Для этого мы сочли необходимым расширить применяемые способы оценивания.

Информационно более ёмкими могли, на наш взгляд, стать такие из них, как:

- 1) индекс оценок социального оптимизма, указывающий вектор, в котором формируется субъективное отношение к социальной действительности (этот вектор может быть как положительным, указывающим на наличие социального оптимизма, или отрицательным, свидетельствующим о негативном восприятии действительности – пессимизме).
- 2) способ оценивания, направленный на раскрытие величины и структурных особенностей социального оптимизма в каждой из групп; такие оценки проводились путем подсчета только доли положительных ответов по каждому из показателей оптимизма.
- 3) способ оценивания, позволяющий агрегировать результаты измерения оптимизма и пессимизма в каждой из поколенческих групп. Для этого необходимо получить частное от деления численности (%) в группе оптимистов на пессимистов. Если в числителе показателя (количество оптимистов) значение выше единицы, то это означает преимущественное тяготение данной группы к позитивному видению условий и возможностей своих перспектив в конкретных видах жизнедеятельности, значение меньше единицы свидетельствует о тяготении группы к пессимистическому видению социальной действительности. *Таким образом, возможно установить не только интегральную величину оптимизма/пессимизма в subgroupах, но и определить её выраженность для конкретных видов оптимизма.*

Можно увидеть, что наибольший разрыв между поколениями наблюдается по показателю «вера в завтрашний день». Наиболее оптимистично смотрят в свое будущее «дети перестройки». Боль-

шинство из них верят, что в ближайшие 1,5–2 года их доходы возрастут, они улучшат свои жилищные условия, приобретут товары длительного пользования, в том числе бытовую технику, поедут на отдых. На другом полюсе, в группе «дети Победы» царит глубокий пессимизм, абсолютное большинство опрошенных живут в страхе перед завтрашним днем. Относительно невысокие показатели «веры в завтрашний день» у «детей нулевых», что объясняется особым местом представителей этой группы в жизненном цикле семьи. Но по такому показателю, как вера в повышение дохода, они находятся на первом месте среди поколенческих групп; эти гипотетические деньги они направят, судя по ответам, на покупку новой одежды и обуви и поездку на отдых.

Группа «дети застоя» смотрят в будущее с весьма сдержанным оптимизмом. В повышение своего дохода верит примерно одна треть респондентов.

Показатель «причастность к общественной жизни» находится в зоне отрицательных оценок во всех поколенческих группах. Особенно велика неприязнь ко всякого рода общественным мероприятиям у респондентов «детей нулевых».

Несколько меньшие показатели отчужденности от общественной жизни демонстрируют группы «дети перестройки» и «дети застоя», что происходит, главным образом за счет более активного участия в выборах: более половины опрошенных из этих групп участвует в выборах в органы власти различных уровней).

Пять показателей, а именно: «социальное самочувствие», «удовлетворенность властью», «позитивное отношение к изменениям», «удовлетворенность социальной инфраструктурой», «удовлетворенность социальным окружением» у всех поколенческих групп находятся в зоне позитивного принятия. Наиболее высокие показатели социального самочувствия демонстрирует поколенческая группа «дети перестройки». Позитивные чувства – радость, удовлетворение, надежда – связаны у респондентов этой группы прежде всего с мыслями о семье, здоровье, о своей работе, о своем материальном положении, о городе, в котором они живут.

Самые низкие показатели эмоционального настроения имеет группа «дети Победы». Преобладание позитивных оценок над негативными здесь совсем небольшое. Негативные чувства – отчаяние и обиду – за то, что не заслужили они права на спокойную и обеспеченную старость испытывает почти половина респондентов – нет у них ни нормального жилья, ни нормального дохода, да и семья далеко не всегда приносит радость. В группах «дети нулевых» и «дети застоя» показатели эмоционального настроения несколько ниже, чем у «детей перестройки», но почти вдвое выше, чем у пожилых респондентов. Наиболее позитивные мысли у юной молодежи связаны с проведением досуга, у респондентов группы «дети застоя» – с профессиональной деятельностью и с городом, в котором они живут, а вот отрицательные мысли вызывает у многих представителей этих групп состояние своего здоровья.

Показатель «позитивное отношение к изменениям» демонстрирует примерно равный уровень положительных оценок у всех поколенческих групп. Респонденты почти единодушны в положительном отношении к благоустройству дворов и детских площадок, ремонту и открытию храмов, проведению различных культурных и спортивных мероприятий, проведению сельскохозяйственных ярмарок, покрытию тротуаров плиткой, ремонту дорог. Довольно близки позиции респондентов в неприятии таких явлений, как скупка земли москвичами, использование труда иностранных рабочих.

Оценка показателя «удовлетворенность социальной инфраструктурой» находится в зоне умеренно низких позитивных оценок. Относительно высокая оценка этого параметра у юной молодежи и «детей застоя», самая низкая – у пожилых людей

Оценка показателя «удовлетворенность властью» варьирует от 58% позитивных оценок у «детей застоя» до 10% таких оценок у «детей нулевых».

Оценка показателя «удовлетворенность своим социальным окружением» находится на рассматриваемом рисунке в зоне умеренно низких положительных оценок. Своим социальным окружением в наибольшей степени удовлетворены «дети перестройки» и «дети

застоя», более низкие оценки имеют «дети Победы», значительная часть юной молодежи разочарована в своем непосредственном окружении.

Задачей следующего этапа исследования выступило изучение структурных характеристик социального оптимизма в изучаемых поколенческих группах.

Если принять максимально возможную величину социального оптимизма у респондентов за 900% (100% умножить на 9 измеряемых показателей), то в группе «дети нулевых» общий показатель составит 72,2%. До «идеального» оптимиста юной молодежи не достаёт 17,2%. Вместе с тем структура социального оптимизма в этой группе деформирована.

Величина социального оптимизма в группе «дети перестройки» составляет 44,1% от максимально возможной. Наибольший дефицит имеют «удовлетворенность властью» и «причастность к общественной жизни региона».

Совокупная величина социального оптимизма в группе «дети застоя» составляет 45,8%, что практически не отличается от значений второй группы. Вместе с тем структура социального оптимизма в этой группе является более сбалансированной.

Совокупная величина социального оптимизма в группе «дети Победы» составляет 31,8% от максимально возможной, это значительно меньше, чем у группы юной молодежи. Основные «провалы» в этой группе наблюдаются в сферах «позитивные ожидания», «эмоциональный настрой» и «вера в завтрашний день».

Корреляционный анализ (по Пирсону) установил, что величины корреляционных коэффициентов, указывающих на связи между измеряемыми параметрами социального оптимизма, варьируют в достаточно широких пределах, от значимых отрицательных до тесных положительных, и эта закономерность проявилась во всех поколенческих группах. Вместе с тем число значимых связей (здесь учитывается уровень значимости не менее чем $p=0,05$) возрастает, и в самой старшей поколенческой группе число значимых положительных корреляционных связей равно 14.

Корреляционный паттерн показателей социального оптимизма в группе «дети нулевых» невелик и объединяет только три показателя). В группе «дети перестройки» этот паттерн расширяется, в него входят, помимо вышеупомянутых параметров, также «позитивное отношение к изменениям». Число достоверных корреляционных связей несколько возрастает, но по-прежнему остается достаточно много показателей, которые функционируют в структуре социального оптимизма автономно.

В поколенческой группе «дети застоя» в паттерн социального оптимизма не входит лишь показатель «удовлетворенность властью». Показатель «удовлетворенность социальной инфраструктурой» функционирует несколько независимо, будучи связан только с «социальным самочувствием».

Наиболее богат корреляционными связями и зависимостями паттерн социального оптимизма у поколенческой группы «дети Победы». Здесь все параметры в той или иной мере взаимосвязаны. Это единственная группа, где показатель «удовлетворенность властью» находится во взаимной зависимости с «социальным самочувствием», «позитивными ожиданиями» и с «позитивным отношением к изменениям».

Следует учитывать, что если показатели оптимизма автономны и функционируют независимо, вне их общей структуры, то это, с одной стороны затрудняет влияние на них (как сдерживающих, так и продвигающих) факторов. Каждый из таких автономно функционирующих показателей социального оптимизма будет нуждаться в особом воздействии, которое, в свою очередь, может оказаться неэффективным для других, не связанных с ним параметров.

С другой стороны, автономное существование большинства показателей и малые по объему его паттерны свидетельствуют о том, что оптимизм формируется и функционирует как закрытая система. Одним из следствий этого, к примеру, является свойственный юной молодежи «оптимистический фатализм»: «мы верим, что будем жить лучше», «мы верим, что деньги нас сами найдут», мы верим что «завтра будет лучше, чем вчера». Напротив, связанность, когерентность показателей социального оптимизма указывает на то, что параметры, входящие в единую структуру, легко поддаются внешнему воздей-

ствию, и изменение даже одного показателя (позитивного или негативного), может вызвать прирост или уменьшение как оптимизма, так и пессимизма в целом.

Для определения «точек роста», в которых осуществляется наращивание оптимизма, наиболее информативными являются характеристики источников социального оптимизма.

Рассмотрим данные, раскрывающие силу и характер зависимости (она определялась корреляционным анализом по Пирсону) конкретных показателей социального оптимизма от их возможных источников. Как и ожидалось, в наибольшей степени социальный оптимизм связан с диспозиционным оптимизмом как стабильной личностной характеристикой, отражающей позитивные ожидания субъекта в отношении будущего. Это не случайно, поскольку диспозиционный оптимизм тесно связан с факторами здоровья, жизнестойкости, адаптивности личности к стрессам. Умеренно высокую зависимость демонстрирует социальный оптимизм юной молодежи от такого источника, как «информированность о положительных явлениях жизни». В умеренной зависимости находятся показатели социального оптимизма респондентов этой группы от источников «региональная идентичность», «социальный капитал» и «уровень экономических притязаний». В данной группе не подтвердилась демонстрируемая в социологических исследованиях связь социального оптимизма и интернального «локус-контроля».

Тот факт, что оптимизм молодых питается из многих источников, объясняет высокий уровень оптимизма в этой группе по целому ряду измерений. Так, «уровень экономических притязаний» подпитывает эмоциональный настрой, позитивные ожидания и веру в завтрашний день. Можно сказать, что желание разбогатеть, прорваться в верхние слои общества греет души юной молодежи и придает ей силы.

Обратимся к источникам социального оптимизма в следующей группе.

В группе «дети перестройки» уровень социального оптимизма демонстрирует меньшую зависимость от анализируемых источников. Здесь проявляется такая тенденция: наибольший вес имеет ин-

тернальный «локус контроля», а именно готовность полагаться на себя. Умеренная зависимость существует между социальным оптимизмом и такими источниками, как «региональная идентичность» и «социальный капитал». Напротив, источники «диспозиционный оптимизм» и «уровень экономических притязаний», столь важные для «детей нулевых» не играют никакой роли в развитии социального оптимизма у респондентов этой группы.

Свои особенности имеет формирование социального оптимизма в группе «дети застоя». В качестве его основного источника выступает «социальный капитал», важную роль играет также «информированность о положительных явлениях в жизни». Гораздо меньший вклад в развитие оптимизма вносит такой источник, как «локус контроля», слабая «подпитка» идет от источников «региональная идентичность» и «диспозиционный оптимизм». Источник «уровень экономических притязаний», связан с показателями оптимизма иначе, чем это имеет место в группе «детей нулевых»: отсутствие ориентированности на успех, напротив, повышает уровень оптимизма в этой группе.

Главными источниками оптимизма в группе «дети Победы» выступают «социальный капитал» и «информированность о положительных явлениях в жизни». Существенно способствуют наращиванию социального капитала такие источники, как «диспозиционный оптимизм» и «региональная идентичность», а вот «локус контроля» и «уровень экономических притязаний» в этой группе практически «не работают», как это имеет место в других субгруппах.

Заключение

Исследование показало, что источники социального оптимизма в различных поколенческих группах существенно различаются.

- а) особенности структуры социального оптимизма в различных поколенческих группах, в частности необходимо выделять в этой структуре такие параметры, которые наиболее открыты для воздействия, а значит, влияя на эти параметры можно обеспечить наибольшую эффективность изменений социального оптимизма как целого;

- б) анализ конкретных источников, питающих оптимизм в поколенческих группах, и обеспечивающих сохранение его на определенном, оптимальном уровне;
- в) анализ совокупности конкретных факторов, детерминирующих изменения в уровне социального оптимизма, учет специфического характера их влияния в различных поколенческих группах.

Наиболее восприимчивой для управления социальным оптимизмом является группа «дети Победы». На это указывает, прежде всего, характеристика структуры их оптимизма, ключевыми звеном которой является показатель «удовлетворенность властью». Оказывая на него воздействие, можно изменять все остальные, тесно сопряженные с ним параметры. Актуализируя факторы «доверие к власти» и «наличие работы», можно производить желаемые изменения уровня социального оптимизма.

«Подпитка» со стороны источников «информированность о положительных явлениях жизни» и «социальный капитал» путем более активного включения представителей этой группы в социум определяет устойчивое наращивание их социального оптимизма. Вместе с тем, такой значимый для сохранения и повышения уровня социального оптимизма источник, как «информированность о положительных явлениях», чаще всего блокируется и не выполняет свою развивающую роль в данной группе.

Для повышения социального оптимизма в поколенческой группе «дети застоя» необходимо обеспечить постоянное действие таких его источников, как «социальный капитал» и «позитивное отношение к изменениям», а также использовать фактор «доверия к власти», который определяет сохранение в этой группе довольно высокого уровня социального самочувствия и оптимистичного отношения к будущему. Целесообразно способствовать развитию в этой группе социального предпринимательства, создавать условия для большей вовлеченности представителей этой группы в процессы происходящих в городе и области социально-экономические изменения.

Наибольшие трудности управления социальным оптимизмом обнаружены в поколенческой группе «дети перестройки». Пока-

затели социального оптимизма здесь выше, чем в других группах, но возможности их наращивания ограничены. Доминирующим в связке видов социального оптимизма в этой группе является «модернизационный оптимизм». В структуре оптимизма единственным открытым для воздействия звеном является здесь «позитивное отношение к переменам». Из этого следует, что воздействовать на оптимизм этой группы можно через вовлеченность её представителей в процесс нововведений. Следует учитывать и то, что значительным источником формирования оптимизма в этой группе является «региональная идентичность», поэтому важно усилить связь этой группы с местным социумом и активно воздействовать на формирование чувства принадлежности к «земле Калужской». Не последнюю роль в сохранении оптимизма и его наращивании играет интернальный локус контроля, который значимо отличает «детей перестройки» от представителей более старших поколений. Культивируя ответственность, самостоятельность и инициативность представителей данной группы, можно обеспечить развитие этого важного личностного ресурса, способствующего сохранению оптимального уровня социального оптимизма.

Проявления социального оптимизма в группе «дети нулевых» оказались не столь демонстративными, как в группе зрелой молодежи («дети перестройки»). Это, на наш взгляд, связано с особенностями структуры социального оптимизма юной молодежи: большинство её параметров функционируют автономно, и, соответственно, оказываются под воздействием разных, порою противоречивых, факторов. Вместе с тем, многообразный характер источников, непосредственно способствующих приращению социального оптимизма у юной молодежи, свидетельствует о том, что существуют возможности для роста социального оптимизма и влияния на этот рост. Наиболее перспективными, в данном случае, являются такие источники, как «региональная идентичность», «информированность о позитивных явлениях в жизни», «социальный капитал» и «уровень экономических притязаний». Включенность в социальные сети, расширение межличностных контактов в различных сферах обще-

ственной жизни, готовность к постановке амбициозных задач могут сыграть позитивную роль в формировании оптимизма у молодежи.

Среди факторов, детерминирующих большинство параметров социального оптимизма в данной группе, главную роль играет «свободное предпринимательство». Сила его детерминирующего воздействия для поколения «дети нулевых» несравненно высока по сравнению с другими поколенческими группами. Именно создание условий для экономического и социального предпринимательства может обеспечить стабильное повышение уровня социального оптимизма в группе «дети нулевых».

Список литературы

1. Балацкий Е.В. Роль оптимизма в инновационном развитии экономики // Общество и экономика. 2010. №1. С. 3–20.
2. Боташева Ш.Х. Социальный оптимизм молодежи в контексте современных социальных процессов Социокультурные трансформации в молодежной среде на рубежах XX и XXI веков. Сборник научных трудов // Материалы международной научно-практической конференции. Невинномысск, 2006, 332 с.
3. Крюкова Т.Л. Оптимизм/пессимизм в совладающем поведении субъекта: межпоколенческий аспект // Психологическое исследование: теория, методология, практика: Сборник материалов II Сибирского психологического форума. 30 ноября-1 декабря 2007 г. Томск: Томский государственный университет, 2007. С. 236–242.
4. Крюкова Т.Л., Замышляева М.С. Адаптация методики измерения диспозиционного оптимизма/пессимизма // Психологическое исследование: теория, методология, практика: Сборник материалов II Сибирского психологического форума. 30 ноября – 1 декабря 2007 г. Томск: Томский государственный университет, 2007. С. 548–552.
5. Муздыбаев К. Оптимизм и пессимизм личности // Социологические исследования. 2003. №12. С. 87–96.
6. Селигман Мартин Э.П. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / Перев. с англ. М.: Издательство «София», 2006.

7. Сычев О.А. Психология оптимизма: учебно-методическое пособие к спецкурсу. Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008.
8. Темницкий А.Л. Социокультурные факторы оптимизма современной молодежи России // Социологические науки и социальная практика 2016, №4. С. 19–35.
9. Carver C.S. Optimism / C.S. Carver, M.F. Scheier // Handbook of Positive Psychology / Eds. Snyder C.R., Lopez S.J. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2002, pp. 231–243.
10. Harris A.J. L., U. Hahn. Unrealistic Optimism About Future Life Events: A Cautionary Note // Psychological Review. 2011. Vol. 118. №1. 135–154.
11. Held B.S. The tyranny of the positive attitude in America: Observation and Speculation // Journal of clinical psychology. Vol 58(9), pp. 965–992, 2002.
12. Norem J.K. The Positive Power of Negative Thinking: Using Defensive Pessimism to Harness Anxiety and Perform at Your Peak. New York: Basic Books. 2002. 248 p.
13. Peterson C., Steen T.A. Optimistic explanatory style // Handbook of Positive Psychology / Eds. Snyder C.R., Lopez S.J. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2002, pp. 244–256.
14. Sheier M.F. Coping with stress: Divergent strategies of optimists and pessimists / M.F. Sheier, J.K. Weintraub, C.S. Carver // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 51, pp. 1257–1264.
15. Weinstein N.D. Unrealistic optimism about future life events // Journal of Personality and Social Psychology. V. 39. №5. 1980, pp. 806–820.

References

1. Balatskiy E.V. *Obshchestvo i ekonomika*. 2010. №1, pp. 3–20.
2. Botasheva Sh.Kh. Social optimism of youth in the context of modern social processes Socio-cultural transformations in the youth environment at the turn of the twentieth and twenty-first centuries. Collection of scientific papers. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Materials of the international scientific-practical conference]. Nevinnomyssk, 2006, 332 p.
3. Kryukova T.L. *Psikhologicheskoe issledovanie: teoriya, metodologiya, praktika: Sbornik materialov II Sibirskogo psikhologicheskogo foruma*.

- 30 noyabrya – 1 dekabrya 2007 g [Psychological research: theory, methodology, practice: Collected materials of the II Siberian psychological forum. November 30 – December 1, 2007]. Tomsk, 2007, pp. 236–242.
4. Kryukova T.L., Zamyshlyayeva M.S. *Psikhologicheskoe issledovanie: teoriya, metodologiya, praktika: Sbornik materialov II Sibirskogo psikhologicheskogo foruma. 30 noyabrya-1 dekabrya 2007 g* [Psychological research: theory, methodology, practice: Collection of materials of the 2nd Siberian Psychological Forum]. Tomsk, 2007, pp. 548–552.
  5. Muzdybaev K. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2003. №12, pp. 87–96.
  6. Seligman Martin E.P. *Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyy vzglyad na schast'ye i smysl zhizni* [New Positive Psychology: A Scientific View on Happiness and the Meaning of Life]. M.: Izdatel'stvo «Sofiya», 2006.
  7. Sychev O.A. *Psikhologiya optimizma: uchebno-metodicheskoe posobie k spetskursu* [Psychology of optimism: a teaching aid to the special course]. Biysk: BPGU im. V.M. Shukshina, 2008.
  8. Temnitskiy A.L. *Sotsiologicheskie nauki i sotsial'naya praktika* 2016, №4, pp. 19–35.
  9. Carver C.S., Scheier M.F. Optimism. *Handbook of Positive Psychology* / Eds. Snyder C.R., Lopez S.J. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2002, pp. 231–243.
  10. Harris A.J. L., U. Hahn. Unrealistic Optimism About Future Life Events: A Cautionary Note. *Psychological Review*. 2011. Vol. 118. №1. 135–154.
  11. Held B.S. The tyranny of the positive attitude in America: Observation and Speculation. *Journal of clinical psychology*. Vol 58(9), pp. 965–992, 2002.
  12. Norem J.K. The Positive Power of Negative Thinking: Using Defensive Pessimism to Harness Anxiety and Perform at Your Peak. New York: Basic Books. 2002. 248 p.
  13. Peterson C., Steen T.A. Optimistic explanatory style. *Handbook of Positive Psychology* / Eds. Snyder C.R., Lopez S.J. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2002, pp. 244–256.
  14. Sheier M.F., Weintraub J.K., Carver C.S. Coping with stress: Divergent strategies of optimists and pessimists. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 51, pp. 1257–1264.

15. Weinstein N.D. Unrealistic optimism about future life events. *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 39. №5. 1980, pp. 806–820.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Горбачева Елена Игоревна, заведующий кафедрой философии,
доктор психологических наук, профессор
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
ул. Степана Разина, 26, г. Калуга, Калужская область, 248023,
Российская Федерация
rectorat@tksu.ru

Губина Наталья Константиновна, доцент кафедры экономики,
кандидат экономических наук, доцент
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
ул. Степана Разина, 26, г. Калуга, Калужская область, 248023,
Российская Федерация
rectorat@tksu.ru

Натробиная Ольга Владиславовна, доцент кафедры экономики,
кандидат экономических наук, доцент
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
ул. Степана Разина, 26, г. Калуга, Калужская область, 248023,
Российская Федерация
rectorat@tksu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gorbacheva Elena Igorevna, Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Psychological Sciences, Professor
Kaluga State University
26, Stepan Razin st., Kaluga, Kaluzhskaya oblast, 248023, Rus-
sian Federation
rectorat@tksu.ru

Gubina Natalya Konstantinovna, Associate Professor of the Department of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Kaluga State University

26, Stepan Razin st., Kaluga, Kaluzhskaya oblast, 248023, Russian Federation

rectorat@tksu.ru

Natrobina Olga Vladislavovna, Associate Professor of the Department of Economics, Ph.D. in Economics, Associate Professor

Kaluga State University

26, Stepan Razin st., Kaluga, Kaluzhskaya oblast, 248023, Russian Federation

rectorat@tksu.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-140-151

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ НА ЭТАПЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кудашкина О.В.

Целью данной статьи является исследование профессионально-ценностных ориентаций будущих педагогов на этапе высшего образования.

Метод или методология проведения работы. В статье был использован комплекс методов исследования, включающий: теоретический анализ психолого-педагогической литературы; диагностические методики – «Изучение ценностных ориентаций» (М. Рокич), «Изучение профессионально-ценностных ориентаций педагога» (О.В. Кудашкина).

Результаты работы. Новизна исследования состоит в том, что на основе анализа научных работ конкретизировано содержание понятия «профессионально-ценностные ориентации будущего педагога», выделены типы профессионально-ценностных ориентаций педагога, подобраны и апробированы психодиагностические методики для изучения профессионально-ценностных ориентаций будущих педагогов. В работе представлены результаты экспериментального исследования, которые, во-первых, показало, что среди терминальных ценностей у будущих педагогов преобладают индивидуальные ценности и ценности профессиональной самореализации, а среди инструментальных – этические ценности и ценности общения, во-вторых, у испытуемых высок процент лиц, обладающих средним и высоким уровнями развития профессионально-ценностных ориентаций.

Область применения результатов. Материалы статьи могут быть использованы в учебно-воспитательном процессе педагогического вуза, а также в процессе профессиональной переподготовки педагогических кадров.

Ключевые слова: ценности; ценностные ориентации; профессионально-ценностные ориентации; будущие педагоги; профессиональное образование.

RESEARCH OF PROFESSIONAL AND VALUABLE ORIENTATIONS OF FUTURE TEACHERS AT THE STAGE OF THE HIGHER EDUCATION

Kudashkina O.V.

The purpose of this article is the research of professional and valuable orientations of future teachers at a stage of the higher education.

Method or methodology of carrying out work. In article the complex of methods of a research including has been used: theoretical analysis of psychology and pedagogical literature; diagnostic techniques – “Studying of valuable orientations” (M. Rokich), “Studying of professional and valuable orientations of the teacher” (O.V. Kudashkina).

Results of work. The novelty of the research lies in the fact that on the basis of the analysis of scientific works the content of the concept “professional and value orientations of the future teacher” is concretized, the types of professional and value orientations of the teacher are identified, psychodiagnostic methods for the study of professional and value orientations of future teachers are selected and tested. In work results of pilot study which, first, have shown that among terminal values at future teachers concrete and individual values prevail, and among tool – ethical values and values of communication are presented, secondly, at examinees the percent of the persons possessing average and high the levels of development of professional and valuable orientations is high.

Scope of results. Materials of article can be used in teaching and educational process of pedagogical higher education institution and also in the course of professional retraining of pedagogical shots.

Keywords: values; valuable orientations; professional and valuable orientations; future teachers; professional education.

Введение

В современных условиях развития общества происходит модернизация российской системы высшего профессионального образования. В связи с этим одной из основных задач высшей школы является организация образовательного процесса в направлении формирования компетентного специалиста. Это связано, прежде всего, с увеличением спроса на высококвалифицированных специалистов во всех сферах, в том числе и в образовательной.

Для эффективной подготовки будущих педагогов к реализации профессиональной деятельности нужны не только компетенции, сформированные в процессе вузовского обучения, но и такие черты личности, как гуманность, инициативность, способность творчески мыслить и искать нестандартные пути решения педагогических проблем.

Особая роль в профессиональном становлении будущих педагогов принадлежит профессионально-ценностным ориентациям, поскольку они отражают систему установок, характеризующих отношение личности к профессии, к детям и самому себе как профессионалу. Поэтому нужно уделить особое внимание процессу содержательного наполнения ценностных ориентаций будущих педагогов как основы его подготовки к обучению и воспитанию детей дошкольного возраста и учащихся общеобразовательных школ. Ориентация на профессиональные ценности является важнейшим условием его самоопределения, профессионального роста и самореализации.

Обзор литературы

Категории «ценности», «ценностные ориентации», «профессионально-ценностные ориентации» являются междисциплинарными и рассматриваются рядом наук: философией (Аристотель, Платон, Сократ, Г. Лотце, М. Шелер, Дж. Дьюи и др.), социологией (А.Н. Максимов, А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов и др.), педагогикой (В.А. Сластенин, Е.Н. Шиянов, И.Ф. Исаева и др.) и психологией (Д.А. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн, Г.М. Андреева и др.). В их содержании выделяются существенные отличия.

Понятие «ценностные ориентации» в отечественной психологии понимаются через понятия отношения, отражения, установки (А.Г. Здравомыслов, Д.Н. Узнадзе, В.А. Ядов и др.).

Относительно профессиональной деятельности чаще используется термин «профессионально-ценностные ориентации». Для нашего исследования особое значение имеет определение Ю.В. Варданян, Н.А. Вдовиной, которые определяют их как «систему значимых устойчивых установок, убеждений, предпочтений, на основе которых выстраиваются избирательные отношения к субъектам образовательного процесса и профессиональной деятельности» [3, с. 76].

Анализ научных работ отечественных психологов позволил определить сущность понятия «профессионально-ценностные ориентации будущего педагога», под которыми мы понимаем систему особо значимых духовно-нравственных, личностных, социальных и профессиональных установок, которые закладываются, закрепляются на этапе высшего образования в процессе учебной деятельности и оказывают существенное влияние на формирование личности выпускника.

Теоретический анализ литературы показывает, что в последние годы проводятся международные исследования ценностей и ценностных ориентаций личности: исследование индивидуальных и личностных ценностей (L. Parks-Leduc, G. Feldman & A. Bardi, 2015) [16], исследования социальных ценностей (M.J. Manfredi, J.T. Bruskotter, T. Teel, L. Sullivan, 2016) [14], исследование трудовых ценностей (C. Consiglio, L. Borgogni, R. Cenciotti, S.H. Schwartz, 2016) [13]; исследование основных личностных ценностей в юношеском возрасте (M. Vecchione, S.H. Schwartz, G. Alessandri, M.G. Caprara, 2016) [15]; формирование ценностей в подростковом и юношеском возрасте (A.K. Döring, E. Daniel & A. Knafo-Noam, 2016) и др.

С 2000 по 2017 г. появились работы отечественных ученых, посвященные проблеме формирования и развития профессионально-ценностных ориентаций студентов, педагогов: формирование профессиональных ценностей у будущих специалистов социальной сферы (И.Ю. Менщикова, 2008) [9], изучение профессиональных ценностей учителя безопасности жизнедеятельности (С.А. Лабутина, 2009) [7], исследование становления профессионально-цен-

ностных ориентаций у будущих педагогов дошкольного образования (А.С. Андрионина, 2013) [1], исследование социальных профессиональных ценностей будущих педагогов профессионального обучения (А.И. Тоцкая, 2015) [11] и др.

В настоящее время проблема, связанная с аксиологической подготовкой будущих педагогов является предметом исследования преподавателей ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева» (МГПИ), которыми в 2007–2018 гг. выполнен ряд работ в этом направлении:

- выявлены психологические условия развития профессионально-ценностных ориентаций будущих педагогов; разработан и внедрен в образовательный процесс курс «Психология профессионально-ценностного развития педагога» для студентов направления подготовки «Педагогическое образование» (Н.А. Вдовина, 2007) [3];
- исследованы ценностные ориентации будущих педагогов; разработана и апробирована психологическая модель развития профессионально-ценностных ориентаций будущего педагога дошкольного образования (О.В. Кудашкина, 2010) [5];
- разработана программа развития ценностных ориентаций будущих психологов в период производственной практики (Т.В. Савинова, Е.И. Бирюлева, 2016) [10];
- выявлены педагогические условия формирования ценностных основ профессионального самосознания будущих педагогов (В.В. Акамов, Т.И. Шукшина, 2015) [12];
- исследована проблема духовно-нравственного воспитания личности педагога (Е.А. Мартынова, Н.И. Еналеева, 2016) [8];
- исследованы профессиональные ценностные ориентации у будущих учителей физической культуры в области безопасности жизнедеятельности (В.В. Акамов, Т.И. Шукшина, Е.Е. Карпова, 2017) [4];
- исследовано отношение студентов факультета физической культуры к ценностям в области безопасности жизнедеятельности (Е.Е. Афонина, В.В. Акамов, Т.И. Шукшина, 2018) [2] и др.

Итак, в последние годы увеличилось количество научных публикаций, посвященных исследованию ценностных ориентаций

(профессионально-ценностных ориентаций) личности будущих педагогов, поскольку эта проблема является актуальной для современного образования.

Методы исследования

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева». В эксперименте приняли участие студенты 3–4 курсов направления подготовки «Педагогическое образование», профили «Музыка. Дошкольное образование», «Начальное образование» в количестве 52 человек. Для изучения профессионально-ценностного развития будущих педагогов были использованы следующие методики:

- «Изучение ценностных ориентаций» (М. Рокич);
- «Изучение профессионально-ценностных ориентаций педагога» (О.В. Кудашкина) [5].

Результаты и дискуссия

Рассмотрим данные изучения терминальных инструментальных ценностей будущих педагогов по методике М. Рокича.

Среди терминальных ценностей преобладающими являются конкретные личностные ценности: «здоровье» (30%), «любовь» (18%), «материально обеспеченная жизнь» (10%), «наличие хороших и верных друзей» (9%), «развлечение» (8%), «счастливая семейная жизнь» (5%). Выраженная направленность на личностные и индивидуальные ценности говорит о том, что будущие педагоги заботятся о своем здоровье, ценят любовь, заботу друзей, наличие семьи, дома, что может обеспечить их психологический комфорт в обществе.

Ниже рангом расположились ценности, связанные с самореализацией в будущей педагогической деятельности: «интересная работа» (4%), «активная деятельность» (3,5%), «жизненная мудрость» (3%), «познание» (2,5%), «общественное признание» (2,5%), «продуктивная жизнь» (1,5%). Ориентация на эту группу ценностей говорит о том, что студенты вовлечены в сферу труда, взоры их направлены в будущее и все происходящее в настоящем связано, в первую очередь, с надеждами на успех.

Незначимыми оказались абстрактные ценности: «счастье других» (0,5%), «творчество» (0,3%), «красота природы и искусства» (0,2%).

В иерархии инструментальных ценностей преобладающими оказались этические ценности и ценности общения: «воспитанность» (20%), «высокие запросы» (15%), «жизнерадостность» (13%), «честность» (11 %). Незначительными оказались такие индивидуалистические ценности как «твердая воля» (0,5 %) и «непримиримость к недостаткам в себе и других» (0,3%), а также ценность принятия других людей – «терпимость» (0,2%).

На втором этапе были исследованы профессиональные ценностные ориентации у будущих педагогов. На основе классификаций ценностей И.Ф. Исаева, Е.Н. Шиянова, В.А. Слостенина, В.И. Андреевой был разработан и апробирован опросник «Изучение профессионально-ценностных ориентаций педагога». Респондентам предлагалось оценить степень развития своих профессионально-ценностных ориентаций.

На втором этапе были исследованы профессиональные ценностные ориентации будущих педагогов. Для этого в работе был использован опросник «Изучение профессионально-ценностных ориентаций педагога» (О.В. Кудашкина). На основе классификаций ценностей И.Ф. Исаева, Е.Н. Шиянова, В.А. Слостенина, В.И. Андреевой были выделены типы профессионально-ценностных ориентаций педагога: духовно-нравственные (любовь и доброта к детям, гуманность, душевная щедрость, моральная чистота, высокий уровень общей культуры и нравственности, наличие духовных потребностей и интересов и др.), личностные (эмпатия, справедливость, оптимизм, эмоциональная отзывчивость, уравновешенность и др.), профессиональные (профессиональная эффективность, профессиональный рост, творческая самореализация, возможность овладения новыми методами и технологиями обучения и воспитания детей и др.) и социальные (престиж педагогической деятельности, общественное признание результатов педагогического труда, социальная значимость педагогического труда, возможность общения с интересными людьми, родителями, коллегами и др.). Респондентам предлагалось оценить наличный уровень развития своих профес-

сионально-ценностных ориентаций и наметить пути дальнейшей целенаправленной работы по их развитию.

Анализ исходных данных показал, что у 40,4% испытуемых высокий уровень ориентации на духовно-нравственные ценности, у 55,8% – средний, у 3,8% – низкий.

Результаты по шкале «ориентация на личностные ценности» у 36,5% будущих педагогов выявлен высокий уровень, у 57,7% – средний, у 5,8% – низкий.

По шкале «ориентация на профессиональные ценности» выяснилось, что 26,9% испытуемых имеют высокий уровень развития, у 63,5% – средний, у 9,6% – низкий.

Высокий уровень ориентации на социальные ценности выявлен у 36,5% будущих педагогов, средний уровень у 57,7%, низкий уровень обнаружен у 5,8%.

Следует отметить, что у большинства опрошенных сформированы профессионально-ценностные ориентации и лишь у незначительной части исследуемых выявлен низкий уровень.

Заключение

1. Теоретический анализ психолого-педагогической литературы позволил конкретизировать содержание понятия «профессионально-ценностные ориентации педагога», под которыми мы понимаем систему особо значимых духовно-нравственных, личностных, социальных и профессиональных установок, которые закладываются, закрепляются на этапе высшего образования в процессе учебной деятельности и оказывают существенное влияние на формирование личности выпускника.
2. Проведенное экспериментальное исследование, во-первых, показало, что среди терминальных ценностей у будущих педагогов преобладают индивидуальные ценности и ценности профессиональной самореализации, а среди инструментальных – этические ценности и ценности общения, во-вторых, у испытуемых высок процент лиц, обладающих средним и высоким уровнями развития профессионально-ценностных ориентаций.

3. Учет выявленных в ходе диагностики особенностей профессионально-ценностного развития будущих педагогов позволит спроектировать организацию учебно-воспитательного процесса, что позволит добиться более высоких результатов на этапе высшего образования.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ» и МГПИ им. М.Е. Евсевьева) по теме «Современные технологии развития профессионально-ценностных ориентаций будущих педагогов на этапе высшего образования» (руководитель – О.В. Кудашкина, доцент кафедры психологии).

Список литературы

1. Андрюнина А.С. Формирование профессиональных ценностей у будущих педагогов дошкольного образования: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2013. 22 с.
2. Афонина Е.Е., Шукшина Т.И., Акамов В.В. Отношение студентов факультета физической культуры к ценностям в области безопасности жизнедеятельности // Теория и практика физкультуры. 2018. № 6. С. 21–22.
3. Вдовина Н.А. Профессионально-ценностное развитие будущего педагога // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 4 (4). С. 75–77.
4. Карпова Е.Е., Акамов В.В., Шукшина Т.И. Профессионально-ценностные ориентации у будущих учителей физической культуры в области безопасности жизнедеятельности // Проблемы современного педагогического образования . 2017. № 11. С. 15–17.
5. Кудашкина О.В. Развитие ценностных ориентаций педагога дошкольного образования на этапе вузовского обучения: Дис. ... канд. психол. наук. Саранск, 2010. 189 с.
6. Кудашкина О.В. Особенности развития ценностных ориентаций педагога дошкольного образования на этапе вузовского обучения // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал. 2011. № 4. С. 79–82.

7. Лабутина С.А. Формирование профессиональных ценностей учителя безопасности жизнедеятельности в педагогическом вузе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2009. 24 с.
8. Мартынова Е.А., Еналеева Н.И. Духовно-нравственное воспитание личности педагога в образовательном пространстве // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 4. С. 26–30.
9. Менщикова И.Ю. Формирование профессиональных ценностей у будущих специалистов по социальной работе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2008. 28 с.
10. Савинова Т.В., Бирюлева Е.И. Проектирование программы развития ценностных ориентаций будущих психологов в образовательном пространстве педагогического вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 5 (109). С. 38–42.
11. Троцкая А.И. Формирование социально-профессиональных ценностей будущих педагогов профессионального обучения: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2015. 24 с.
12. Шукшина Т.И., Акамов В.В. Педагогические условия формирования ценностных основ профессионального самосознания студентов факультета физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2015. № 8. С. 17–19.
13. Consiglio C., Borgogni L., Cenciotti R., Schwartz S.H. The WVal: A New Measure of Work Values Article (PDF Available) // Journal of Career Assessment. 2016. 25 (3). S. 405–422. <https://doi.org/10.1177/1069072716639691>
14. Döring A.K., Daniel E., & Knafo-Noam A. Introduction to the special section Value development from middle childhood to early adulthood – new insights from longitudinal and genetically informed research // Social Development. 2016. 25(3). S. 471–481.
15. Manfredo M.J., Bruskotter J.T., Teel T., Sullivan L. Why social values cannot be changed for the sake of conservation Article (PDF Available) // Conservation Biology. 2016. – <https://doi.org/10.1111/cobi.12855>
16. Vecchione M., Schwartz S. H, Alessandri G., Caprara M. G. Stability and change of basic personal values in early adulthood: An 8-year longitudinal study Article (PDF Available) // Journal of Research in Personality. 2016. 63. S. 111–122. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2016.06.002>

17. Parks-Leduc L., Feldman G., & Bardi A. Personality traits and personal values: A meta-analysis. *Personality and Social Psychology Review*, 2015. 19(1), 3–29.

References

1. Andryunina A.S. *Formirovanie professional'nykh tsennostey u budushchikh pedagogov doshkol'nogo obrazovaniya* [Formation of professional values of future teachers of preschool education]. Ekaterinburg, 2013. 22 p.
2. Afonina E.E., Shukshina T.I., Akamov V.V. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2018. № 6, pp. 21–22.
3. Vdovina N.A. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2010. № 4 (4), pp. 75–77.
4. Karpova E.E., Akamov V.V., Shukshina T.I. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2017. № 11, pp. 15–17.
5. Kudashkina O.V. *Razvitie tsennostnykh orientatsiy pedagoga doshkol'nogo obrazovaniya na etape vuzovskogo obucheniya* [Development of value orientations of the teacher of preschool education at the stage of higher education]. Saransk, 2010. 189 p.
6. Kudashkina O.V. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2011. № 4, pp. 79–82.
7. Labutina S.A. *Formirovanie professional'nykh tsennostey uchitelya bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti v pedagogicheskom vuze* [Formation of professional values of life safety teacher in pedagogical University]. Moscow, 2009. 24 p.
8. Martynova E.A., Enaleeva N.I. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2016. № 4, pp. 26–30.
9. Menshchikova I.Yu. *Formirovanie professional'nykh tsennostey u budushchikh spetsialistov po sotsial'noy rabote* [Formation of professional values of future specialists in social work]. Ekaterinburg, 2008. 28 p.
10. Savinova T.V., Biryuleva E.I. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2016. № 5 (109), pp. 38–42.
11. Trotskaya A.I. *Formirovanie sotsial'no-professional'nykh tsennostey budushchikh pedagogov professional'nogo obucheniya* [Formation of social and professional values of future teachers of vocational training]. Omsk, 2015. 24 p.
12. Shukshina T.I., Akamov V.V. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2015. № 8, pp. 17–19.

13. Consiglio C., Borgogni L., Cenciotti R., Schwartz S. H. The WVal: A New Measure of Work Values Article (PDF Available). *Journal of Career Assessment*. 2016. 25 (3). P. 405–422. <https://doi.org/10.1177/1069072716639691>
14. Döring A.K., Daniel E., & Knafo-Noam A. Introduction to the special section Value development from middle childhood to early adulthood—new insights from longitudinal and genetically informed research. *Social Development*. 2016. 25(3), pp. 471–481.
15. Manfreda M.J., Bruskotter J.T., Teel T., Sullivan L. Why social values cannot be changed for the sake of conservation Article (PDF Available). *Conservation Biology*. 2016. <https://doi.org/10.1111/cobi.12855>
16. Vecchione M., Schwartz S. H, Alessandri G., Caprara M.G. Stability and change of basic personal values in early adulthood: An 8-year longitudinal study Article (PDF Available). *Journal of Research in Personality*. 2016. 63. S. 111–122. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2016.06.002>
17. Parks-Leduc L., Feldman G., & Bardi A. Personality traits and personal values: A meta-analysis. *Personality and Social Psychology Review*, 2015. 19(1), 3–29.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кудашкина Ольга Васильевна, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук
Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева
ул. Студенческая, 13, г. Саранск, Республика Мордовия, 430007, Российская Федерация
kudashkinao@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kudashkina Olga Vasilevna, Associate Professor of the Department of Psychology, Candidate of Psychological Sciences
Mordovia State Pedagogical Institute
13, Studencheskaya Str., Saransk, Republic of Mordovia, 430007, Russian Federation
kudashkinao@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6792-6068

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-152-166

УДК 159.923+316.6

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И АДАПТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВЫГОРАЮЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Малышев И.В.

Основная цель исследования: изучение характеристик стрессоустойчивости и адаптационных составляющих личности инспекторов-профайлеров с разными проявлениями выгорания. Представлен теоретический обзор проблемы эмоционального выгорания, стрессоустойчивости и адаптации личности. Отражена актуальность исследования на примере специалистов в области безопасности, взаимодействующих и адаптирующихся в сложных условиях деятельности.

Методы психодиагностического исследования: опросник эмоционального выгорания В.В.Бойко, опросник адаптации и стрессоустойчивости А.Г. Маклакова, опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда. Статистическая обработка данных: методика сравнения двух независимых выборок (*t*-критерий Стьюдента).

Результаты работы: Определено, что адаптационные характеристики личности, ее устойчивость к стрессам влияют на уровень выгорания испытуемых-профайлеров, в целом на формирование синдрома. Установлены статистически значимые различия параметров адаптации и стрессоустойчивости личности у специалистов с высокими и низкими проявлениями эмоционального выгорания.

Применение результатов: психологическое сопровождение сотрудников в сложных (экстремальных) условиях деятельности, подготовка программ социально-профессиональной адаптации,

рекомендаций, направленных на профилактику дезадаптации личности и повышающих ее стрессоустойчивость, адаптационные возможности.

Вывод: У значительного числа специалистов-профайлеров (более 50%) обнаружены характеристики негативного проявления синдрома эмоционального выгорания и в целом превышение его уровня. Прослеживается зависимость между уровнем адаптивности личности, ее стрессоустойчивости и соответствующими проявлениями эмоционального выгорания у специалистов, взаимодействующих в сложных условиях деятельности. Эффективная индивидуальная и социально-психологическая адаптация и хорошая резистентность к стрессам снижает риск возникновения выгорания.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; социально-психологическая адаптация; адаптационные составляющие личности; стрессоустойчивость личности.

STRESS RESISTANCE AND ADAPTIVE CAPABILITIES OF THE PERSON OF BURNING OUT SPECIALISTS IN DIFFICULT CONDITIONS OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Malyshev I.V.

The main aim of the research: study the characteristics of distress tolerance and adaptation parameters of personality of inspectors-profilers with different burnout appearances. The theoretical analysis of the burnout, distress tolerance and the personality adaptation is outlined. The actuality of the investigation is shown on the example of the specialists in the domain of safety cooperating and adapting under complicated conditions of activity.

Methods of the psychological investigation: the questionnaire of emotional burnout of V.V. Boyko, the questionnaire of adaptation and distress tolerance of A.G. Maklakov, the questionnaire of social-psychological adaptation by K. Rodgers and R. Diamond. Systematical pro-

cessing of the dates: method of comporizon for two independent random (t-criteria of Student).

Results of the work: *It is discovered that the adaptive characteristics of personality influence the burnout level of the probationers, in general the forming of the syndrome. Statistically significant differences between the adaptation parameters and distress tolerance among personalities of specialists of high and low burnout appearance, are found.*

Application of the results: *psychological accompaniment of the employees in complicated (extreme) conditions of the activity, preparation of programs of the social-psychological adaptation, recommendations, towards the disadaptation of the personality and increasing its stress resistance and adaptation possibilities.*

Conclusion: *Among a significant number of specialists-profilers (more than 50%) were discovered characteristics of the negative appearance of the emotional burnout syndrome and the incensement of its level in large. Was found the dependence of the personality adaptivity level, its stress resistance and the corresponding emotional burnout appearances among the specialists collaborating under complicated activity conditions. The effective individual social-psychological adaptation and good stress resistance lows the risk of the burnout appearance.*

Keywords: *emotional burnout; social-psychological adaptation; adaptational components of personality; distress tolerance of personality.*

Введение

На сегодняшний день проблематика эмоционального выгорания личности, её устойчивости к длительным рабочим стрессам, равно как и адаптационная тематика остаются актуальными в психологической науке и других областях деятельности. Нестабильность социально-экономических явлений, происходящих в обществе, частые риски террористических угроз, необходимость осуществления безопасности предъявляют повышенные требования к личности современного человека. В этой связи значимость данных психологических явлений и проблем в российском обществе с каждым годом только неуклонно возрастает. При этом адаптационные со-

ставляющие личности во взаимосвязи с эмоциональным выгоранием в сложных или в экстремальных условиях жизнедеятельности, в частности социально-психологический контекст данных явлений представляют особый интерес.

Обзор литературы

Эмоциональное выгорание личности как явление и проблема, несмотря на разработанность темы и многочисленные исследования в последнее время всё больше заявляет о себе. Во многом это связано с постоянно нарастающими стрессовыми ситуациями в разных условиях профессиональной социализации. Н.Е. Водопьянова и Е.Н. Старченкова отмечают, что проблемы управления стрессами являются актуальными в связи резко увеличивающимися нервно-психическими и информационными нагрузками на личность, увеличением роста конкуренции в профессиональной деятельности, обострением борьбы за рынки сбыта, диверсификацией производства, а также постоянными изменениями в области социальной экономики и политике [1].

В наших исследованиях, проблематика эмоционального выгорания рассматривается в социально-психологическом аспекте, то есть во взаимосвязи с социально-психологическими характеристиками личности и взаимодействии специалистов в экстремальных условиях в процессе профессиональной социализации [5]. При анализе синдрома, важное значение, также отводится профессиональной и социальной адаптации личности, ее взаимосвязи с ценностной сферой [6] или социально-психологическим, индивидуальным характеристикам личности, отражающим устойчивость к стрессам [7].

В исследованиях отечественных ученых, также раскрываются особенности эмоционального выгорания в экстремальных условиях деятельности [4] или профессиях связанных с повышенной опасностью, высоким риском для жизни [9]. То есть, риск возникновения синдрома выгорания в сложных или экстремальных условиях заметно возрастает. Зарубежные исследователи подчеркивают как роль экстремальных факторов профессиональной среды [3], так и

влияние адаптивных составляющих, творческой активности на формирование стрессового расстройства [10].

Ряд зарубежных ученых указывают на значение социально-психологической адаптации при преодолении негативных стрессовых расстройств [11]. Кроме этого, отмечается влияние психоэмоциональных ценностей на распространенность таких явлений, как эмоциональное выгорание и в целом на развитие корпоративной культуры коллектива [13]. В некоторых исследованиях отмечается зависимость выгорания от выбора личностью стратегии поведения. Так, для сотрудников полиции с высокой степенью деперсонализации, характерно использование конвенциональных стратегий, так как это требует минимизации усилий. Особенно это проявляется при возникновении конфликтов с гражданами. Развитие эмоционального истощения, как отмечают зарубежные ученые, приводит к уменьшению количества данных стратегий, что создает предпосылки ухода от социального взаимодействия [14]. В современных исследованиях американских и южно-корейских ученых на выборке полицейских, обосновывается роль дефиниции «эмоциональный труд» и таких ролевых стрессоров (как ролевой конфликт и неопределенность), которые оказывают влияние на возникновение выгорания. То есть, профессиональная деятельность полицейских, ее специфика вызывает у сотрудников эмоциональный диссонанс. В дальнейшем это приводит к высокому уровню выгорания у значительной части офицеров полиции [15].

Как следует из ряда исследований, адаптационные составляющие личности, ее стрессоустойчивость связаны с формированием синдрома эмоционального выгорания, влияют на его структуру и развитие. То есть, социально-психологическая адаптация специалистов и характеризующие ее адаптационные параметры имеют первостепенное значение при изучении стрессогенности той или иной деятельности, условий, определяющих возникновения выгорания, других нарушений личности. Так, исследование детерминант адаптационной готовности и социально-психологической адаптивности в их взаимосвязи, по мнению Р.М. Шамионова на сегодня представ-

ляет наибольший интерес и новизну при получении данных о структурной модели готовности личности к изменениям и отношения ее к неопределенной ситуации, об предикторах и уровне адаптационной готовности и т.д [12]. М.В. Григорьева, выделяет и интерпретирует 4 типа адаптационной готовности на примере учащихся школ. Автор отмечает, что три типа адаптационной готовности характеризуются положительными результатами школьной адаптации, а крайний тип связан с дезадаптационными проявлениями [2].

Постановка задачи

Исходя из вышеизложенного, не исключено что стрессоустойчивость личности, ее способности быстро социально адаптироваться в разных условиях деятельности, влияет на характер эмоционального выгорания. Особенно это актуально в профессиях сопряженных с повышенной экстремальностью и связанных с повышенной сложностью при принятии решения в короткий промежуток времени. То есть, в экстремальных условиях, в частности, в профессиональной деятельности инспекторов-профайлеров, отвечающих за безопасность пассажиров и персонала в аэропортах. Стрессоустойчивость и адаптационные параметры личности при этом приобретают особую роль, позволяя сотрудникам более активно функционировать в разных условиях социальной и профессиональной среды, действовать конструктивно. Принимать эффективные решения без риска для своего психического здоровья, ущерба с минимальным риском дезадаптации личности. Исходя из этого, целью нашего исследования является изучение характеристик стрессоустойчивости и адаптационных составляющих личности инспекторов-профайлеров с разными проявлениями выгорания

Методы исследования

Выборка исследования представлена сотрудниками-профайлерами Московского аэропорта «Домодедово» (N=80 человек, возраст – 25–45 лет). В эмпирическом исследовании для изучения стрессоустойчивости и адаптационных составляющих личности применены:

социально-психологический опросник адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда и опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина [8]. При исследовании эмоционального выгорания специалистов использована методика В.В. Бойко [8].

Обсуждение результатов

В ходе исследования синдрома эмоционального выгорания у более половины (57,5%) испытуемых-профайлеров выявлены его разные проявления. У 17,5% (14 испытуемых) сотрудников от этого числа обнаружен значительно высокий уровень эмоционального выгорания. Средняя степень эмоционального выгорания отмечается у 27 испытуемых (33,7%). Низкая степень эмоционального выгорания выявлена у 7 инспекторов-профайлеров (8,7%). В целом, у 40% сотрудников с характерными признаками синдрома, диагностируются изменения в отдельных фазах выгорания. То есть в «резистенции» или «напряжении». Уровень их выраженности говорит о начальных стадиях развития выгорания (фаза и симптомы в стадии развития). У 17,5% от общего числа обследованных работников произошли более глубокие, выраженные изменения, затрагивающие 2-3 фазы выгорания. У многих профайлеров с высокими и очень высокими проявлениями синдрома выгорания выделяются симптомы фазы «резистенция», которая в полной мере сформирована, и меньше показатели фаз «истощение» и «напряжение», которые активно развиваются. В развитии ведущей фазы «резистенция» у значительного числа специалистов задействованы такие показатели выгорания, как «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» (средн., значение – 18,8), «редукция профессиональных обязанностей» (средн. значение – 12,3), «расширение сферы экономии эмоций» (11,7). В формировании фазы «напряжение» затронут симптом «тревога и депрессия» (средн., значение – 17).

На следующем этапе изучалась стрессоустойчивость и адаптационные возможности личности специалистов-профайлеров с признаками выгорания и без заметных нарушений. Исходя из проведенной диагностики уровня социально-психологической адаптации, у 20%

выгорающих работников аэропорта отмечается низкий уровень адаптивности, у остальных сотрудников она находится в пределах нормы (среднее арифметическое значение -128,7 баллов). Высокий уровень дезадаптивности характерен для 30% профайлеров (ср., значение 95,5). Другие проявления социально-психологической адаптации личности обнаруживаются у инспекторов-профайлеров без признаков выгорания. Так, высокая степень показателя адаптивности характерна для 25% испытуемых и у 75% работников она близка к нормативным (ср., значение 105). Низкий уровень дезадаптивности обнаружен у 25% не выгорающих профайлеров, высокие значения данной характеристики не обнаружены ни у кого из испытуемых и у 75% они в пределах нормы (ср., значение 78,5).

При анализе результатов исследования социально-психологической адаптации личности специалистов-профайлеров с признаками эмоционального выгорания и не имеющих его симптомов отмечено, что у выгорающих отмечен недостаточный уровень адаптационных возможностей по сравнению с лицами без признаков синдрома. Для подтверждения полученных ранее результатов был проведен типологический анализ социально-психологической адаптации в группах с высоким и низким эмоциональным выгоранием с использованием Т-критерия Стьюдента. Статистически значимые различия выявлены по следующим составляющим социально-психологической адаптации (см.табл.1): «адаптивность», «приятие себя», «приятие других», «эмоциональный дискомфорт», «внутренний контроль», «внешний контроль», «ведомость» и «эскапизм». Из полученных результатов следует, что уровень большинства (более 50% испытуемых) социально-психологической адаптации специалистов-профайлеров определяется как низкий и средний с тенденцией к снижению. Такие основные составляющие социально-психологической адаптации личности у выгорающих как «адаптивность», «приятие себя», «приятие других», «неприятие других», «эмоциональный дискомфорт», «внутренний контроль», «внешний контроль», «ведомость» и «эскапизм» находятся на сравнительно более низком уровне, чем у испытуемых без признаков синдрома. Так, для большинства эмо-

ционально выгорающих характерен эмоциональный дискомфорт, снижение уровня адаптивности, бегство от проблем, а также другие негативные изменения в личности.

Таблица 1.

**Показатели характеристик социально-психологической адаптации
у специалистов профайлеров с признаками эмоционального выгорания
и при его отсутствии**

Характеристики социально-психологической адаптации	t-критерий Стьюдента	Степень значимости
Адаптивность	7,8	0,00
Деадаптивность	-0,3	0,7
Принятие себя	2,4	0,02
Непринятие себя	-0,8	0,4
Принятие других	2,1	0,04
Непринятие других	-0,1	0,9
Эмоциональный комфорт	0,7	0,4
Эмоциональный дискомфорт	-4,2	0,00
Внутренний контроль	3,6	0,2
Внешний контроль	-3,7	0,00
Доминирование	0,2	0,8
Ведомость	-2,6	0,01
Эскапизм	-5,0	0,00

Данные сравнительного анализа также свидетельствуют о том, что в целом уровень социально-психологической адаптации выгорающих имеет тенденцию к снижению в отличие от работников без признаков эмоционального выгорания. При этом у работников без признаков синдрома адаптационные возможности находятся в основном на уровне выше среднего или в пределах нормы как в целом так и по нескольким параметрам адаптации. Заметно, что некоторые интегральные показатели являются сдерживающим фактором риска дезадаптации личности сотрудников и связаны с ее стрессоустойчивостью и при неблагоприятных ситуациях они могут ухудшиться как в случаи с выгорающими.

Исходя из результатов исследования адаптации и стрессоустойчивости по А.Г. Маклакову в группах инспекторов-профайлеров

с разными проявлениями эмоционального выгорания следует, что личностная адаптация и стрессоустойчивость у выгорающих профайлеров значительно ниже, чем у не выгорающих, которые более устойчивы к стрессам. Таким образом, можно сказать, что инспекторов-профайлеров 1 группы (испытуемые без признаков выгорания) значения по шкале «адаптивные способности» выше (средн. знач. 76), чем у инспекторов – профайлеров 2 группы (65). Значения по шкале «нервно-психическая устойчивость» у выгорающих ниже (48.5), чем без признаков выгорания (57). Также это проявляется по шкале «моральная нормативность», значения которого выше в 1 группе (14) чем во 2-й. По шкале обнаружены близкие значения в двух группах. В целом суммарный показатель адаптивности и стрессоустойчивости (личностный адаптационный потенциал) заметно выше у сотрудников без признаков выгорания (89,4 против 76,8). Получены статистически значимые различия по основным характеристикам стрессоустойчивости и личностной адаптации по Маклакову (см. таблицу 2) у испытуемых с высоким и низким выгоранием. Выявлены различия по адаптивным способностям; нервно-психической устойчивости; моральной нормативности и личностным адаптационным потенциалом.

Таблица 2.

Характеристики адаптации и стрессоустойчивости личности (по Маклакову) у специалистов профайлеров с признаками эмоционального выгорания и при его отсутствии

Характеристики стрессоустойчивости и личностной адаптации	t-критерий Стьюдента	Степень значимости
Адаптивные способности (АС)	5,5	0,00
Нервно-психическая устойчивость (НПУ)	2,3	0,03
Коммуникативные особенности (КС)	0,3	0,9
Моральная нормативность (МН)	2,5	0,01
Личностный адаптационный потенциал (ЛАП)	2,4	0,02

Заключение (Выводы)

Таким образом, представленные результаты исследования указывает на высокую вероятность формирования синдрома эмоциональ-

ного выгорания у специалистов-профайлеров, взаимодействующих в экстремальных условиях деятельности. Так, у значительного числа испытуемых (более 50 %) отмечены характеристики негативного проявления синдрома эмоционального выгорания и в целом превышение его уровня. Кроме этого у ряда сотрудников (17,5% от общего числа опрошенных) синдром находится на поздних стадиях развития и выражен не только симптоматически (на начальной стадии), но и на уровне фаз выгорания (глобально).

Обнаружена тенденция, которая заключается в том, что длительные рабочие стрессы в виде проявляющегося синдрома эмоционального выгорания, негативно влияют на стрессоустойчивость личности и её способности индивидуально и социально адаптироваться в сложных условиях деятельности. Это заметно по результатам характеристик индивидуальной и социально-психологической адаптации у испытуемых с признаками выгорания и при его отсутствии, типологическому анализу данных. В тоже время от характеристик стрессоустойчивости и эффективной адаптации личности зависит степень развития выгорания. Не исключено, что способность личности противостоять негативному воздействию длительным стрессам и успешная адаптация в разных условиях деятельности уменьшают риски формирования эмоционального выгорания.

В комплексе изучены индивидуальные и социально-психологические параметры адаптации личности, отражающие риски возникновения выгорания на примере специалистов, профессионально взаимодействующих в сложных (экстремальных) условиях деятельности (безопасность полетов). Результаты исследования, в дальнейшем целесообразно применять для сравнительного анализа данных с другими выборками, подготовке психокоррекционных программ.

Полученные результаты указывают на необходимость решения вопросов связанных с психокоррекцией (профилактикой) последствий синдрома эмоционального выгорания, повышения адаптационных составляющих личности специалистов-профайлеров. Исходя из полученных результатов, кадровым службам и психологам необ-

ходимо обратить внимание на качество профессионально-психологического отбора и психологического сопровождения сотрудников.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки

Список литературы

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2008. С. 29–30.
2. Григорьева М.В. Типы адаптационной готовности личности в образовательной среде школы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. вып 1. С. 56–61.
3. Левицкая И.П. Факторы возникновения синдрома эмоционального выгорания у инспекторов органов государственного пожарного надзора МЧС республики Беларусь // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2013. № 3. С. 112–118.
4. Лечиева М.И., Мансури О.В. Особенности проявления синдрома эмоционального выгорания у лиц экстремальных и помогающих профессий // Национальное здоровье. 2017. № 3–4. С. 93–113.
5. Малышев И.В. Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и социально-психологических характеристик личности в экстремальных условиях профессиональной социализации: дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2009. 176 с.
6. Малышев И.В. Социально-психологические и индивидуальные характеристики личности представителей экстремальных профессий с высоким и низким эмоциональным выгоранием // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия: Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2011. №3. С. 83–87.
7. Малышев И.В. Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и ценностной сферы личности в процессе профессиональной социализации в экстремальных условиях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 74–78.

8. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Самара. Изд. дом «Бахрах», 1998. 668 с.
9. Сабурова А.А., Кислицына И.Г. Феномен эмоционального выгорания в профессиональной деятельности сотрудников МЧС // Инженерные кадры – будущее инновационной экономики России. 2015. № 1–7. С. 82–84.
10. Фруцкая И.В., Андреева И.Н. Взаимосвязь посттравматического стрессового расстройства с творческой активностью, жизнестойкостью и нервно-психической адаптацией // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. 2017. № 7. С. 117–121.
11. Храмова В.В., Панина С.С. Нарушение идентичности и социально-психологическая адаптация больных с заболеванием гепатобилитарной системы // Актуальні питання фармацевтичної і медичної науки та практики. 2017. Т. 10. № 3. С. 349–354.
12. Шамионов Р.М. Отношение к изменениям и толерантность к неопределенности как предикторы адаптивности и адаптационной готовности // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 90–104.
13. Fedorova A.S. Impact of psycho-emotional values on corporate culture // Международный научно-производственный журнал «Экономика АПК». 2016. № 7. С. 111–119.
14. Izquierdo M.G., Navarro M., Concepcion S., Esteban B.L. Burnout, satisfaccion laboral y bienestar en personal sanitario de salud mental // Revista de Psicologia Del Trabajo Y De Las Organizaciones Special Issue, 2000, Vol. 16(2), pp. 215–228.
15. Kwak H., McNeeley S., Kim S.-H. Emotional Labor, Role Characteristics, and Police Officer Burnout in South Korea: The Mediating Effect of Emotional Dissonance. *Police Quarterly* 21(2) (2018), pp. 223–249.

References

1. Vodop'yanova N. E., Starchenkova E. S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Burnout syndrome; diagnostics and practice]. St.-Petersburg, 2008, pp. 29–30.

2. Grigor'eva M.V. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya* [Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology], 2018. Vol. 7, iss. 1, pp. 56–61.
3. Levickaya I.P. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny* [Bulletins of Gomel State University of F.Skorina], 2013, no. 3, pp. 112–118.
4. Lechieva M.I., Mansuri O.V. *Nacional'noe zdorov'e* [National health], 2017, no. 3–4, pp. 93–113.
5. Malyshev I.V. *Vzaimosvyaz' sindroma y emocional'nogo vygoraniya i social'no-psihologicheskikh karakteristiklichnosti v yekstremal'nyh usloviyah professional'noy socializacii* [Relation of the burnout syndrome and social-psychological characteristics of personality in extremal conditions of the professional socialization] dis. ... kand. psihol. Nauk [PhD thesis], Saratov, 2009, 176 p.
6. Malyshev I.V. *Izv. Saratov. un-ta. Nov. ser. Ser.: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Izv. Saratov. Univer. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2011, Vol. 3, pp. 83–87.
7. Malyshev I.V. *Izv. Sarat. Un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Izv. Saratov. Univer. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2010, Vol. 10, iss. 4, pp. 74–78.
8. Rajgorodskij D.Ja. *Prakticheskaja psihodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie*. [Practical psycho-diagnostics. Methods and tests. Textbook.] Samara: Bahrah, 1998, 668 p.
9. Saburova A.A., Kislicyna I.G. *Inzhenernye kadry – budushhee innovacionnoy yekonomiki Rossii* [Engineer workers – future of innovative economics of Russia], 2015, no. 1-7, pp. 82–84.
10. Fruckaya I.V., Andreeva I.N. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E: Pedagogicheskie nauki* [Bulletins of Polotsk State University. Serie E: Pedagogical sciences], 2017, no. 7, pp. 117–121.
11. Hramcova V.V., Panina S.S. *Aktual'ni pitannya farmacevtichnoi i medichnoï nauki ta praktiki*, 2017, Vol. 10, no. 3 (25), pp. 349–354.
12. Shamionov R.M. *Rossiyskiy psihologicheskij zhurnal* [Russian psychological journal], 2017, Vol. 14, no. 2. pp. 90–104.

13. Fedorova A.S. *Mezhdunarodnyy nauchno-proizvodstvennyy zhurnal "Ye-konomika APK"* [International scientific-production journal "Economics APK"], 2016, No. 7 (261), pp. 111–119.
14. Izquierdo M.G., Navarro M., Concepcion S., Esteban B.L. Burnout, satisfaccion laboral y bienestar enpersonal sanitario de salud mental. *Revista de Psicologia Del Trabajo Y De Las Organizaciones Special Issue*, 2000, Vol. 16(2), pp. 215–228.
15. Kwak H., McNeeley S., Kim S.-H. Emotional Labor, Role Characteristics, and Police Officer Burnout in South Korea: The Mediating Effect of Emotional Dissonance. *Police Quarterly* 21(2) (2018), pp. 223–249.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мальшев Иван Викторович, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, кандидат психологических наук
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, г. Саратов, 410012, Российская Федерация
iv.999@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Malyshev Ivan Viktorovich, Associated Professor of Department of Pedagogical Psychology and Psycho-Diagnostics, Ph.D. in Psychology
Saratov State University
83, Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russian Federation
iv.999@list.ru
SPIN-code: 3128-8046
ORCID: 0000-0002-4191-6555
ResearcherID: D-8946-2013

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-167-188
УДК 316.353

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ: ФАНАТЫ И ХУЛИГАНЫ

Молчанова Е.В.

Цель. В статье представлено теоретическое и экспериментальное исследование психологических особенностей представителей околофутбольной субкультуры – «фанатов» и «хулиганов». Целью экспериментального исследования стало выявление особенностей социальной фрустрированности, агрессивности и акцентуаций характера футбольных болельщиков.

Метод или методология проведения работы. Библиографический метод; психодиагностический метод: анкетирование, методика «Уровень социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана; опросник агрессивности А. Басса – А. Дарки; методика определения акцентуаций характера Г. Шмишека; математико-статистической метод обработки данных.

Результаты работы. Футбольные болельщики в целом имеют низкую социальную фрустрированность, при этом если для «фанатов» областями негативных эмоций являются материальное положение и проведение отпуска, то для «хулиганов» – это современная обстановка в обществе и государстве и сфера медицинского обслуживания. Средние значения агрессивности и враждебности респондентов имеют повышенные показатели. Обнаружены статистически значимые различия в подгруппах «хулиганов» и «фанатов» по показателям негативизма, вербальной и физической агрессии. Стоит отметить, что футбольные болельщики не имеют ярко выраженных акцентуаций характера, а наиболее выраженными типами акцентуаций характера у обеих подгрупп являются гипертимный, застревающий и демонстративный.

Область применения результатов. Полученные результаты дополняют немногочисленные работы по теме футбольной субкультуры и позволяют оптимизировать организацию массовых футбольных мероприятий, более эффективно решать возникающие конфликтные ситуации.

Выводы. Представители околوفутбольной среды, относящие себя к «фанатам» и «хулиганам», имеют психологические особенности и могут рассматриваться по уровню агрессивности как разные группы.

Ключевые слова: околوفутбольная субкультура; фанаты; хулиганы; болельщики; социальная фрустрированность; агрессивность; акцентуации характера.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF FOOTBALL FANS: FANS AND HOOLIGANS

Molchanova E.V.

Purpose. The article presents a theoretical and an experimental study of the psychological characteristics of representatives of the football subculture – “fans” and “hooligans”. The purpose of the experimental study was to identify the characteristics of social frustration, aggressiveness and character accentuations of football fans.

Method or methodology of the study. Bibliographic method; psychodiagnostic method: questioning, methodology “Level of social frustration” L.I. Wasserman; a questionnaire on the aggressiveness of A. Bass – A. Darki; method for determining the accentuation of the character G. Shmishek; mathematical-statistical method of data analysis.

Results. Football fans commonly have a low social frustration. While “fans” areas of negative emotions are financial situation and vacation, then “hooligans” areas are the modern situation in society and the state and the sphere of medical care. Average values of aggressiveness and hostility of respondents have increased indicators. There were obtained statistically significant differences in subgroups of “hooligans” and

“fans” in terms of negativism, verbal and physical aggression. It should be noted that football fans do not have pronounced accentuations of character, and the most pronounced types of character accentuations in both subgroups are hyperthymic, stuck and demonstrative.

Practical implications: *The obtained results supplement few works devoted to the subject of the football subculture and allow to optimize the organization of mass football events, more effectively solve arising conflict situations.*

Conclusions. *Representatives of football fans, self-referring to “fans” and “hooligans”, have psychological characteristics and can be distinguished by the level of aggressiveness as different groups.*

Keywords: *football fans subculture; hooligans; fans; social frustration; aggressiveness; accentuation of character.*

Исследование посвящено актуальной и недостаточно изученной проблеме психологических особенностей футбольных болельщиков фанатов и хулиганов, их социальной фрустрированности, агрессивности и акцентуаций характера. В 2018 году в России проходил чемпионат мира по футболу, что затронуло экономические, политические и социальные ресурсы всей страны, поэтому важно учитывать все факторы, способствующие реализации этого важнейшего международного мероприятия. События последних лет, связанные с агрессивным поведением фанатов сборной России на Чемпионате Европы 2016 года во Франции и фанатов российских футбольных клубов на международной арене, указывают на все большее влияние околфутбольного движения на значимые социально-политические события [17]. Группы хулиганов, организующих беспорядки перед и во время проведения спортивных мероприятий, и болельщики – фанаты, преданные команде и заинтересованные непосредственно исходом игры, нуждаются в целенаправленном руководстве и управлении. Наиболее адекватное решение организационных задач относительно околфутбольного движения должно строиться с учетом психологических параметров его представителей. Это определяет новизну и практическую значимость данной работы.

Российскую, как и мировую, «околофутбольную» культуру в настоящее время можно назвать сформировавшимся социальным явлением. Общественное мнение и средства массовой информации позиционируют футбольных болельщиков как агрессивно настроенных, политизированных, социально неадаптированных граждан. Согласно классификации правоохранительных органов, футбольные фанаты стоят первыми в списке опасных молодежных группировок. Государственная Дума РФ приняла отдельный закон «о футбольных болельщиках», что является подтверждением социальной значимости данной субкультуры, так как футбол едва ли не единственный вид спорта, где поведению болельщиков уделяют такое повышенное внимание. При этом до принятия закона нарушители порядка наказывались крайне редко, а законопослушные болельщики были недовольны как действиями «радикальных» фанатов, так и чрезмерно жесткими мерами, применяемыми сотрудниками правоохранительных органов. В такой ситуации становится особенно актуальным тщательное и всестороннее изучение вопроса, понимание психологических предпосылок поведения футбольных болельщиков.

Разработанность проблемы

Зарубежные психологические и социологические исследования затрагивая тему спортивных болельщиков, выделяют факторы, определяющие интерес людей к наблюдению за разного рода спортивными соревнованиями: положительное психологическое напряжение (eustress); чувство собственного достоинства (self-esteem); уход от жизненных проблем (escape); фактор развлечения (entertainment); экономический фактор (economic); эстетический фактор (aesthetic); принадлежность к группе (group affiliation); фактор семьи (family needs) [16].

Исследование Bruna Zani and Erich Kirchler касающееся насилия фанатов во время футбольных матчей на выборке 505 футбольных болельщиков мужского и женского пола, которые были либо «фанатичными», либо «умеренными» фанатами из Неаполя и Болоньи, показало, что люди становятся более агрессивными в группах, что

поведение контролируется групповыми нормами и, следовательно, агрессия зависит от признания группой насилия. Исследование также поддерживает довольно традиционную картину «хулиганов»: футбольные фанаты, которые участвуют в беспорядках, в общем, молодые, безработные, плохо образованные фанатики, которые приписывают свое насилие внешним факторам [18].

В свою очередь Moshe Bensimon и Ehud Bodner в своем исследовании футбольных фанатов мужского пола ($N = 80$) показывает, что фанаты, принявшие участие в коллективном пении и скандировании, имели более высокий уровень агрессии по окончании матча по сравнению с невоспевающими зрителями, что подтверждает теорию заражения [13].

Обращает на себя внимание исследование, в котором интерес к футболу рассматривается с точки зрения национальной идентичности, было показано, что в Шотландии поддержка национального футбола рассматривается как вопрос национальной идентичности для шотландских и английских людей, в Англии она отделена от коллективного чувства английской идентичности. Приняв дискурсивную аналитическую позицию, в этом исследовании рассматривается внутренняя и внешняя атрибуция национальных стереотипов и рассматривается их роль в управлении проблемами социальной причинности, обоснованности внутригруппового поведения и дифференциации национальных групп [12].

В исследовании отличительных особенностей футбольного хулиганства в Польше и психосоциальный анализ этого явления на основе трехлетней профилактической программы, ориентированной на мальчиков из групп высокого риска, показал, что принадлежность к группе футбольных хулиганов позволяет им уменьшить чувство отчуждения, выступая своеобразной копинг стратегией [15].

Исследование футбольных болельщиков с точки зрения организационной психологии и потенциальных побочных эффектов, которые могут иметь футбольные события в отношении поведения и работоспособности болельщиков, показало на примере 41 сотрудника государственного сектора, что отрицательные события в спортив-

ной области оказывают неблагоприятное воздействие на повседневную работу сотрудников и их эффективность. Таким образом, организациям необходимо обратить внимание на то, как мероприятия досуга определяют работоспособность и удовлетворенность сотрудниками своей работой, менеджеры должны продемонстрировать трансформационное и поддерживающее поведение, чтобы уменьшить негативные последствия неудачного футбольного матча на результаты работы [14].

Отечественные исследования, направленные на изучение околофутбольной субкультуры, футбольных болельщиков единичны и касаются в основном проблемы делинквентности, асоциального поведения личности в толпе. Рассматриваемая в юридических исследованиях субкультура футбольных фанатов выступает стимулирующей средой совершения противоправной и уголовно-наказуемой деятельности, почвой для образования групп организованной преступности [1, 2, 4, 7].

Немногочисленные исследования (Медников С.В., Ениклопов С.Н., Салахетдинов Э.Р., Скворцова Е.В., Узикова А.Ю.) проведенные за последние годы в нашей стране, так же отмечают определенный склад психологических особенностей футбольных болельщиков, рассматривая их в основном как представителей молодежной субкультуры. Исследователи указывают на высокий уровень агрессивности и социальной фрустрированности болельщиков [6], представляя болельщиков как опасный элемент общества [5, 9].

В серии исследований С.Н. Ениколопова различных групп футбольных болельщиков и фанатов (247 человек) были выделены характерные для личности футбольного фаната черты, включающие высокий уровень агрессивности (в частности, физической агрессии); повышенную возбудимость; низкий уровень самоуважения с тенденцией к его повышению через идентификацию с любимой командой; враждебность по отношению к чужим болельщикам. Мотивационные факторы, определяющие интерес к футболу у фаната, включает положительное психологическое напряжение; эстетику игры; чувства собственного достоинства как компонент самоуважения [2].

Отмечается также экстравертированность, низкая реактивная и спонтанная агрессивность футбольных болельщиков, в социальном плане – неудовлетворенность отношениями в семье, учебой или работой, уверенность в себе, авторитетом в группе, получение удовольствия в личной жизни. К личностным предпосылкам агрессивного поведения футбольных болельщиков Ениколопов С.Н. относит такие личностные особенности как стремление к доминированию, эмоциональную лабильность, раздражительность, спонтанную и реактивную агрессивность, а также степень идентификации [2].

В работе Салахетдинова Э.Р. предложена классификация представителей молодежной околофутбольной субкультуры (болельщики и кузьмичи, как их разновидность, футбольные фанаты и ультрас, футбольные хулиганы, карланы, гопники) [8]. Околофутбольная субкультура рассмотрена автором как социальный феномен и институт социализации юношей [8]. В контексте возрастных задач развития сравнение и анализ личностных характеристик юношей-футбольных фанатов показал, что в отношении профессиональных установок болельщики проявляют большую решительность, уверенность в профессиональном самоопределении и более выраженную социентрическую направленность интересов [8].

Собкин В.С. и Тянь А.А. рассмотрели особенности групповой идентичности наиболее агрессивно настроенной части околофутбольной субкультуры – футбольных хулиганов. Авторами было показано, что последние идентифицируют как «своих» представителей субкультур, деятельность или образ жизни которых явно связан с риском, это отношение строится преимущественно относительно двух модальностей: «свои-чужие», «безопасные-опасные». Сопоставление представителей хулиганов и скинхедов, которые в обыденном массовом сознании близки по склонности к открытым проявлениям агрессии показывает, что «испытуемые из контрольной группы, оценивая скинхедов, фиксируют лишь одну содержательную характеристику, которая и определяет восприятие данной субкультуры – это явно выраженная опасность. Напротив, футбольные хулиганы не склонны считать скинхедов опасными, а воспринимают их как

«своих» и нравственных (с соответствующим комплексом коннотаций: честные, волевые, благородные, порядочные, интересные) [10].

Узикова А.Ю. рассматривает футбольный фанатизм с точки зрения концепции форм экзистенциального отчуждения С. Мадди, как авантюризм, «компульсивный поиск жизненности, вовлеченности в опасные, экстремальные виды деятельности в силу переживания бессмысленности повседневной жизни». В своей работе Узикова А.Ю. не разделяет околофутбольное движение на отдельные виды группировок, строя свое исследование на анализе досуговой активности футбольных фанатов, как среды развития личности, формирования субъектной позиции личности. Автор отмечает, что околофутбольная среда предоставляет своему представителю образ успешного Я, определяя его направленность на конкуренцию, инициативность, самоорганизованность, мужественность и уверенность в себе. Группировки околофутбольного движения обеспечивают своему члену удовлетворение потребностей в принадлежности, уважении и самоопределении. Несмотря на отмеченные позитивные ресурсы околофутбольной субкультуры, автор отмечает также, что сплоченность и референтность околофутбольной группы предоставляет ее представителям большие возможности безопасного с точки зрения пресечения и наказания проявления делинквентного поведения [11].

Таким образом, представленный обзор научной литературы показывает неоднозначную позицию в отношении футбольных болельщиков. Если одни ставят основной акцент на деструктивном поведении болельщиков во время матча, объясняя его как личностными особенностями представителей этих социальных групп, так и динамикой социальной группы, особенностями ситуации заражения. Другие в свою очередь подчеркивают позитивные особенности футбольных болельщиков и ситуации социального развития в околофутбольной среде.

Было бы неверным отождествлять всех болельщиков с категорией хулиганов, имеющих своей целью вступить в драку. Развитая субкультура болельщиков имеет свои разновидности, всех их в отличие от хулиганов можно назвать фанатами, так как всех их объединяет общая цель – болеть за любимую команду.

Футбольными фанатами в данном исследовании называем ту часть футбольных болельщиков, которая придерживается определенной специфической субкультуры (нормы и ценности, специфические практики и символика и т.д.) и действует в соответствии с ней, те, кто активно поддерживают свою команду. Специфика этой субкультурой формы состоит в ситуативности идентификации, что требует от участников минимума усилий и не затрагивает глубоко образ жизни. К числу основных критериев, по которым футбольных болельщиков относят к числу фанатов, относятся активное посещение домашних матчей команды, ежегодное совершение нескольких выездов в другие города, знание и принятие субкультуры футбольных фанатов (определенные наборы движений, осуществляемые под ритм, сленг, символика, атрибутика).

Футбольными хулиганами называем болельщиков, которые представляются как «наиболее агрессивные представители околофутбольной среды, избравшие в качестве главного хобби своеобразный «бойцовский клуб» с себе подобными из лагеря команды врага. Это самая малочисленная и самая закрытая каста болельщиков. «Практически у каждой группировки есть свое название и неофициальный рейтинг относительно других «банд» футбольных хулиганов, который можно заработать только в драках с оппонентами. Подобный рейтинг учитывает как активность группировки (т. е., как часто происходят драки с ее участием), так и количество и качество побед (что оценивается уровнем побежденной группировки противника и длительностью проведенной драки). Так же, как и в любой другой субкультуре, в «хулиганстве» есть свои принятые нормы поведения, своя пресса и литература, своя мода, музыка, сленг» [10].

Отмеченные исследователями психологические особенности футбольных болельщиков говорят о наличии в околофутбольной среде людей с выраженными агрессивными чертами, акцентуациями характера, что может быть признаками социальной фрустрированности, негативных переживаний (страх, гнев, чувство вины, стыда и т. д.) и поведенческих реакций, что базируется на субъективной оценке

в качестве непреодолимых и неустранимых ряда препятствий при решении лично значимых задач.

Таким образом, **целью** настоящего исследования стало выявить особенности социальной фрустрированности, агрессивности и акцентуаций характера футбольных болельщиков, относящих себя к подгруппам фанатов и хулиганов на основе самоотчета.

Методы исследования

В качестве основных методов исследования выступили анкетирование (для составления социально-психологических портретов участников групп футбольных фанатов и хулиганов); методика «Уровень социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана в модификации Г.Ш. Габдреевой, А.О. Прохорова; опросник агрессивности А. Басса – А. Дарки (стандартизирован А.А. Хваном, Ю.А. Зайцевым и Ю.А. Кузнецовой); методика определения акцентуаций характера Г. Шмишека. Математико-статистический метод обработки данных включал описательную статистику с выделением среднего значения, стандартного отклонения, максимума и минимума; сравнительный анализ по U-критерию Манна–Уитни.

Выборка

Всего в исследовании приняло участие 30 футбольных болельщиков. Все участники исследования – мужчины в возрасте от 20 до 45 лет. В результате анкетирования на основе самоотчета было выделено две подгруппы болельщиков – «фанаты» и «хулиганы».

Обсуждение результатов

Анализ ответов анкетирования болельщиков показал, что представители группы «фанатов» трудоустроен или обучаются в вузе, среди них есть тренеры, учителя, менеджеры, юрист, продавец, владелец бара, фотограф. 40% опрашиваемых «фанатов» женаты. К увлечению футболом опрашиваемые пришли в подростковом возрасте, с подачи семьи (отцы болельщики) или дружеской компании. Свою принадлежность околофутбольному движению «фанаты» характе-

ризуют с точки зрения активного посещения домашних и выездных матчей, а поддержку команды рассматривают как главный способ эмоциональной разгрузки, получения положительных эмоций, стимул для достижения новых целей, возможности путешествовать и узнавать новое. Все респонденты между дракой и посещением матча выбирают футбол.

Анализ проведенного анкетирования группы болельщиков, причисляющих себя к «хулиганам», показал, что опрошенные также трудоустроены или получают профессию (2 студента), среди них есть медицинские работники, учителя, инженер, химик, курьер, т.е. профессии социально одобряемые и не включающие акты насилия над людьми. Опрошенные «хулиганы» начали свой околофутбольный путь в подростковом возрасте с подачи дружеской компании. Все представители подгруппы «хулиганов» на открытый вопрос «Зачем вы приходите на футбольный матч?» приоритет отдают драке, сам матч не является чем – то важным, они указывают на возможность в драке доказать себе свою силу и смелость. Часть респондентов считают приятным дополнением, если после драки попадают на матч, некоторые из опрошенных вообще считают футбол скучной и неинтересной игрой, только 20% респондентов посещают матчи ради поддержки команды, остальные рассматривают событие как повод встречи с друзьями, способ получить заряд адреналина, выплеснуть эмоции. Свой околофутбольный коллектив единомышленников считают семьей и опорой.

С целью оценки степени неудовлетворенности социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности была проведена диагностика уровня социальной фрустрированности футбольных болельщиков. Интегральный показатель социальной фрустрированности футбольных болельщиков обеих выделенных подгрупп находится в пределах 0,5–1,4 (у «фанатов» – ср.знач. 1,04; у «хулиганов» – 1,08), что говорит о ее низком уровне, отсутствии негативных переживаний (страх, гнев, чувство вины, стыда и т. д.) и отсутствии поведенческих реакций, связанных с субъективной оценкой непреодолимости и невозможности устранения препят-

ствий при решении лично значимых задач. Возможно, именно принадлежность к околофутбольной субкультуре выступает для респондентов как успешная коппинг стратегия для преодоления фрустрирующих ситуаций. В результате применения сравнительного анализа по U-критерию Мана – Уитни значимых различий в показателе социальной фрустрированности группы «фанатов» и группы «хулиганов» футбольных болельщиков не выявлено ($U = 112, p = 1$).

Качественный анализ ответов в подгруппе «фанатов» показал признаки наличия социальной фрустрированности в таких областях как материальное положение (27%), жилищно – бытовые условия и возможность выбора работы (20%), возможностей, связанных с проведением отпуска (40%). Также есть определенный процент неудовлетворенности сферой медицинского обслуживания (27%), общей обстановкой в обществе (государстве) – 13%. Фанаты не отмечают негативных переживаний в области взаимоотношений с родными и близкими и собственного социального статуса.

В подгруппе «хулиганов» социальная фрустрированность проявляется в области общественной государственной обстановки (80%), так же недовольство вызывает качество медицинского обслуживания (40%). По некоторым пунктам – возможность выбора работы и сфера услуг и бытового обслуживания вызвали затруднения в выборе ответа у большей части опрошенных (67%). Небольшой процент (6%) неудовлетворен взаимоотношениями с субъектами своей профессиональной деятельности, с коллегами, родителями, чего не наблюдается в группе опрошенных болельщиков – «фанатов». Так же от 6% до 12% полностью недовольны своим материальным положением и жилищно – бытовыми условиями, а так – же условиями профессиональной деятельности и содержанием работы в целом.

Таким образом, качественный анализ показал, что различия между «фанатами» и «хулиганами» касаются таких областей социальной фрустрированности как современная обстановка в обществе и государстве, сфера медицинского обслуживания, взаимоотношения с близкими и коллегами.

В результате проведения опросника агрессивности А.Басса – А. Дарки был выявлен повышенный уровень агрессивности футбольных болельщиков.

Испытуемые группы «фанатов» имеют повышенный уровень выраженности таких показателей агрессивности как вербальная агрессия (6,2), подозрительность (5,7) и раздражение (5,3). То есть, «фанаты» выражают негативные чувства (вспыльчивость, грубость, крик, угрозы) при воздействии негативных факторов, недоверие, осторожность по отношению к людям подозревая их в планировании вреда на среднем уровне. В меньшей степени «фанаты» склонны физической агрессии (4,2), косвенной агрессии (4,1), обиде (4) и чувству вины (3,9). То есть, реже испытывают зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия и не склонны к угрызениям совести, испытываемым после совершенных действий. Наименьшее значение имеет показатель негативизма (2,9), то есть, даже при повышенных показателях других шкал агрессивности, «фанаты» не склонны к оппозиционной манере в поведении против установившихся обычаев и законов.

Следует отметить, что интегральный индекс враждебности имеет повышенный уровень (4,8), как и индекс агрессивности (5,4). Таким образом, группу «фанатов» можно охарактеризовать, как склонную проявлять агрессию, выражая подозрительность и раздражительность, в основном, на вербальном уровне.

Испытуемые группы «хулиганов» имеют очень высокий уровень выраженности вербальной агрессии (8,4), то есть, они привыкли часто выражать свои негативные чувства через крик, угрозы, проклятия, брань. Кроме того, такие показатели агрессивности как раздражение (6,5), подозрительность (6,4), физическая агрессия (6,2) имеют повышенный уровень выраженности. Это говорит о том, что испытуемые, постоянно испытывая недоверие к людям, готовы в любой момент проявить негативные чувства, выражают их в оппозиционной манере поведения, в активной борьбе против установившихся в обществе правил, проявляя в любой момент готовность к использованию физической силы против других лиц. Негативизм

(5,7) и чувство вины (5,1) имеют повышенный уровень, «хулиганы» понимают, их действия негативны и склонны к проявлению чувства вины. Косвенная агрессия (4,7) и обида (3,5) находится на среднем уровне, т.е. испытуемые, относящие себя к «хулиганам», довольно редко испытывают зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия и не склонны направлять агрессию против оппонентов путем создания сплетен, интриг, наговоров.

Следует отметить, что интегральный индекс агрессивности имеет, таким образом, высокое значение 7,4 балла, а индекс враждебности (4,7) находится на среднем уровне выраженности. Таким образом, группу «хулиганов» можно охарактеризовать как группу болельщиков, которые могут очень ярко проявлять агрессию во всех ее формах и наиболее активно в виде вербальной агрессии, кроме того, им, в отличие от «фанатов» характерно проявление физической агрессии.

В результате применения сравнительного анализа по U-критерию Манна–Уитни были выявлены статистически значимые различия по таким показателям агрессивности как физическая агрессия ($U=32,5$, при $p=0,001$), негативизм ($U=44$, при $p=0,003$), вербальная агрессия ($U=34,5$, при $p=0,001$) и интегральная шкала агрессивности ($U=38$, при $p=0,002$). Таким образом, группа «фанатов» отличается от группы «хулиганов» меньшим стремлением использовать физическую силу против другого лица, менее оппозиционной манерой в поведении против установившихся обычаев и законов, а также более редким выражением негативных чувств через крик и угрозы. В целом группа «хулиганов» отличается от группы «фанатов», имеет более высокий уровень агрессивности.

Исследование акцентуаций характера по методике Г. Шмишека показал, что, в целом, футбольные болельщики не имеют ярко выраженного типа акцентуаций характера, черты характера не достигли уровня акцентуации и не нарушают их социальную адаптацию.

Характеризуя выраженные черты характера «фанатов» по средним значениям можно отметить преобладание гипертимных (12,2), застревающих (11,8) и демонстративных (11,3) черт. Респонденты,

относящие себя к подгруппе «фанатов» околоспортивного движения, проявляют себя как активные, склонные к риску люди, находящиеся в приподнятом настроении, они общительны и подвижны (путешествия в другие города, активную поддержку команды на стадионе). Застревание как черта характера может проявляться в том, что они могут долго помнить обиды, быть мстительными, неадекватно реагировать на критические замечания. С другой стороны, эта же черта проявляется в настойчивости и упорстве, сопротивлении изменениям, трудности переключения на новую ситуацию в процессе деятельности, что, на наш взгляд, проявляется в регулярном посещении матчей, поддержки футбольной команды даже в случае проигрыша, отстаивании интересов команды даже перед судьями. Демонстративность как черта характера проявляется в желании привлечь к себе больше внимания (речевки, баннеры).

Далее в иерархии выраженности акцентуаций характера находятся шкалы экзальтированность (10,8), возбудимость (10,4), эмотивность (9,4), циклотимность (9,6), которые имеют средние значения. Наименьшие значения имеют шкалы педантичности (7,1), тревожности (6,6), дистимности (6,6) – таким людям не свойственна добросовестность, аккуратность, пунктуальность, им характерна эмоциональная подвижность, многословие, постоянная включенность в деятельность, широкий диапазон поведенческих программ, они не склонны испытывать страх и робость. Таким образом «фанаты» сосредоточены на хорошем результате, активны и не поддаются упадническим настроениям, что является важным фактором для поддержки футбольной команды.

Анализ средних показателей выявил, что болельщики группы «хулиганы» не выявил присутствия ярко выраженных типов акцентуаций, но при этом в профиле их характера выделяются черты, которые выражены выше средних показателей, т.е. проявляются признаки наличия соответствующих акцентуаций характера в отличие от «фанатов». Наибольшее значение имеют шкалы гипертимного (15,2), экзальтированного (14), застревающего (13,5) и demonstra-

тивного (13,5) типов акцентуации. Представители группы «хулиганов» обладают высокими энергетическими ресурсами, достаточно активны, стремятся к лидерству, есть хорошие предпосылки для достижений целей.

Гипертимическим личностям свойственно сочетание приподнятого настроения с жадной деятельностью, словоохотливости, что стимулирует их инициативу и поиск творческого подхода. Как отмечает Узова А.Ю. представители околофутбольного движения креативны в поиске средств достижения целей в условиях незнакомой ситуации (драки, соревнования в «перформансе» на стадионе не только через созидание красивых «баннеров», распевание фанатских «зарядов», но и через унижение соперника и его фанатов). Безоблачная веселость и живость таит в себе опасность не заметить серьезность ситуации, что приводит к постоянному нарушению этических норм, потому что они могут утратить чувство долга и способность к раскаянию. Подобные тенденции могут проявляться в характерных хулиганских выходках (драках, конфликтах).

«Хулиганам» с экзальтированными чертами характерна высокая эмоциональная восприимчивость, интенсивность и изменчивость эмоциональных реакций даже на незначительные события. Они общительны и характеризуются привязанностью к близким друзьям, радость за них, за их удачу могут быть чрезвычайно сильными. Именно экзальтированность, как черта личности, позволяет увлечься околофутбольным движением до глубины души. При этом именно экзальтированность членов хулиганской подгруппы усиливает их сплоченность, т.к. рядовую неприятность друга он может испытывать болезненнее даже чем сам пострадавший («подавляющая часть околофутбольных практик происходит при дружеской бойцовой поддержке, «плечом к плечу», они чувствуют себя более защищенными от нападков со стороны оппонентов (враждебных «фирм») и правоохранительных органов»). Типичными способами совладания со стрессом для экзальтированных личностей является вербальная агрессия и психологическая защита отрицание, что нашло свое подтверждение при исследовании

агрессивности «хулиганов» с выявлением преобладающего типа агрессии – вербальной. Им свойственна высокая контактность и словоохотливость, они часто спорят, но не доводят дело до открытых конфликтов.

Застревающие личности характеризуются стойкостью аффекта, особенно относительно личных интересов, когда задето самолюбие, гордость и честь. Отмеченные выше недовольство общественным и политическим устройством является в данном контексте попыткой придать больше веса своим личным претензиям. Кроме того, данная черта характера согласуется с высокими показателями подозрительности при исследовании агрессивности «хулиганов».

Сущность демонстративной черты личности заключается в общительности, жажде внимания, наигранности поведения. Ввиду того, что демонстративные люди с трудом переносят одиночество, они могут быть неразборчивы в выборе знакомств, но при этом легко адаптироваться в незнакомом обществе. Приподнятое, радостное настроение лишь изредка нарушается вспышками раздражительности. Кроме того, у них может проявляться склонность к обидчивости, болезненной самолюбии и необоснованной недоверчивости, показывают способность к недружелюбным выпадам, нападениям, состояниям постоянной защиты своего «Я».

Шкалы циклотимного (11,4) и возбудимого (11,2) типа акцентуаций характера имеют средние значения и не являются признаками акцентуаций характера. Также на среднем уровне выраженности находятся показатели дистимического (9,8), эмотивного (8,6) и педантичного (8,3) типов акцентуаций. Низкий уровень тревожности (6,6 баллов) говорит о том, что «хулиганам» не характерно беспокойство или внутренняя напряженность, они не склонны к сомнениям в правильности своих поступков и мыслей, поэтому конфликты они не избегают и не сглаживают.

Несмотря на то, что показатели акцентуаций характера, кроме тревожного у «хулиганов» более выражены, чем у «фанатов», сравнительный анализ по U-критерию Манна–Уитни показал, что статистически значимых различий в них нет.

Выводы

Таким образом, несмотря на то, что в обыденном сознании представители околофутбольной среды рассматриваются как идентичные друг другу, они имеют статистически значимые психологические различия. Выделенные на основе самоотчета подгруппы «фанатов» и «хулиганов», отличаются по показателям агрессивности, с преобладанием у «хулиганов» физической агрессии, негативизма и вербальной агрессии. Таким образом, группа «фанатов» отличается от группы «хулиганов» меньшей агрессивностью, более низким стремлением использовать физическую силу против другого лица, менее оппозиционной манерой в поведении против установившихся обычаев и законов, а также более редким выражением негативных чувств через крик и угрозы.

Можно отметить, что гипотеза о социальной фрустрированности как предпосылке агрессивности футбольных болельщиков не подтвердилась, имея низкий уровень интегрального показателя социальной фрустрированности, обе выделенные подгруппы отмечают для себя различные области негативных эмоций. Для «фанатов» этими областями потенциальной социальной фрустрированности являются материальное положение и проведение отпуска, а для хулиганов это в первую очередь современная обстановка в обществе и государстве и сфера медицинского обслуживания. Также «хулиганы» выражают неудовлетворенность взаимоотношениями с субъектами своей профессиональной деятельности, с коллегами или семьей, чего не наблюдается у «фанатов».

Футбольные болельщики не имеют ярко выраженного типа акцентуаций характера, что говорит о достаточной гибкости характера футбольных болельщиков, умении социально адаптироваться, что нашло свое косвенное подтверждение в том, что они трудоустроенные и семейные люди. Наиболее выраженными типами акцентуаций характера у обеих подгрупп являются гипертимный, застревающий и демонстративный. Исследуемые футбольные болельщики характеризуются такими чертами характера как общительность, оптимистичность и активность, умением не терять контроль в стрессовых

ситуациях, нетерпимость одиночества и строгого контроля. «Фанаты» и «хулиганы», проявляя застревающие черты личности могут быть упорны, выносливы, предъявлять высокие требования к себе и другим, проявляя конфликтность и подозрительность. Демонстративность футбольных болельщиков позволяет им быть в центре внимания, проявлять фантазию и харизматичность. Все показатели акцентуаций характера, кроме тревожного, у «хулиганов» более выражены, чем у «фанатов», кроме того, в профиле «хулиганов» выделяется высокая выраженность экзальтированного типа акцентуации характера.

Полученные результаты позволяют расширить представления о психологических особенностях людей из околофутбольной субкультуры, что позволит людям, заинтересованным в оптимизации проведения массовых футбольных мероприятий, более эффективно решать возникающие конфликтные ситуации.

Список литературы

1. Дым А. Околофутбольное насилие: причины, следствиям и отношении к немотивированному насилию // Русский фан-вестник. 2001. №2. С. 13–16.
2. Ениколопов С.Н. Психологические аспекты футбольного фанатизма молодежи // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 195–197.
3. Козлова В.С. Профессионально-зрелищный спорт и феномен околоспортивной субкультуры // Вестник МГУ. 2005. С. 16–19.
4. Мамедов В.А., Деккерт Д.В. Футбольные хулиганы / Челябинск. 2006. 105 с.
5. Марущак Н.В., Ениколопов С.Н., Агрессия и мотивация футбольных болельщиков // Коченовские чтения. Психология и право в современной России. 2010. № 6. С. 27–28.
6. Медников С.В. Личностные и ситуативные предпосылки агрессивного поведения футбольных болельщиков // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2011. С. 152–162.
7. Мейтин А.А. Преступления футбольных болельщиков: (криминал. характеристика и их предупреждение). М., 2005. 231 с.

8. Салахетдинов Э.Р. Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной околоспортивной субкультуре: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: М., 2008 г. 27 с.
9. Скворцова Е.В. Психосоциальные характеристики футбольных фанатов как субъектов глобализационного общества // Муниципальный институт г. Жуковского, г. Жуковский, Экспериментальная психология. 2011. том 4. № 2. С. 79–87.
10. Собкин В.С., Тян А.А. Самоидентификация футбольных хулиганов в социальном пространстве неформальных групп // Социальная психология и общество. № 2. 2012. С. 127–140.
11. Узикова А.Н. Связь досуговой активности и развития субъектности у футбольных фанатов // Культурно-историческая психология. 2011. № 4. С. 55–63.
12. Abell J. ‘They seem to think “We’re better than you”’: Framing football support as a matter of ‘national identity’ in Scotland and England // *British Journal of Social Psychology*. Volume 50, Issue 2. June 2011, pp. 246–264.
13. Bensimon M., Bonder E. Playing With Fire: The Impact of Football Game Chanting on Level of Aggression // *Journal of Applied Social Psychology*. Volume 41, Issue 10. October 2011, pp. 2421–2433.
14. Gkorezis P., Bellou V., Xanthopoulou D., Bakker A.B., Tsiftsis A. Linking football team performance to fans’ work engagement and job performance: Test of a spillover model // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. Volume 89, Issue 4. December 2016, pp. 791–812.
15. Piotrowski P. Coping With Football-Related Hooliganism: Healing Symptoms Versus Causes Prevention // *Journal of Applied Social Psychology*. Volume 36, Issue 3. March 2006, pp. 629–643.
16. Wann D.L. Preliminary validation of the Sport Fan Motivation Scale // *Journal of sport & social issues*. November, 1995, pp. 377–396.
17. Wall Street Journal: UEFA to investigate Russian soccer body after violence at Euro 2016. Published 12.06.2016. URL: <https://www.wsj.com/articles/uefa-to-investigate-russian-soccer-body-after-violence-at-euro-2016-1465731820> (дата обращения 29.10.2017).
18. Zani B., Kirchler E. When violence overshadows the spirit of sporting competition: Italian football fans and their clubs // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. Volume 1, Issue 1, April 1991, pp. 5–21.

References

1. Dym A. *Russkij fan-vestnik* [Russian fan reports]. 2001. №2, pp. 13–16.
2. Enikolopov S.N. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Reports of Moscow University of Internal Affairs of Russia]. 2014. № 3, pp. 195–197.
3. Kozlova B.C. *Vestnik MGU*. 2005, pp. 16–19.
4. Mamedov V.A., Dekkert D.V. *Futbol'nye huligany* [Football hooligans]. Cheljabinsk. 2006. 105 p.
5. Marushhak N.V., Enikolopov S.N. *Kochenovskie chtenija. Psihologija i pravo v sovremennoj Rossii*. 2010. № 6. pp. 27–28.
6. Mednikov S.V. *Vestnik SPbGU*. Volume 12. Sociology. 2011, pp. 152–162.
7. Mejtin A.A. *Prestuplenija futbol'nyh bolev'shhikov: (kriminal. karakteristika i ih preduprezhdenie)* [Crimes of football fans: (crime characterization and their warning)]. M., 2005. 231 p.
8. Salahetdinov Je.R. *Lichnostnye karakteristiki futbol'nyh fanatov v moloдеzhnoj okolosportivnoj subkul'ture* [Personal characteristics of football fans in the youth sports subculture]. M., 2008. 27 p.
9. Skvorcova E.V. *Municipal'nyj institut Zhukovskogo, Jeksperimental'naja psihologija*. 2011. V. 4. № 2, pp. 79–87.
10. Sobkin V.S., Tjan A.A. *Social'naja psihologija i obshhestvo* [Social psychology and Society]. № 2. 2012, pp. 127–140.
11. Uzikova A.N. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija* [Cultural-Historical Psychology]. 2011. № 4, pp. 55–63.
12. Abell J. 'They seem to think "We're better than you"': Framing football support as a matter of 'national identity' in Scotland and England. *British Journal of Social Psychology*. Volume 50, Issue 2. June 2011, pp. 246–264.
13. Bensimon M., Bonder E. Playing with Fire: The Impact of Football Game Chanting on Level of Aggression. *Journal of Applied Social Psychology*. Volume 41, Issue 10. October 2011, pp. 2421–2433.
14. Gkorezis P., Bellou V., Xanthopoulou D., Bakker A.B., Tsiftsis A. Linking football team performance to fans' work engagement and job performance: Test of a spillover model. *Journal of Occupational and*

- Organizational Psychology*. Volume 89, Issue 4. December 2016, pp. 791–812.
15. Piotrowski P. Coping with Football-Related Hooliganism: Healing Symptoms Versus Causes Prevention. *Journal of Applied Social Psychology*. Volume 36, Issue 3. March 2006, pp. 629–643.
  16. Wann D.L. Preliminary validation of the Sport Fan Motivation Scale *Journal of sport & social issues*. November, 1995, pp. 377–396.
  17. Wall Street Journal: UEFA to investigate Russian soccer body after violence at Euro 2016. Published 12.06.2016. <https://www.wsj.com/articles/uefa-to-investigate-russian-soccer-body-after-violence-at-euro-2016-1465731820> (accessed October 29, 2017).
  18. Zani B., Kirchler E. When violence overshadows the spirit of sporting competition: Italian football fans and their clubs. *Journal of Community & Applied Social Psychology*. Volume 1, Issue 1, April 1991, pp. 5–21.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Молчанова Елена Владимировна, доцент кафедры общей и социальной психологии, кандидат философских наук
Московский государственный институт международных отношений России, Одинцовский филиал
ул. Ново-спортивная, 3, г. Одинцово, Московская область,
143007, Российская Федерация
elvmolchanova@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Molchanova Elena Vladimirovna, Associate Professor, Department of the General and Social Psychology, Ph. D. in Philosophy
MGIMO University Campus at Odintsovo
3, Novo-Sportivnaya Str., Odintsovo, Moscow Region, 143007,
Russian Federation
elvmolchanova@gmail.com
SPIN-code: 2446-0021
ORCID: 0000-0002-7232-3699
ResearcherID: C-7866-2017

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-189-200

УДК 159.9

СВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И ПРОКРАСТИНАЦИИ У СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Романова М.В.

Цель. Статья посвящена актуальной теме в рамках современной педагогической психологии. Целью работы является изучение связи прокрастинации и перфекционизма у студентов различных направлений подготовки.

Методология и методы работы. В качестве методологической основы исследования выступают работы отечественных и зарубежных исследователей, в которых раскрываются понятия «прокрастинация» и «перфекционизм». Основным методом исследования является тестирование.

Результаты. Статья включает в себя теоретический анализ изучаемых феноменов. Представлены результаты исследования выраженности прокрастинации и перфекционизма у студентов вуза. Описана связь между изучаемыми явлениями у учащихся различных направлений подготовки. В исследовании приняло участие 73 студента.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в учебно-воспитательном процессе вуза, а также в рамках профилактических и психокоррекционных работ со студентами различных направлений подготовки.

Ключевые слова: прокрастинация; перфекционизм; студент; гуманитарное направление подготовки; техническое направление подготовки.

THE RELATIONSHIP OF PERFECTIONISM AND PROSCRASINATION IN STUDENTS OF VARIOUS TRAINING DIRECTIONS

Romanova M. V.

Purpose. The article is devoted to an actual topic within the framework of modern pedagogical psychology. The aim of the work is to study

the connection between procrastination and perfectionism in students of different areas of training.

Methodology. *As a methodological basis for the research work by domestic and foreign researchers, in which the concepts of “procrastination” and “perfectionism” are revealed. The main method of research is testing.*

Results. *The article includes a theoretical analysis of the phenomena studied. The results of the study of the manifestation of procrastination and perfectionism in university students are presented. The relationship between the phenomena studied in students in various areas of training is described. The study involved 73 students.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the educational process of the university, as well as in the framework of preventive and psychocorrective work with students of various training areas.*

Keywords: *procrastination; perfectionism; student; humanitarian direction of training; technical direction of training.*

Введение

Современные условия жизни требуют от человека, а тем более и от студента, высокой мобильности, уровня самоорганизации, а также способности быстро действовать в условиях неопределенности. Вследствие такой подвижности жизненных событий происходят различные неблагоприятные феномены, снижающие активную деятельность молодого поколения. Одними из них являются перфекционизм и прокрастинация.

Данные явления появляются в научном обиходе относительно недавно. Впервые термин «прокрастинация» был введен в 1977 году П. Рингенбахом. «Прокрастинация» (лат. Pro – вместо, Crastinus – завтрашний) обозначает откладывание «на потом» дел, особенно если они неприятны [8]. Но несмотря на свою молодость, данное явление изучают многие ученые: А. Эллис, В. Кнаус [10], Дж. Бурка, Л. Юэн [9], П. Стилл [14], В.В. Барабанщикова [1], А.К. Болотова, А.А. Чеврениди [2], Н.Н. Карловская [7], Я.И. Варваричева [3]. В 80-ых г.г. был осуществлен академический анализ данного феномена (Solomon 1984, Lay 1986), а позже были созданы методы

дифференциации прокрастинации [13, 15]. Но несмотря на данные исследования, причины и механизмы данного явления не определены. В большинстве случаев изучается академическая или учебная прокрастинация, так как именно процесс учения является одним из факторов возникновения изучаемого феномена. Препятствием в снижении способностей к продуктивной учебной деятельности и является прокрастинация, которая свойственна студентам, при этом человек откладывает подготовку к занятиям, экзаменам до «последнего момента».

Еще одним барьером становится перфекционизм, при котором субъект добивается безупречности, к совершенству и устанавливает высокие цели, что непосредственно влияет на процесс учения.

Первое упоминание термина «перфекционизм» встречается в 1965 году в работах М. Холендера. Он представил понятие как ежедневное предъявление человеком к себе высоких требований в реализации какой-либо значимой деятельности. Также рассмотрением данного явления занимались П. Хьюитт, Г. Флетт [5], Д. Бернс, Д. Хамачек [11]. В отечественной психологии изучением перфекционизма занимались Н.Г. Гаранян [4], Е.П. Ильин [6] и др. Они утверждали, что это сложное психологическое образование, заключающееся в стремлении субъекта к идеалу и безупречности, к совершенству не только личностных качеств самого себя, но и продуктов собственной деятельности.

Следовательно, актуальность нашего исследования заключается в том, что явления перфекционизма и прокрастинации сегодня оказываются достаточно новыми и одновременно востребованными в рамках научных работ. Но, несмотря на существующие исследования в области изучения академической прокрастинации, в научной психологии нет данных об их связи с перфекционизмом. Также остается открытым предметом обсуждения – связь данных явлений у студентов различных направлений подготовки, а именно: гуманитарных и технических специальностей. По этой причине встает несколько вопросов: что является причиной возникновения перфекционизма и прокрастинации у студентов различных направлений подготовки и каким образом между собой связаны данные явления.

Организация и методы исследования

В качестве основного метода исследования связи прокрастинации и перфекционизма у студентов различных направлений использовано тестирование. Были проведены следующие методики:

1. Шкала общей прокрастинации К. Лэй в адаптации Я.И. Варваричевой;
2. Опросник общей прокрастинации Б. Такмана в адаптации Т.Л. Крюковой;
3. Многомерная шкала перфекционизма Хьюитта-Флетта в адаптации И.И. Грачевой.

В исследовании используется критерий Пирсона – метод параметрической статистики, позволяющий определить наличие или отсутствие между двумя переменными величинами, а также оценить ее статистическую значимость.

В качестве испытуемых выступили студенты ПГУ (г.Пенза) направления подготовки «Психология» в количестве 38 человек в возрасте 17–20 лет, и направления подготовки «Технологические машины и оборудование» в количестве 35 человек в возрасте 17–20 лет. Общее количество испытуемых – 73 студента.

Результаты и обсуждение

В начале нашего исследования, мы определили уровень перфекционизма и прокрастинации у студентов различных направлений подготовки и получили следующие результаты (таблица 1).

Таблица 1.

Результаты диагностики перфекционизма и прокрастинации у студентов различных направлений подготовки (в %)

Уровни прокрастинации	Студенты гуманитарного направления			Студенты технического направления		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
	4	68	28	20	62	18
Виды перфекционизма	перф-м на себя	перф-м на других	социально-предписанный перф-м	перф-м на себя	перф-м на других	социально-предписанный перф-м
	58	20	22	36	26	38

Из таблицы видно, что у студентов гуманитарного направления преобладает средний уровень прокрастинации (68%). У студентов технического направления также преобладает средний уровень (62%), что свидетельствует о зависимости выполнения учебной деятельности от личной заинтересованности самих студентов (мотивации учения). Высокий уровень прокрастинации свойственен студентам гуманитариям (28%). Это характеризуется склонностью таких студентов переносить исполнение заданий или подготовку к зачетам и экзаменам, несмотря на то, что могут возникнуть негативные последствия из-за задержки исполнения нагрузки. На наш взгляд, студентам направления подготовки «Психология» это конечно свойственно, чем учащимся технической специальности потому, что для гуманитарий свойственно выполнение заданий, связанных с поиском, прочтением и выучиванием большого количества теоретического материала. Именно это и определяет распределение временного ресурса студента гуманитария: «успею всё потом прочитать». Студенты технических специальностей часто сталкиваются с заданиями прикладного характера, которое возможно сделать только за продолжительное время, поэтому откладывать выполнение учебных задач для них не свойственно.

Далее изучим степень выраженности трех видов перфекционизма: перфекционизм, ориентированный на себя, на других и социально-предписанный перфекционизм. Для студентов направления подготовки «Психология» больше свойственен ориентированный на себя перфекционизм (58%). Учащимся типично предъявлять себе и результатам собственной деятельности завышенные притязания (желание учиться на «отлично»). Остальные виды перфекционизма студентам гуманитарного направления свойственны в меньшей степени. Для учащихся технической специальности – у большинства опрошенных встречается социально-предписанный перфекционизм (38%). При данном виде перфекционизма молодые люди расценивают требования, предъявляемые к ним окружающими (чаще всего родителями), как преувеличенные и идеалистические, что в последствии, сказывается на результатах обучения (снижение успе-

ваемости). Но необходимо отметить, что у студентов технического направления подготовки нет ярко выраженного уровня перфекционизма. Результаты распределились примерно одинаково: 36%, 26% и 38%. По нашему мнению такое расположение видов перфекционизма характеризуется спецификой учебной деятельности таких специальностей и направлений подготовки, которые определяются в большей степени направленностью на себя, на тщательность и педантичность выполняемых заданий, на достижение высоких результатов, но не на их демонстрацию и не на акцентирование своей роли в данной деятельности. Это скромные, застенчивые и предпочитающие «промолчать» молодые люди, не желающие себя позиционировать и стремиться каким-либо образом выделиться. Поэтому и все виды перфекционизма находятся на среднем или низком уровнях.

Далее мы рассмотрели связь различных видов перфекционизма с прокрастинацией у студентов гуманитарного направления с помощью критерия линейной корреляции Пирсона (таблица 2).

Таблица 2.

Результаты корреляционного анализа различных видов перфекционизма и прокрастинации у студентов гуманитарного направления

	Уровень прокрастинации
Перфекционизм, ориентированный на себя	$r_{sp} = 0,52$ (при $p \leq 0,05$) $r_3 = 0,23$
Перфекционизм, ориентированный на других	$r_{sp} = 0,62$ (при $p \leq 0,05$) $r_3 = 0,75$
Социально-предписанный перфекционизм	$r_{sp} = 0,84$ (при $p \leq 0,05$) $r_3 = 0,88$

Значимая корреляция наблюдается между такими параметрами как социально-предписанный перфекционизм и уровнем прокрастинации. Это может быть связано с потребностью соответствовать требованиям окружающих и общепринятым стандартам. Высокие эталоны окружающих приводят к резкому снижению удовольствия от самого процесса деятельности и ее результатов (оценки). Не всегда удается с данными ожиданиями сочетаться, и как следствие, происходит откладывание собственной деятельности (в нашем случае учебной), с целью обезопасить себя от ситуации поражения. То есть в данном случае прокрастинация может возникать как некий меха-

низм психологической защиты, который спасает молодого человека от разочарования в себе, от снижения самооценки и появления собственной несостоятельности.

Также выявлена связь между перфекционизмом, ориентированным на других и прокрастинацией. Мы можем это объяснить тем, что студент, имея груз завышенных требований по отношению к себе, проецирует данные ожидания и на других, на окружающих. В последствии откладывает собственную учебу на потом, ждет от других выполнения каких-либо действий, тем самым избегая осуждения и внимания к себе.

Рассмотрим связь различных видов перфекционизма с прокрастинацией у студентов технического направления с помощью критерия линейной корреляции Пирсона (таблица 3).

Таблица 3.

Результаты корреляционного анализа различных видов перфекционизма и прокрастинации у студентов технического направления

	Уровень прокрастинации
Перфекционизм ориентированный на себя	$r_{sp} = 0,74$ (при $p \leq 0,01$) $r_3 = 0,86$
Перфекционизм ориентированный на других	$r_{sp} = 0,72$ (при $p \leq 0,05$) $r_3 = -0,47$
Социально-предписанный перфекционизм	$r_{sp} = 0,62$ (при $p \leq 0,05$) $r_3 = 0,68$

Определена связь между перфекционизмом ориентированным на себя и уровнем прокрастинации. Данные объясняется тем, что человек устанавливает завышенные стандарты по отношению к себе, склонен к постоянному самооцениванию, присутствует мотив стремления к совершенству, и если возникает сомнение в своих силах относительно выполнения деятельности, то легче ее отложить, чтобы обезопасить себя от разочарования и неудачи. Снова возникает некий механизм психологической защиты.

Также значимая корреляция наблюдается между такими параметрами как социально-предписанный перфекционизм и прокрастинация. Полученные данные объясняются тем, что представители данного возраста убеждены в собственной неспособности доставить удовольствие другим, возникает страх быть воспринятыми

значимыми для них людьми как неспособными, не совершенными в выполнении задания, и чтобы избежать этого они откладывают его исполнение.

Интересны результаты, полученные между перфекционизмом, ориентированным на других и прокрастинацией. Обнаружено отсутствие корреляции. Мы можем предположить, что такие данные связаны с тем, что учащиеся технического направления подготовки самодостаточны и уверены в своих способностях и возможностях, что подтверждается результатами диагностики выраженности различных видов перфекционизма.

Таким образом, наше предположение о существовании связи между видами перфекционизма с прокрастинацией у студентов различных направлений подготовки подтверждается. У учащихся гуманитарного направления выявлена связь между перфекционизмом ориентированным на других с прокрастинацией ($p \leq 0,05$), а также связь социально-предписанного перфекционизма с прокрастинацией ($p \leq 0,05$). У студентов технического направления – связь социально-предписанного перфекционизма с прокрастинацией ($p \leq 0,05$), а также перфекционизма ориентированного на себя с прокрастинацией ($p \leq 0,01$).

Заключение

В итоге, в результате нашего исследования была изучена выраженность различных видов перфекционизма и уровни прокрастинации у студентов различных направлений подготовки, а также выявлена их связь.

Мы выявили, что гуманитарии больше имеют склонность проявлять прокрастинацию, чем студенты технической направленности. Также у них ярко выражен перфекционизм, ориентированный на себя. Для учащихся технического направления не характерен перфекционизм, а также все уровни прокрастинации находятся на средних значениях. Полученные данные свидетельствуют о специфике направлений подготовки, и об особенностях самих студентов: гуманитарии экстравертированы и коммуникативны, студенты

технического направления подготовки – ориентированы на себя, на свою деятельность и на ее результаты.

По итогам работы можно утверждать, что у студентов, обучающихся по направлению подготовки «Психология» отмечается значительная связь между прокрастинацией и социально-предписанным перфекционизмом, а также между прокрастинацией и перфекционизмом, ориентированным на других. Это объясняем тем, что социально-предписанный перфекционизм трактуется как предъявление к другому человеку совершенства и безупречности во всем, тем самым, окружающие довольно строго оценивают субъекта и побуждают его быть лучшим. Представления студента сводятся к тому, что он не может подходить под ожидания. В результате он откладывает учебную деятельность из-за боязни быть обесцененным и непонятым другими, из-за возможности получения негативной оценки. Данная ситуация провоцирует возникновение прокрастинации и учащиеся переносят осуществление своих учебных обязанностей на некоторое время. Так же выделена значимая корреляция между прокрастинацией и перфекционизмом, ориентированным на других. Полученные диагностические данные можно разъяснить следующим образом: студенты завышают требования к окружающим людям с одновременным увеличением собственного уровня прокрастинации, что допускает считать сложившуюся ситуацию как тип уклонения от стресс-реакции и напряжения из-за собственного несоответствия тем требованиям, которые они сами предъявляют другим.

У студентов, обучающихся по направлению подготовки «Технологические машины и оборудование» определена связь между социально-предписанным перфекционизмом и прокрастинацией, а также перфекционизмом, ориентированным на себя и различными уровнями прокрастинации. Учащийся склонен к постоянному самооцениванию, к мотивации стремления к совершенству, и если возникает сомнение в своих силах, то откладывает деятельность, чтобы обезопасить себя от разочарования и неудачи.

В дальнейшем мы планируем продолжить исследование прокрастинации и перфекционизма у студентов в руслах большей диффе-

ренциации видов и уровней изучаемых явлений, а также планируем проследить динамику данных феноменов на различных уровнях обучения в вузе.

Список литературы

1. Барабанщикова В.В. Феномен прокрастинации в деятельности членов виртуальных проектных групп / В.В. Барабанщикова, Е.О. Каминская // Национальный психологический журнал. 2013. №2(10). С. 43–51.
2. Болотова А.К. Временной модус прокрастинации в ретроспективе: виды, предикторы и последствия / А.К. Болотова, А.А. Чеврениди // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 4. С. 101–108. doi: 10.17759/chp.2017130411
3. Варваричева Я.И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования / Я.И. Варваричева // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121–131.
4. Гаранян Н.Г. Типологический подход к изучению перфекционизма / Н.Г. Гаранян // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 52–60.
5. Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. № 6(Том 27). С. 73–81.
6. Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб: Питер, 2011. 224 с.
7. Карловская Н.Н. Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью / Н.Н. Карловская, Р.А. Баранова // Психология в вузе. 2008. №3. С. 38–49.
8. Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак. 2009. 811 с.
9. Burka J., Yuen L. Procrastination: Why you do it, what to do about it. Reading, MA: Addison-Wesley, 1983 // APA.ORG: сайт Американской Психологической Ассоциации. URL: <http://www.apa.org/pubs/index.aspx> (дата обращения: 29.01.2013).

10. Ellis A., Knaus W.J. Overcoming procrastination. New York: Signet Books, 1977 // APA.ORG: сайт Американской Психологической Ассоциации. <http://www.apa.org/pubs/index.aspx> (дата обращения: 28.01.2013).
11. Hamachek D. Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism // Psychology. 1978. V. 15, pp. 27–33.
12. Lay C. H. At last, my research article on procrastination // Journal of Research in Personality. 1986. 20, pp. 474–495.
13. Rheame J., Freeston M.H., Ladouceur R., Bouchard C., Gallant L., Talbot F., Vallieres A. Functional and dysfunctional perfectionists: are the different on compulsive-like behaviors? // Behavior Research and Therapy. 2000. V. 38. № 2, pp. 119–228.
14. Steel P. The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure. Psychological Bulletin, 133, 2007, pp. 65–95.
15. Ferrari J.R., & Tice D.M. Procrastination as a self-handicap for men and women: A task-avoidance strategy in a laboratory setting // Journal of Research in Personality. 2000. 34, pp. 73–83.

References

1. Barabanshchikova V.V., Kaminskaya E.O. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*. 2013. №2(10), pp. 43–51.
2. Bolotova A.K., Chevrenidi A.A. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2017. V. 13. № 4, pp. 101–108. doi: 10.17759/chp.2017130411
3. Varvaricheva Ya.I. *Voprosy psikhologii*. 2010. № 3. P. 121–131.
4. Garanyan N.G. *Voprosy psikhologii*. 2009. № 6, pp. 52–60.
5. Gracheva I.I. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2006. № 6, V. 27), pp. 73–81.
6. Il'in E.P. *Rabota i lichnost'*. *Trudogolizm, perfektsionizm, len'* [Work and personality. Workaholism, perfectionism, laziness]. SPb: Piter, 2011. 224 p.
7. Karlovskaya N.N., Baranova R.A. *Psikhologiya v vuze*. 2008. №3, pp. 38–49.
8. Meshcheryakov B.G. *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'* [Big psychological dictionary] / Ed. B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko. M.: AST; SPb.: Praym-Evroznak. 2009. 811 p.
9. Burka J., Yuen L. Procrastination: Why you do it, what to do about it. Reading, MA: Addison-Wesley, 1983. *APA.ORG*. <http://www.apa.org/pubs/index.aspx>

10. Ellis A., Knaus W.J. Overcoming procrastination. New York: Signet Books, 1977. *APA.ORG*. <http://www.apa.org/pubs/index.aspx>
11. Hamachek D. Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism. *Psychology*. 1978. V. 15, pp. 27–33.
12. Lay C.H. At last, my research article on procrastination. *Journal of Research in Personality*. 1986. 20, pp. 474–495.
13. Rheame J., Freeston M.H., Ladouceur R., Bouchard C., Gallant L., Talbot F., Vallieres A. Functional and dysfunctional perfectionists: are the different on compulsive-like behaviors? *Behavior Research and Therapy*. 2000. V. 38. № 2, pp. 119–228.
14. Steel P. The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure. *Psychological Bulletin*, 133, 2007, pp. 65–95.
15. Ferrari J.R., & Tice D.M. Procrastination as a self-handicap for men and women: A task-avoidance strategy in a laboratory setting. *Journal of Research in Personality*. 2000. 34, pp. 73–83.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Романова Марина Владимировна, доцент кафедры «Общая психология», кандидат психологических наук
ФГБОУ ВО «Пензенский Государственный Университет»
ул. Красная, 40, г. Пенза, Пензенская область, 440026, Российская Федерация.
marinaaa82.@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Romanova Marina Vladimirovna, Associate Professor of the Department ‘General psychology’, Candidate of Psychological Sciences
Penza State University
40, Krasnaya Str., Penza Region, Penza, 440026, Russian Federation
marinaaa82.@bk.ru
SPIN-code: 3492-5870
ORCID: 0000-0002-3481-0728

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-201-214
УДК 159. 9-057.87(045)

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

*Савинова Т.В., Кудашкина О.В.,
Ерохина Т.Г.*

***Цель.** Статья посвящена развитию личностной готовности будущего педагога к инновационной деятельности. Данная проблема в настоящее время стала особо актуальной в связи с реформированием профессионального образования и его ориентированием на инновации.*

***Метод или методология проведения работы.** Теоретический анализ литературы по проблеме исследования, проектирование программы развития личностной готовности будущего педагога к инновационной деятельности в процессе изучения психологических дисциплин.*

***Результаты.** Разработанная в ходе исследования программа способствует развитию у будущих педагогов личностных качеств, необходимых для эффективной реализации инновационной деятельности.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть полезны преподавателям вузов и использоваться в процессе разработки и проведения психологических дисциплин; специалистами различных организаций для формирования кадровой политики и подбора персонала.*

***Ключевые слова:** инновационная деятельность; личностная готовность; будущий педагог; психологические дисциплины; студент.*

DESIGN AND IMPLEMENTATION OF THE PROGRAM OF DEVELOPMENT OF THE PERSONAL PREPAREDNESS FOR THE FUTURE TEACHER TO INNOVATIVE ACTIVITY IN THE PROCESS OF STUDYING PSYCHOLOGICAL DISCIPLINES

Savinova T.V., Kudashkina O.V., Erokhina T.G.

Purpose. *The article is devoted to the development of the personal readiness of the future teacher for innovative activities. This problem has now become particularly relevant in connection with the reform of vocational education and its orientation towards innovation.*

Methodology. *Theoretical analysis of literature on the problem of research, designing a program for developing the personal readiness of the future teacher for innovative activities in the process of studying psychological disciplines.*

Results. *The program developed during the research contributes to the development by the future teachers of innovative psychological and pedagogical technologies and the development of personal qualities necessary for the effective implementation of innovative activities.*

Results implications. *The program developed in the course of the research contributes to the development of the personal qualities necessary for effective implementation of innovative activity in future educators.*

Keywords: *innovation activity; personal readiness; the future teacher; psychological disciplines; student.*

Введение

Проблема личностной готовности будущих педагогов к инновационной деятельности в последние годы стала особо актуальной в связи с реформированием профессионального образования и его ориентированием на инновации. Личностная готовность к инновационной деятельности является залогом успешной профессиональной деятельности и является результатом качественной специальной подготовки.

Согласно Концепции долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, переход экономики государства на инновационный тип развития возможен только при условии формирования конкурентоспособной в глобальном масштабе национальной инновационной системы, ключевым фактором успешного функционирования которой является эффективная система воспроизводства конкурентоспособных на мировом уровне кадров научной и научно-образовательной сферы, привлечения и закрепления в науке талантливой молодежи, обеспечения повышения качества подготовки кадров высшей квалификации, в том числе в рамках научных и научно-образовательных структур высших учебных заведений [8].

Развитие личностной готовности студентов педагогического вуза к инновационной деятельности должно уже прочно войти в программу высшего профессионального образования и действовать в соответствии с современными требованиями общества и науки в частности.

Обзор литературы

Теоретический анализ отечественных и зарубежных источников свидетельствует о наличии устойчивого научного и практического интереса к изучению личностной готовности к инновационной деятельности. В настоящее время имеется ряд исследований, посвященных изучению инноваций (С.В. Романченко [10], С.Р. Яголковский [14], G. Mensch [15]), особенностей инновационной деятельности в образовании (Ю.В. Варданын [1], Н.В. Винокурова [2], Э.Ф. Зеер [6], Е.Т. Конюхова [6], О.И. Карпунина [7]), формированию готовности к инновационной профессиональной деятельности (В.И. Горювая [3], Н.Г. Пьянкова [3], Т.В. Савинова [12], Y.S.Tyunnikov [16]), внедрению инновационных педагогических технологий (И.Д. Дерновский [4], А.Н. Панфилова [9]). Однако анализ научных исследований и опыта педагогической деятельности позволяет констатировать, что возможности психологических дисциплин для развития личност-

ной готовности студентов педагогического вуза еще недостаточно изучены, что повышает актуальность целенаправленного обращения к данному вопросу.

По мнению В.А. Сластенина, Л.С. Подымовой, инновационная направленность профессиональной деятельности педагогов в современных условиях развития общества и образования определяется рядом обстоятельств:

- социально-экономическими изменениями, которые способствуют возрастанию необходимости обновления всей системы образования, методов и приемов организации учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях;
- постоянным изменением объема и состава учебных предметов, а также введением новых учебных дисциплин;
- изменением отношения педагогов к факту освоения и внедрения педагогических новшеств в собственную профессиональную деятельность;
- вхождением в рыночные отношения образовательных учреждений [13].

Личностная готовность к инновациям определяется положительным отношением к инновациям в собственной работе, готовностью их использовать, постоянным саморазвитием и стремлением создать качественно новый продукт или технологию [11].

Личностная готовность будущего педагога к инновационной деятельности представляет собой целостный психологический феномен, единство когнитивного (знание инноваций, способов их применения), аффективного (положительное отношение к инновациям) и деятельностного (владение инновационными педагогическими технологиями, креативность) компонентов.

Изучение психологических дисциплин позволяет будущим педагогам грамотно выстраивать образовательный маршрут с учетом всех особенностей личности. В рамках психологических дисциплин изучаются механизмы и закономерности процесса усвоения знаний, выявляются психологические особенности, оказывающие

влияние на эффективность учебного процесса и развитие творческого мышления учащихся, а также изучаются проблемы взаимоотношений учащихся друг с другом и с педагогическим коллективом образовательной организации.

Вовлечение будущего педагога в инновационную деятельность в процессе изучения психологических дисциплин способствует повышению уровня профессиональной компетентности, активизирует его стремление к получению новых знаний, к самовыражению, самореализации при решении педагогических задач, к развитию творческого потенциала.

В.И. Загвязинский, Т.А. Строкова отмечают, что профессиональную деятельность учителя сложно назвать полноценной, если она строится только на принципах воспроизводства ранее усвоенных методов работы. Такая деятельность не эффективна в связи с тем, что в ней не используются существующие инновационные возможности, которые позволяют добиться более высоких результатов в образовании. Педагогический процесс, построенный с учетом современных образовательных потребностей и особенностей учеников, стимулирует интерес учащихся к учебным предметам, способствует повышению показателей успеваемости, развитию профессиональных компетенций педагога [5].

Описание исследования

Для определения личностной готовности будущих педагогов к инновационной деятельности в ходе исследования использовались следующие методики: тест «Диагностика инновационности субъекта» (М. Кёртон), тест «Диагностика личностной креативности» (Е.Е. Туник), методика «Шкала самооценки инновативных качеств личности» (Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко).

По результатам проведенной диагностики можно сделать вывод о том, что преобладающая часть студентов характеризуется средним и низким уровнями инновационных характеристик: 42,3% испытуемых являются слабовыраженными инноваторами, для 53,8% студентов характерен средний уровень личностной креативности и

инновативных качеств, а для 21,1% испытуемых – низкий, что говорит о шаблонности мышления и отсутствии стремления к изучению и разработке инноваций.

С учетом полученных диагностических данных была разработана и реализована в рамках дисциплины «Психология» программа развития личностной готовности будущего педагога к инновационной деятельности. В исследовании приняли участие 52 студента 2 курса ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева», направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование.

Основной целью программы являлось развитие личностной готовности будущих педагогов к инновационной деятельности.

Исходя из цели, были выделены следующие задачи программы:

- повышение профессиональной компетентности студентов по проблеме педагогических инноваций;
- выявление индивидуальных особенностей личностной готовности к инновационной деятельности;
- развитие таких компонентов личностной готовности к инновационной деятельности как: положительное отношение к инновациям, воображение, творческая направленность мышления.

Программа включала 4 раздела, соответствующие рабочей программе дисциплины «Психология»: общая психология, возрастная психология, социальная психология, педагогическая психология. В каждом разделе было представлено по 5 занятий, предусматривающих выполнение специальных заданий, направленных на развитие личностной готовности к инновационной деятельности. Общее количество занятий – 20. Продолжительность выполнения заданий: 30 минут. Форма работы варьировалась в зависимости от содержания занятия.

При организации занятий использовались такие технологии как: групповая дискуссия, мозговой штурм, «жужжащие» группы, решение педагогических проблемных ситуаций, метод анализа кейсов, игровое проектирование, метод «инцидента» и т. д.

Исходя из сформулированного в ходе исследования определения личностной готовности будущего педагога к инновационной деятельности, в содержание программы включены задания, направленные на развитие ее когнитивного, аффективного и деятельностного компонентов. Приведем примеры некоторых заданий.

Раздел «Общая психология».

1. Тема «Воображение»: подготовка эссе на тему «Взаимосвязь инновационной деятельности и воображения».
2. Тема «Человек как субъект внутреннего мира»: анализ собственной готовности к инновационной деятельности; составление психолого-педагогических рекомендаций по развитию творческого потенциала личности.
3. Тема «Потребностно-мотивационная сфера личности»: групповая дискуссия: «Что может мотивировать педагога на создание инновационного проекта?».
4. Тема «Темперамент»: подготовка групповых проектов о типах темперамента и их предрасположенности к инновационной деятельности, анализ проектов с использованием технологии «жужжащие» группы.
5. Тема «Эмоции и чувства»: работа проблемных групп по темам: «Эмоциональная устойчивость как фактор развития личностной готовности к инновационной деятельности», «Способы эмоционального реагирования на инновации в образовательном учреждении».

Раздел «Возрастная психология».

1. Тема «Психология ребенка раннего возраста»: разработка авторской игры для развития одного из познавательных процессов ребенка раннего возраста.
2. Тема «Психология ребенка дошкольного возраста»: разработка инновационных проектов развивающих центров/детских садов и т. д. для детей дошкольного возраста.
3. Тема «Психология ребенка младшего школьного возраста»: разработка конспекта мероприятия для младших школьников, направленного на развитие творческого мышления учащихся.

4. Тема «Психология подростков»: разработка и решение психологических кейсов на тему особенностей развития личностной сферы подростков.
5. Тема «Психология юности»: мозговой штурм: «Какие формы работы могут быть использованы для развития у юношей креативности и готовности к инновационной деятельности?».

Раздел «Социальная психология».

1. Тема «Психология общения»: групповая дискуссия: «Как уровень коммуникабельности может влиять на реализацию педагогом инновационной деятельности?»; модификация игр, направленных на развитие коммуникативных, интерактивных, перцептивных способностей.
2. Тема «Социальная психология групп»: определение условий и возможностей использования инновационных педагогических технологий при работе с малыми группами.
3. Тема «Проблемы личности в социальной психологии»: подбор методик и диагностика личностной готовности будущих педагогов к инновационной деятельности.
4. Тема «Социализация»: разработка кейсов по теме «Институты социализации, их инновационный потенциал».
5. Тема «Конфликты и стратегии их разрешения»: ролевая игра «Сглаживание конфликтов»; поиск эффективных способов разрешения конфликтов в образовательном процессе.

Раздел «Педагогическая психология».

1. Тема «Психологические основы педагогической деятельности»: построение маршрута саморазвития творческого потенциала учителя, разработка психолого-педагогических рекомендаций педагогам по развитию инновационного мышления.
2. Тема «Профессионально-педагогическое общение»: характеристика стилей профессионально-педагогического общения и определение их инновационной направленности.
3. Тема «Психология личности учителя»: составление характеристики учителя, нацеленного на инновационную деятельность; выявление причин, затрудняющих разработку и использование инновационных технологий.

4. Тема «Проблемы профессионально-психологической компетенции и профессионально-личностного роста»: определение личностных характеристик педагога, способствующих эффективной реализации инновационной деятельности и способов их развития
5. Тема «Образование в современном мире»: составление психологического портрета инновационного учителя; подготовка списка литературы для педагогов по проблеме развития творческого потенциала и инновационности.

Таким образом, в процессе реализации данной программы будущие педагоги получают знания об инновациях и возможностях их реализации в образовательном процессе, знакомятся с современными инновационными технологиями, пробуют себя в роли настоящих проектировщиков и авторов инновационных проектов. В ходе заключительного занятия студенты получают памятки с психолого-педагогическими рекомендациями для развития личностной готовности к инновационной деятельности.

Для определения эффективности программы был осуществлен сравнительный анализ данных испытуемых до и после ее реализации с использованием F^* критерия Фишера. Среди испытуемых снизилось количество слабовыраженных адапторов (1,943*), при этом увеличилось количество инноваторов (2,014*). Также увеличилось число студентов с высоким уровнем инновативных качеств личности (1,882*), в то время как количество испытуемых с низким уровнем значительно уменьшилось (3,564**).

Заключение

В целом, разработанная в ходе исследования программа способствует развитию личностных качеств, необходимых для эффективной реализации инновационной деятельности. Результаты данного исследования могут быть полезны преподавателям вузов и использоваться в процессе разработки и проведения психологических дисциплин; специалистами различных организаций для формирования кадровой политики и подбора персонала.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева и Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева) по теме «Развитие личностной готовности будущего педагога к инновационной деятельности в процессе изучения психологических дисциплин».

Список литературы

1. Варданян Ю.В. Инновационная деятельность научно-образовательного комплекса: истоки, опыт и перспективы развития // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 2(10). С. 35–41.
2. Винокурова Н.В. О возможностях инновационного развития педагогических вузов // Гуманитарные науки и образование. № 2(6). 2011. С. 14–17.
3. Горовая В.И., Пьянкова Н.Г. О подготовке студентов к инновационной профессиональной деятельности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. № 2. С. 51–57.
4. Дерновский И.Д. Инновационные педагогические технологии. Киев: Академвидав, 2004. 352 с.
5. Загвязинский В.И., Строкова Т.А. Педагогическая инноватика: проблемы стратегии и тактики. Тюмень: ТГУ, 2011. 176 с.
6. Зеер Э.Ф., Конюхова Е.Т. Психологические факторы влияния установки педагогов на инновационную деятельность // Образование и наука. 2010. № 4. С. 41–50.
7. Карпунина О.И. Факультет психологии и дефектологии: инновации и перспективы развития // Гуманитарные науки и образование. 2012. №2(10). С. 28–31.
8. Концепция федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы.

- URL: http://www.rg.ru/pril/81/02/04/760_koncepciia.pdf/ (дата обращения: 20.06.2018).
9. Панфилова А.Н. Инновационные педагогические технологии. М.: Академия, 2012. 191 с.
  10. Романченко С. В. Новшества, нововведения, инновации: определения и сущность // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 166–168.
  11. Савинова Т.В., Ерохина Т.Г. Исследование личностной готовности будущих педагогов к инновационной деятельности как компонента профессиональной стратегии // Проблемы современного педагогического образования. Ялта: РИО ГПА. 2017. Вып. 57. Ч. 13. С. 183–189.
  12. Савинова Т.В., Пильщикова Г.В. Тренинг как технология развития инновационного мышления студентов // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 4(24). С. 87–90.
  13. Слостенин В.А., Подымова Л.С. Педагогика: инновационная деятельность. М.: Магистр, 1997. 224 с.
  14. Яголковский С. Р. Психология инноваций: подходы, модели, процессы. М.: ГСПИ, 2010. 263 с.
  15. Mensch G. Theory of Innovation. Berlin: International Institute of Management, 1983. 184 p.
  16. Tyunnikov Y.S. Integral assessment of future teachers' professional preparation for innovative activity // European journal of contemporary education. No 3. 2013, pp. 183–200.

References

1. Vardanyan Yu.V. Innovative activity of the scientific and educational complex: sources, experience and development prospects. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education]. 2012. No 2(10), pp. 35–41.
2. Vinokurova N.V. On the possibilities of innovative development of pedagogical universities. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education]. 2011. No 2 (6), pp. 14–17.
3. Gorovaya V.I., Pyankova N.G. On the preparation of students for innovative professional activity. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo*

- universiteta im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University N.A. Nekrasov]. 2008. No 2, pp. 51–57.
4. Dernovsky I.D. *Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii* [Innovative pedagogical technologies]. Kiev: Akademvidav, 2004. 352 p.
  5. Zagvyazinsky V.I., Strokova T.A. *Pedagogicheskaya innovatika: problemy strategii i taktiki* [Pedagogical Innovation: Problems of Strategy and Tactics]. Tyumen: TGU, 2011. 176 p.
  6. Zeer E.F., Konyukhova E.T. Psychological factors of the influence of the installation of teachers on innovation activity. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science]. 2010. No 4, pp. 41–50.
  7. Karpunina O.I. Faculty of Psychology and Defectology: Innovations and Development Prospects. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education]. 2012. No 2(10), pp. 28–31.
  8. *Kontseptsiya federal'noy tselevoy programmy «Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovatsionnoy Rossii» na 2014–2020 gody* [The concept of the federal target program «Scientific and scientific-pedagogical staff of innovative Russia» for 2014–2020]. http://www.rg.ru/pril/81/02/04/760_koncepciia.pdf (accessed June 20, 2018).
  9. Panfilova A.N. *Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii* [Innovative pedagogical technologies]. M.: Academy, 2012. 191 p.
  10. Romanchenko S.V. Innovation, innovations, innovations: definitions and essence. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. 2012. No 4, pp. 166–168.
  11. Savinova T.V., Erokhina T.G. Research of personal readiness of future teachers for innovative activity as a component of professional strategy. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. Yalta: RIO GPA. 2017. No 57(13), pp. 183–189.
  12. Savinova T.V., Pil'shchikova G.V. Training as a technology for the development of innovative thinking of students. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education]. 2015. No 4(24), pp. 87–90.
  13. Slastenin V.A., Podymova L.S. *Pedagogika: innovatsionnaya deyatel'nost'* [Pedagogy: innovation activity]. M.: Master, 1997. 224 p.

14. Yagolkovsky S.R. *Psikhologiya innovatsiy: podkhody, modeli, protsessy* [Psychology of Innovation: Approaches, Models, Processes]. M.: GSPI, 2010. 263 p.
15. Mensch G. *Theory of Innovation*. Berlin: International Institute of Management, 1983. 184 p.
16. Tyunnikov Y.S. Integral assessment of future teachers' professional preparation for innovative activity. *European journal of contemporary education*. No 3. 2013, pp. 183–200.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Савинова Татьяна Викторовна, доцент, кандидат психологических наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»

ул. Студенческая, 11 «А», г. Саранск, 430007, Российская Федерация

stanya2610@yandex.ru

Кудашкина Ольга Васильевна, доцент, кандидат психологических наук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»

ул. Студенческая, 11 «А», г. Саранск, 430007, Российская Федерация

kudashkinao@yandex.ru

Ерохина Татьяна Геннадьевна, магистрант

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»

ул. Студенческая, 11 «А», г. Саранск, 430007, Российская Федерация

erohina.tatyana1994@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Savinova Tatyana Viktorovna, Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
*Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseviev
11A, Studencheskaya Str., Saransk, 430007, Russian Federation
stanya2610@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1578-3274*

Kudashkin Olga Vasilyevna, Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences
*Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseviev
11A, Studencheskaya Str., Saransk, 430007, Russian Federation
kudashkinao@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6792-6068*

Erokhina Tatyana Gennadievna, Graduate Student
*Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseviev
11A, Studencheskaya Str., Saransk, 430007, Russian Federation
erohina.tatyana1994@yandex.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://ej.soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области психологии и педагогики, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://ej.soc-journal.ru/en/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of psychology and pedagogy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

- 1. Introduction.**
- 2. Objective.**
- 3. Materials and methods.**
- 4. Results of the research and Discussion.**
- 5. Conclusion.**
- 6. Conflict of interest information.**
- 7. Sponsorship information.**
- 8. Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОШЛОГО:
КОНЦЕПЦИЯ ТОЛПЫ П. РОССИИ

Горбатов Д.С., Байчик А.В. 6

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ
СТУДЕНТОВ КАК СУБЪЕКТИВНЫЕ МАРКЕРЫ
ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ
В ВУЗОВСКОМ ОБУЧЕНИИ

Шутенко Е.Н., Канищева М.А., Локтева А.В., Сидорчук К.В. 20

ОБРАЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
ГОРОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОЛОДЕЖИ С РАЗНЫМИ
МИГРАЦИОННЫМИ НАМЕРЕНИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА
КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ)

Бакина А.В., Орлова О.А., Яремчук С.В. 36

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СТУДЕНТОВ,
АКТИВНО ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ СОЦИАЛЬНЫМИ СЕТЯМИ

Белова Т.А., Кечина М.А. 63

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СНИЖЕНИЯ МОТИВАЦИИ
ПЕРСОНАЛА ПОД ВЛИЯНИЕМ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Борисова И.И. 76

РОЛЬ ОБЩЕНИЯ В АДАПТАЦИИ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА
К УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ В СТАЦИОНАРЕ

Валиуллина Г.Г., Ермолаева Т.Н., Туйгунова И.Р. 90

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ
СОСТОЯНИЙ СПОРТСМЕНОВ ВЫСОКОГО КЛАССА,
СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ В СИЛОВЫХ ВИДАХ СПОРТА

Власова В.П., Майдокина Л.Г. 105

ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА: ОПЫТ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА Горбачева Е.И., Губина Н.К., Натробица О.В.	116
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ НА ЭТАПЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ Кудашкина О.В.	140
СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И АДАПТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВЫГОРАЮЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Мальшев И.В.	152
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ: ФАНАТЫ И ХУЛИГАНЫ Молчанова Е.В.	167
СВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И ПРОКРАСТИНАЦИИ У СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ Романова М.В.	189
ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН Савинова Т.В., Кудашкина О.В., Ерохина Т.Г.	201
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	215

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL STUDIES

TOPICAL ASPECTS OF THE RESEARCH OF THE PAST: P. ROSSI'S CONCEPT OF THE CROWD Gorbatov D.S., Baichik A.V.	6
SEMANTIC INDICATORS OF STUDENTS' SELF-REALIZATION AS SUBJECTIVE MARKERS OF THEIR PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN UNIVERSITY TRAINING Shutenko E.N., Kanishcheva M.A., Lokteva A.V., Sidorchuk K.V.	20
SOCIO-PSYCHOLOGICAL SPACE OF KOMSOMOLSK-ON-AMUR AMONG YOUNG PEOPLE WITH DIFFERENT MIGRATION INTENTIONS Bakina A.V., Orlova O.A., Yaremtchuk S.V.	36
INVESTIGATION OF PERSONAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS, ACTIVE USED BY SOCIAL NETWORKS Belova T.A., Kechina M.A.	63
THE PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF EFFICIENCY OF EXTERNAL MOTIVATION Borisova I.I.	76
THE ROLE OF COMMUNICATION IN ADAPTING AN ELDERLY PERSON TO LIFE CONDITIONS IN HOSPITAL Valiullina G.G., Ermolaeva T.N., Tuigunova I.R.	90
PECULIARITIES OF PSYCHO-PHYSIOLOGICAL STATE OF SPORTSMEN OF HIGH CLASS, SPECIALIZING IN ENDURANCE SPORTS Vlasova V.P., Maydokina L.G.	105

SOURCES OF SOCIAL OPTIMISM: THE INTERGENERATIONAL ANALYSIS Gorbacheva E.I., Gubina N.K., Natrobina O.V.	116
RESEARCH OF PROFESSIONAL AND VALUABLE ORIENTATIONS OF FUTURE TEACHERS AT THE STAGE OF THE HIGHER EDUCATION Kudashkina O.V.	140
STRESS RESISTANCE AND ADAPTIVE CAPABILITIES OF THE PERSON OF BURNING OUT SPECIALISTS IN DIFFICULT CONDITIONS OF PROFESSIONAL ACTIVITY Malyshev I.V.	152
PSYCHOLOGICAL FEATURES OF FOOTBALL FANS: FANS AND HOOLIGANS Molchanova E.V.	167
THE RELATIONSHIP OF PERFECTIONISM AND PROSCRASINATION IN STUDENTS OF VARIOUS TRAINING DIRECTIONS Romanova M.V.	189
DESIGN AND IMPLEMENTATION OF THE PROGRAM OF DEVELOPMENT OF THE PERSONAL PREPAREDNESS FOR THE FUTURE TEACHER TO INNOVATIVE ACTIVITY IN THE PROCESS OF STUDYING PSYCHOLOGICAL DISCIPLINES Savinova T.V., Kudashkina O.V., Erokhina T.G.	201
RULES FOR AUTHORS	215

ДОСТУП К ЖУРНАЛУ

Доступ ко всем номерам журнала – постоянный, свободный и бесплатный.

Каждый номер содержится в едином файле PDF.

OPEN ACCESS POLICY

All issues of the Russian Journal of Education and Psychology
are always open and free access.

Each entire issue is downloadable as a single PDF file.

<http://ej.soc-journal.ru/>

Подписано в печать 30.07.2018. Дата выхода в свет 10.08.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 15,96. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP97/018. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.